

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

4.2021

Издается с 2002 г.

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Выходит 4 раза в год

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Филологические науки

- 10.01.01 – Русская литература
- 10.01.08 – Теория литературы. Текстология
- 10.02.01 – Русский язык
- 10.02.19 – Теория языка
- 10.02.20 – Сравнительно-историческое
типологическое и сопоставительное
языкознание
- 10.02.21 – Прикладная и математическая
лингвистика

Педагогические науки

- 13.00.02 – Теория и методика обучения
и воспитания

Сайт: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85006**

ISSN 2500-2953

Rhema. Pema

4.2021

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research.

The journal has been published since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via: rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, г. Москва.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ответственный секретарь

Павел Валерьевич Гращенков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, г. Москва.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Московского государственного областного университета.

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского государственного университета.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград.

Илона Кишш – PhD (филология); главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета имени Лоранда Этвёша, Венгрия.

Алексей Александрович Корнев – кандидат педагогических наук; доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Павел Лавринец – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – PhD (филология); профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор перевода (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщиков – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», г. Москва.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; principal research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Executive secretary

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Moscow Region State University, Russian Federation.

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Ilona Kiss – PhD in Philology; chief editor of the Russian Quarter journal of Budapest Eötvös Loránd University, Hungary.

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; associate professor at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; associate professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab.; senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the Fundamental Digital Library «Russian literature and folklore», Moscow, Russian Federation.

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Russian Federation.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

Содержание

ЛИНГВИСТИКА

Ван Айцин

Наречия в позднем древнекитайском языке 9

Ю.Д. Панченко

Да и нет в ответах на общие вопросы с отрицанием
в русском языке 38

П.О. Россейкин

Русские *ни*-местоимения
лицензируются над отрицанием 69

МЕТОДИКА

Ю.А. Гуцина

Лексический минимум
для будущих преподавателей
английского языка: опыт создания 119

М.С. Перевёрткина, М.Д. Золотарёва

Стратегии профильной дифференциации
содержания обучения английскому языку
в старшей школе 141

Contents

LINGUISTICS

Wang Aiqing
Adverbial adjuncts in Late Archaic Chinese 9

Yu. Panchenko
Yes and no answers
to Russian negative polar questions 38

P. Rossyaykin
Russian negative pronouns
are licensed above negation. 69

TEACHING THEORY

Yu. Gushchina
Selecting professionally-oriented vocabulary
for pre-service English language teachers:
The essential ELT word list. 119

M. Perevertkina, M. Zolotareva
Strategies of content differentiation
in teaching English for specific purposes
in high school 141

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-9-37

Wang Aiqing

University of Liverpool,
Liverpool, L69 7ZX, UK

Adverbial adjuncts in Late Archaic Chinese

The distribution of adverbial adjuncts in Late Archaic Chinese (LAC) demonstrates similarities and differences with that in modern Mandarin. Aspecto-temporal, comitative, epistemic, evaluative, iterative, reciprocal, sequential, subject-oriented and temporal adverbials in LAC are restricted to preverbal positions; duration and frequency adverbials in LAC are attested in both preverbal and postverbal positions. Nevertheless, degree, instrumental, locative and source adverbials only appear preverbally. By means of scrutinising the clausal positioning of preverbal adverbial adjuncts and their relative sequence with subject, negation and modal verbs, I propound a hierarchy of adverbials and medial elements in the left periphery and sentence-internal domain.

Key words: Late Archaic Chinese, adverbial adjuncts, distribution, hierarchy

FOR CITATION: Wang Aiqing. Adverbial adjuncts in Late Archaic Chinese. *Rhema*. 2021. No. 4. Pp. 9–37. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-9-37

Ван Айцин

Университет Ливерпуля,
L69 7ZX г. Ливерпуль, Великобритания

Наречия в позднем древнекитайском языке

Дистрибуция наречных адъюнктов в позднем древнекитайском языке демонстрирует сходства и различия с таковым в современном китайском. Видовременные, комитативные, эпистемические, оценочные, итеративные, реципрокальные, последовательные, субъектно-ориентированные и временные наречия в позднем древнекитайском связаны с предглагольными позициями; наречия длительности и частоты представлены как пред-, так и с постглагольными позициями. Тем не менее, наречия степени, инструментальные, локативные, а также наречия начальной точки в позднем древнекитайском появляются только предглагольно. На основании детального исследования расположения предглагольных наречных адъюнктов в клаузе, их расположения по отношению к подлежащими, отрицательным и модальным глаголам я предлагаю иерархию наречий и медиальных элементов на левой периферии и внутри предложения.

Ключевые слова: поздний древнекитайский, наречные адъюнкты, дистрибуция, иерархия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ван Айцин. Наречия в позднем древнекитайском языке // Рема. Rhema. 2021. № 4. С. 9–37. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-9-37

1. Introduction

Based on syntactic criteria, the Chinese language can be divided into four major chronological stages: Archaic, Medieval, Modern and Contemporary. Following previous research [Wang, 1958; Zhou, 1963; Peyraube, 2003; among many others], I term Archaic Chinese in the Warring States (475–221 BC) era as Late Archaic Chinese (henceforth LAC).

As a consistent written language separate from the colloquial form of Chinese [Wu, 1980; Pulleyblank, 1995], Classical Chinese is very concise, as reflected by the limited amount of words and their modifiers [Luo, 2018; Xia, 2018] including adverbials. Nevertheless, I still attempt to investigate adverbial adjuncts in LAC, despite limited data. One reason I intend to unveil LAC is that “[t]he field of formal syntax has only recently started to develop coherent and universal theories of adverbial adjuncts, and the application of these theories to Mandarin is just beginning” [Ernst, 2014], not to mention the research concerning LAC. The other reason I focus on LAC is that Archaic Chinese exhibits robust syntactic features that are discrepant from those of the Chinese language at later stages, such as word order flexibility of prepositional phrases in LAC [He, 1982, 1989, 1992; Lu, 1982; Sun, 1991, 1996; Hsueh, 1995; Peyraube, 1996, 1997]; moreover, following LAC, there was a transitional period with multiple typological changes [Shi, 2002; Xu, 2006; Peyraube, 2008; Aldridge, 2015]. In this paper, I discuss adverbial adjuncts in LAC.

Most words in LAC, including adverbials, are monosyllabic. Adverbials in LAC are predominantly adverbs, but they can also be nouns, adjectives or prepositional phrases [Peyraube, 2008]. The most common morpheme preceding DPs in adjunct PPs is 以 *yi*, which I treat as a preposition heading PPs, following the traditional analysis [Wang, 1958, 1962; Zhou, 1959; Xiang et al., 1988, p. 94; Yang, He, 1992; Peyraube, 1996, 1997; Hsueh, 1997; Guo et al., 1999, p. 337; Djamouri, 2009; among many others]. Aldridge (2012) regards *yi* as a high applicative (in the sense of [Pylkkanen, 2002]) above VP within *vP*, which selects a DP argument in its specifier and moves to *v*, deriving a YI-DP-VP order. Her argument is that both movements of focused DPs and VPs target the outer specifier of *vP*, so when YI-DP is postverbal, raising of focused DPs is expected to be blocked, and that is to say, a *DP-VP-YI pattern formed by focus fronting with *yi* stranded in its base position should not be attested. I have postulated that a preposed element occupies a specifier position of some functional projection above *vP*, instead of the edge of *vP*, so the assumed blocking effect due to VP fronting should not exist. This prediction is indeed borne out, as proved by availability of VP-*wh-yi* data in LAC. The VP-DP-YI ordering also shows that VP movement targets a node above *vP*, rather than the specifier of *vP*, as the VP is higher than the fronted DP landing in some functional projection above *vP*. Moreover, VP-*yi-wh* constructions predicted by this applicative approach are never attested [Wang, 2013].

In terms of the distribution of PPs, according to Feng (2014), PPs basically appear postverbally in Archaic Chinese, yet the relative ordering between PPs and main verbs has shifted from Archaic to Medieval Chinese. From

Medieval Chinese onwards, most locational and instrumental PPs could alternatively occur preverbally.

Apart from PPs, DPs can also function as adjuncts in LAC. For instance, DPs can act as point-time expressions in LAC, as in (1).

(1) 吾今則可以見矣 (孟子·滕文公上)

Wu	jin	ze	keyi	jian	yi
I	today	then	can	see	Decl

‘Today I can see (him) then’

This paper is divided into five sections. In Section 2 I present the distribution of adverbials in preverbal and postverbal positions. In Section 3 I focus on preverbal adverbials and propound a hierarchy among various categories of adverbials, negation and modal verbs in the CP area and sentence-internal domain. In Section 4 I investigate available theories explaining the syntax of adverbial adjuncts and postverbal adverbials in Mandarin, and argue that the prosodic approach [Feng 1996, 1997, 2000, 2003, 2009, 2012, 2015] is unable to account for adverbial adjuncts in LAC.

LAC comprises well-known texts such as the *Analects* and *Mencius* [Peyraube, 2003, 2008]. LAC data in this paper is drawn from the Chinese Text Project (<https://ctext.org/>) which is an open-access digital corpus including over 30,000 titles and five billion characters. LAC examples I have selected from this database cover a wide range of discourses and genres, ranging from historical narrative, political essay and philosophical prose to ethical writing, medical text and ritual record. To justify the grammaticality of specific constructions, at least one example needs to be attested in the online corpus. In terms of ungrammaticality of specific constructions, due to the limit of historical syntactic research, lack of positive evidence cannot be proved, so I resort to the fact that negative evidence is not available either.

2. Distribution of adverbials

In Mandarin there is a strong tendency towards preverbal positioning of adverbials. Nearly all adverbials in Mandarin are obligatorily preverbal [Huang, 1982; Li, 1990; Tang, 1990; among many others], except for postverbal duration, frequency, resultative and manner expressions (traditionally known as ‘descriptive complements’). Such distribution is unexpected for Mandarin as a head-initial SVO language, because SVO languages typically permit most of adverbials to occur both preverbally and postverbally, whereas only SOV languages typically forbid postverbal adverbials [Ernst, 2002, 2003, 2014].

According to my observation, the distribution of adverbial adjuncts in LAC is consistent with the attribute of typical SVO languages, namely, adverbial adjuncts in LAC can occur both preverbally and postverbally.

In LAC, resultative expressions and manner expressions (those known as ‘descriptive complements’) can appear postverbally, as shown in (2a) and (2b) respectively. As can be seen from (2b), the two sentences extracted from the same text and sharing the same meaning display opposite word orders PP-VP and VP-PP, showing that in LAC descriptive complements can precede or follow verbs.

(2) a. 鞭之見血 (管子 · 大匡)

Bian zhi xian xue
whip 3.OBJ appear blood
‘(The duke) whipped him (until he) bled’

b. 以羊易之... (孟子 · 梁惠王上)

Yi yang yi zhi
with sheep change 3.OBJ
我非愛其財而易之以羊也
Wo fei ai qi cai er yi
I not love 3.GEN cost Conj change
zhi yi yang ye
3.OBJ with sheep Decl
‘Exchange it with a sheep ... It is not that I cared about the cost
and exchanged it with a sheep’

Nevertheless, postverbal resultative expressions and manner expressions are not discussed in this paper. Cross-linguistically, resultative expressions are sometimes treated as complements. As for postverbal manner expressions, despite evidence from selection and argument structure, they are analysed as complements due to word order and the possibility of extraction out of them [Huang, 1982; Ernst, 1994, 2014; Huang et al., 2009].

Reason adverbials in LAC only appear in preverbal positions, parallel to those in modern Mandarin, as in (3a) and (3b-c) respectively. Since reason adverbials are cross-linguistically ‘high’ adverbials, they are not discussed in this paper either.

(3) a. 夫子胡不入乎? (莊子 · 德充符)

Fuzi hu bu ru hu?
sir(you) why not enter Q
‘Why do you not enter?’

b. Ni weishenme bu jinqu?
you why not enter
‘Why do you not enter?’

c. *Ni bu jinqu weishenme?
You not enter why

Before exploring LAC adverbials that are flexible to either precede or follow VPs, I present nine types of adverbials based on my own categorisation, which have identical distribution to their counterparts in modern Mandarin: aspecto-temporal, comitative, epistemic, evaluative, iterative, reciprocal, sequential, subject-oriented and temporal adverbials (4a–i). These adverbials are restricted to preverbal positions, parallel to their modern counterparts.

According to Meisterernst (2004, 2013), 將 *jiang* and 且 *qie* are two common examples of aspecto-temporal adverbs, and both of them locate a situation in the future. Note that apart from the aspecto-temporal adverb *jiang*, (4a) also contains an epistemic adverb 蓋 *gai*.

(4) a. 吾聞子蓋將不欲立我也 (公羊傳 · 哀公六年)

Wu	wen	zi	gai	jiang	bu	yu
I	hear	you	probably	FUT	not	want
li		wo	ye			
inaugurate		me	Decl			

‘I heard that you probably would not want to inaugurate me’

b. 孔子與之坐而問焉 (論語 · 憲問)

Kongzi	yu	zhi	zuo	er	wen	yan
Confucius	with	3.OBJ	sit	Conj	ask	Decl

‘Confucius sat with him and asked’

c. 能凝之，則必能并之矣 (荀子 · 議兵)

Neng	ning	zhi	ze	bi	neng
can	unite	3.OBJ	then	definitely	can
bing	zhi	yi			
annex	3.OBJ	Decl			

‘(If one) can unite it, then can definitely annex it’

d. 夫子循循然善誘人 (論語 · 子罕)

Fuzi	xunxunran	shan	you	ren
Confucius	convincingly	be.good.at	guide	person

‘Confucius is convincingly good at guiding people’

e. 秦師又至 (左傳 · 文公二年)

Qin	shi	you	zhi
Qin	army	again	arrive

‘(If) Qin’s army arrives again’

f. 道不同，不相為謀 (論語 · 衛靈公)

Dao	bu	tong,	bu	xiang	wei	mo
approach	not	same	not	mutually	make	plan

‘(Those whose) approaches are not the same cannot make plans for each other’

(4) g. 先行其言，而後從之 (論語 · 為政)

Xian xing qi yan, er hou cong zhi
 first fulfil GEN word Conj then follow 3.OBJ
 '(Gentlemen) fulfil their words first, and then follow them'

h. 夫子喟然歎曰 (論語 · 先進)

Fuzi kuiran tan yue
 Confucius sentimentally sigh say
 'Confucius sentimentally sighed and said'

i. 吾今則可以見矣 (孟子 · 滕文公上)

Wu jin ze keyi jian yi
 I today then can see Decl
 'Today I can see (him) then'

Additionally, duration and frequency adverbials in LAC are also analogous to their counterparts in modern Mandarin in respect of distribution. However, different from the above-mentioned nine types of adverbials that are restricted to preverbal positions, duration and frequency adverbials appear in both preverbal (5a, b) and postverbal positions (6a, b).

(5) a. 三日不食 (孟子 · 滕文公下)

San ri bu shi
 3 day not eat
 '(He) did not eat for three days'

b. 季文子三思而後行 (論語 · 公冶長)

Jiwenzi san si er hou xing
 Jiwenzi thrice think Conj then act
 'Mr Ji thinks thrice and then acts'

(6) a. 余不食三日矣 (國語 · 吳語)

Yu bu shi san ri yi
 I not eat 3 day PERF
 'I have not eaten for three days'

b. 鮑叔被而浴之三 (管子 · 小匡)

Baoshu fu er yu zhi san
 Baoshu hold.ceremony Conj take.bath 3.OBJ thrice
 'Baoshu held ceremonies and (let) him take a bath thrice'

I suggest that degree, instrumental, locative and source adverbials in LAC, however, are different from their counterparts in modern Mandarin, as the latter are restricted to preverbal positions. According to data I have collected from the LAC corpus, adverbial adjuncts indicating degree,

instrument, location and source can be found in both preverbal and postverbal positions.

Common degree adverbials in LAC are 極 *ji* ‘extremely’ and 甚 *shen* ‘very’, and they can occur in front of predicative adjectives, as in (7a, b).

(7) a. 樂極和, 禮極順 (禮記 · 祭義)

Yue ji he, li ji shun
music extremely harmonious etiquette extremely smooth
‘Music is very harmonious; etiquette is very smooth’

b. 吾甚恐 (孟子 · 梁惠王下)

Wu shen kong
I very scared
‘I am very scared’

Alternatively, degree adverbials *ji* and *shen* can follow predicative adjectives, as in (8a, b).

(8) a. 峻極于天 (禮記 · 中庸)

Jun ji yu tian
tall very as sky
‘(It is) very tall, like the sky’

b. 丙怒甚, 不肯來 (韓非子 · 內儲說上)

Bing nu shen, bu ken lai
Bing furious very not willing come
‘Bing was very furious and not willing to come’

Instrumental adverbial adjuncts in LAC are predominantly PPs headed by the preposition 以 *yi* ‘with’. *Yi*-DP can either precede or follow the same group of main verbs, as shown in (9a, b), (10a, b) and (11a, b).

(9) a. 弓以招士 (左傳 · 昭公二十年)

Gong_i yi t_i zhao shi
bow with summon official
‘(he) summoned officials with a bow’

b. 招虞人以弓 (*ibid*)

Zhao yuren yi gong
summon ranger with bow
‘(he) summoned with a bow’

(10) a. 將以戈擊之 (左傳 · 昭公二十五年)

Jiang yi ge ji zhi
Fut with spear strike 3.OBJ
‘(He) will strike him with a spear’

(10) b. 武子擊之以杖 (韓非子 · 外儲說下)

Wuzi ji zhi yi zhang
 Wuzi strike 3.OBJ with cane
 'Wuzi struck him with a cane'

(11) a. 君子不以其所以養人者害人 (孟子 · 梁惠王上)

Junzi bu yi qi suo yi yang
 gentleman not with 3.GEN SUO with nurture
 ren] zhe] hai ren
 person ZHE harm person
 'Gentlemen do not harm people using that with which they nurture people'

b. 不害之以實¹ (晏子 · 景公問明王之教民何若晏子對以先行義)

Bu hai zhi yi shi
 not harm 3.OBJ with penalty
 '(One) do not harm them with penalties'

It is worth mentioning that when *yi* introduces a non-interrogative DP, there are some instances where this non-*wh*-DP undergoes fronting to a position preceding the preposition, generating a DP-*yi*-VP surface order, as in (9a), but such movement is not obligatory, as in (9b), (10) and (11). When *yi* takes a *wh*-DP, this *wh*-complement undergoes obligatory movement, landing in a site before the head position. As can be seen from (12a) and (12b), such obligatory *wh*-preposing takes place in both instances involving preverbal and postverbal *wh*-PPs.

(12) a. 何以報我? (國語 · 晉語四)

He_i yi t_i bao wo?
 what with requite me
 'What with (will you) requite me?'

b. 救饑何以? (*ibid*)

Jiu ji he_i yi t_i?
 solve famine what with
 'What with to solve the famine?'

Locative PPs are predominantly postverbal in Archaic Chinese [Peyraube, 1996], but they can also precede VPs. The two clauses in Example (13) share parallel meanings and contain the identical PP 'in wild fields', and they are extracted from the same source, yet these two clauses display opposite word sequences PP-VP and VP-PP. Similarly, another locative PP *yu ci* in (14)

¹ The translation of *shi* into 'penalty' is proposed by Liu (2015) and Li and Yan (1996, p. 186).

also displays flexible distribution and occupies either a preverbal or postverbal position (14a, b). It is notable that (13) involves PP inversion between the head preposition and its complement, which is a robust aspect of LAC [He, 1982, 1989, 1992; Lu, 1982; Sun, 1991, 1996; Hsueh, 1995; Peyraube, 1996, 1997].

(13) 野于飲食... 渝食于野 (墨子 · 非樂上)

Ye_i yu t_i yin shi ... yu shi yu ye
Wild.field at drink eat ... abuse food at wild.field
'(They) ate at wild fields ... abused food at wild fields'

(14) a. 吾見子于此止矣 (國語 · 吳語)

Wu jian zi yu ci zhi yi
I see you at here cease Decl
'Our meeting ceases here'

b. 必死于此 (國語 · 晉語四)

Bi si yu ci
definitely die at here
'(I will) definitely die here'

Analogous to other adjuncts mentioned previously, source adverbials also demonstrate flexible distribution. In (15), PPs headed by the same preposition 於 *yu* can occupy alocation preceding or following the same verb 取 *qu*.

(15) a. 於此取之 (山海經 · 海外西經)

Yu ci qu zhi
from this take 3.OBJ
'Take it from this'

b. 亦乃取於是者也 (莊子 · 知北遊)

Yi nai qu yu shi zheye
also be take from this Decl
'(It) is also taken from this'

To summarise, I suggest that LAC displays similarities and differences with modern Mandarin regarding the distribution of adverbial adjuncts. Aspecto-temporal, comitative, epistemic, evaluative, iterative, reciprocal, sequential, subject-oriented and temporal adverbials in LAC are constrained in preverbal positions, parallel to their counterparts in modern Mandarin; duration and frequency adverbials in LAC are free to occur preverbally or postverbally, which is also an attribute of their counterparts in Mandarin. Other adverbial adjuncts in LAC, however, are distinct from their modern counterparts that are confined to preverbal positions. To be more specific, degree, instrumental, locative and source adverbials are attested in both preverbal and postverbal locations in the LAC corpus.

3. Hierarchy of preverbal adverbials

In this section I investigate the hierarchy of preverbal adverbial adjuncts in LAC. Although adverbial adjuncts indicating degree, instrument, location and source are attested in both preverbal and postverbal positions, an overwhelming majority of adverbial DPs and PPs occur in front of VPs. For the sake of more available data, I limit my discussion within the domain above VP.

According to Ernst (2002, p. 143), adverbials can be divided into three categories based on scope:

- 1) participant adjuncts that have no scope requirements;
- 2) predicational adjuncts that have strict scope requirements; and
- 3) functional adjuncts that have loose scope requirements.

Ernst (2014) also propounds a relative order among cases of preverbal predicational adverbials in Mandarin (16) and provides examples to justify this sequence (17)–(19):

- (16) Discourse-oriented > Evaluative > Epistemic >
Subject-oriented > Manner/degree

- (17) Zhangsan (dagai) hui hen congming de
Zhangsan probably will very intelligent DE
(*dagai) anpai shiqing.
probably arrange matter
'Zhangsan probably will arrange the matter intelligently.'

- (18) Lisi (buxing) yiding (*buxing) yao
Lisi unfortunately definitely unfortunately will
liuzai xuexiao gongzuo, buneng huijia.
stay.in school work can't go.home
'Lisi unfortunately must stay at school and work instead
of going home.'

- (19) Wangwu (hen bulimao de) dasheng
Wangwu very impolite DE loud
(*hen bulimao de) baoyuan.
very impolite DE complain
'Wangwu impolitely complained loudly.'

(From [Ernst, 2014, p. 52–53])

With regard to preverbal adverbial adjuncts in LAC, they also form a hierarchy according to their clausal positions, which I claim is as follows based on available data:

- (20) Time > Subject > Discourse-oriented > Evaluative >
 Aspecto-temporal/Epistemic > Degree > Subject-oriented >
 Duration/Manner > Negation > Modal verb > Sequence >
 Comitative /Instrument > Reciprocal

Following Ernst's (2002, 2014) research on a range of languages, including Mandarin, I assume that the cross-linguistic fact of discourse-oriented adverbials preceding evaluative adverbials applies to LAC as well. Although my presumption cannot be supported by evidence extracted from the corpus, no counterexample has been attested either. The statement of discourse-oriented adverbs being lower than TP is justified by one and only one interrogative sentence where the adverb intervenes between a pronominal DP subject and a *wh*-DP predicate (21).

- (21) 是誠何心哉? (孟子 · 梁惠王上)
 Shi cheng he xin zai?
 this exactly what mentality Q
 'What mentality exactly (is) this?'

To justify the proposed hierarchy, I start with adverbials expressing time point, which is the only type of adjuncts in LAC appearing in the left periphery above TP. In Example (22a), a DP 今 *jin* 'today' indicating time point precedes the subject *wu* 'I'. Apart from the CP area, temporal adverbials are also found sentence-internally, as in (22b) that is from the same source as (22a). Due to lack of enough data, the exact location of temporal adverbials in the sentence-internal domain cannot be pinpointed. In (22c), though *jin* is in front of an evaluative adverb 誠 *cheng* 'indeed', there is lack of a subject, so whether *jin* is in the CP or sentence-internal domain cannot be decided, and it is unreasonable to presume a TP > Time > Evaluative order.

- (22) a. 今吾尚病 (孟子 · 滕文公上)
 Jin wu shang bing
 today I still ill
 'Today I am still ill'
- b. 吾今則可以見矣 (*ibid*)
 Wu jin ze keyi jian yi
 I today then can see Decl
 'Today I can see (him) then'
- c. 今誠為文也 (韓非子 · 外儲說右上)
 Jin cheng weiwen ye
 today indeed contribute Decl
 'Today (they have) indeed contributed'

Evaluative adverbs intervene between TP and epistemics. (23a) shows that an evaluative adverb is lower than the subject, and (23b) shows that it is higher than an epistemic ‘definitely’. It is worth mentioning that the morpheme 誠 *cheng* functions as a discourse-oriented adverb ‘exactly’ when preceding a *wh*-DP predicate (21), yet the same morpheme is interpreted as an evaluative adverb ‘indeed’ in a pre-verbal context (see (22c) and (23b)).

(23) a. 是誠在我 (孟子·滕文公上)

Shi cheng zai wo
this indeed rely.on me
‘This indeed relies on me’

b. 秦王誠必欲伐齊乎? (戰國策·韓策三)

Qin wang cheng bi xu fa Qi hu?
Qin king indeed definitely want attack Qi q
‘Does the King of Qin indeed definitely want to attack Qi?’

In terms of epistemics, as speaker-oriented adverbs, they are located higher than ‘will’ in Mandarin, because adverbials taking wider scope precede those taking narrower scope [Ernst, 2014].

(24) Zhangsan {yiding/dagai/haoxiang} hui ying
Zhangsan definitely/probably/apparently will win
zhe-chang bisai.
this-CL game

‘Zhangsan will definitely/probably/apparently win this game.’

(From [Ernst, 2014, p. 58])

Nonetheless, in LAC epistemics and the aspecto-temporal adverb 將 *jiang* ‘will’ demonstrate flexible relative ordering, and both *bi jiang* (25a) and *jiang bi* (25b) constructions are attested.

(25) a. 故必將撞大鐘 (荀子·富國)

Gu bi jiang zhuang da zhong
so definitely Fut strike big bell
‘So (they) will definitely strike big bells’

b. 將必求之 (國語·周語中)

Jiang bi qiu zhi
Fut definitely seek 3.OBJ
‘(I) will definitely seek it’

The next category in the hierarchy is degree adverbials. A degree adverb may follow the aspecto-temporal adverb *jiang* (26a) or epistemic *bi* (26b), justifying their relative ordering as proposed in (20). Note that 皆 *jie*

‘all’ in (26b) is a subject quantifier that only quantifies an NP to its left [Harbsmeier, 1981; Aldridge, 2013].

(26) a. 蓋將甚敬而不急 (莊子 · 人間世)

Gai jiang shen jing er bu ji
probably Fut very respect Conj not rush
‘(They) probably will respect (me) very much but not rush’

b. 必皆非之 (墨子 · 尚同上)

Bi jie fei zhi
definitely all deny 3.OBJ
‘(They) definitely all deny it’

The adjuncts following degree adverbials are subject-oriented ones. In Mandarin, subject-oriented adverbials are generally in the form of AP-*de*, and they assign some quality to the subject, either being an evaluation of the subject in agent-oriented expressions or a representation of the subject’s mental state in mental-attitude expressions. Under both circumstances, subjects can control the event, or at least refrain it from being performed [Ernst 2002, 2014]. In LAC, subject-oriented adverbials are generally in the form of AP-*ran*. In (27), *xinxinran* describes the mental status of the subject, i.e. being pleased.

(27) 舉欣欣然有喜色而相告曰 (孟子 · 梁惠王下)

Ju xinxinran you xi se er xiang
all joyfully have happy expression Conj mutually
gao yue
tell say
‘(They) all joyfully had happy expressions and told each other’

In the hierarchy, what is below a subject-oriented adverbial may be a duration or manner adverb, but the relative ordering between duration and manner adjuncts cannot be decided due to lack of data. In (28a), the adverb *xinran* (= *xinxinran* in (27)) describing the subject’s mental status precedes a DP adverbial indicating duration, and in (28b), the same subject-oriented adverb precedes a manner adverb 大 *da* ‘loudly’, yet no examples are attested to demonstrate the relative order between duration and manner adjuncts.

(28) a. 欣然七日不食 (淮南子 · 脩務訓)

Xinran qi ri bu shi
joyfully 7 day not eat
‘(He) joyfully did not eat for seven days’

(28) b. 王欣然大笑曰 (韓詩外傳 · 卷十)

Wang xiran da xiao yue
king joyfully loudly laugh say
'The king joyfully laughed loudly and said'

Regarding negatives, they intervene between duration/manner and sequential adverbials in the hierarchy. As can be seen from (28a) (and (5a)), the negator *bu* is preceded by the duration DP. (29) shows that negation is followed by an adverb *xian* expressing sequence.

(29) 主人不問, 客不先舉 (禮記 · 曲禮上)

Zhuren bu wen, ke bu xian ju
host not ask guest not first start
'(If) hosts do not ask, guests (should) not start first'

Following sequential adverbs, the next adverbial category is either comitative or instrument adverbials, but their relative order cannot be pinpointed. In LAC, it is common for comitative and instrument adverbials to occupy preverbal positions after negation, as in (30a) and (30b). Furthermore, there are data indicating that comitative/instrumental adverbials may follow sequential adverbs (31a, b). Since sequential adverbs are lower than negation (29), it is justifiable to suggest an order of Neg-Sequence-Comitative/Instrument.

(30) a. 孟子獨不與歡言 (孟子 · 離婁下)

Mengzi du bu yu Huan yan
Mencius alone not with Huan converse
'Mencius alone did not converse with Huan (me)'

b. 君王不以鞭箠使之 (國語 · 吳語)

Junwang bu yi bian chuishi zhi
Your.Majesty not with whip enslave 3.OBJ
'Your Majesty did not enslave them with a whip'

(31) a. 使楚人先與吳人戰 (左傳 · 定公五年)

Shi Chu ren xian yu Wu ren zhan
make Chu person first with Wu person fight
'Make Chu people fight with Wu people first'

b. 然必先以規矩為度 (韓非子 · 有度)

Ran bi xian yi gui ju wei du
Conj definitely first with compasses ruler do measurement
'But (he) definitely makes measurements with compasses and rulers first'

The fact that comitative and instrumental adjuncts both intervene between negation (or more specifically, sequence adverbs) and VP are not unexpected, as they both take the form of P-DP. As for the fact that their relative ordering cannot be pinpointed, it is consistent with Ernst's (2014) statement: comitative and instrumental PPs, as participant adjuncts indicating roles for additional participants in an event, cross-linguistically have greater freedom in a hierarchy determining rigid linear ordering of adverbials [Ernst, 2014].

The lowest adjuncts in the hierarchy are reciprocal adverbs that follow comitative/instrument adverbials, as in (32a, b) where *xiang* 'mutually' is to the right of a comitative PP or an instrument PP.

(32) a. 安與之相摩 (莊子 · 知北遊)

An	yu	zhi	xiang	mi
peacefully	with	3.OBJ	mutually	comply

'(People) mutually comply with it in a peaceful manner'

b. 皆以水火毒藥相虧害 (墨子 · 尚同上)

Jie	yi	shui	huo	duyao	xiang	kuihai
all	with	water	fire	poison	mutually	harm

'(They) all harm each other with water, fire and poison'

I would like to point out that what immediately follow negatives in the hierarchy are actually modal verbs, though they are not adjuncts. 可以 *keyi* (33a) and 能 *neng* (33b) are common modal verbs in LAC, and they still exist in modern Mandarin, keeping their original meanings. In Mandarin, *keyi* is 'be permitted to' while *neng* is 'be able to' [Lin, Tang, 1995; Lin, 2011]. (33b) contains a preposed pronoun *zhi* that raises from its base position within VP and lands in a preverbal position between negation and the modal verb. Pronoun fronting in the context of negation is prevalent, as negators usually 'trigger' raising of pronouns in LAC. However, there are exceptions: (33a) involves the same pronoun *zhi*, yet it stays in its base position, hence the canonical order of Neg-Mod-V-Pron. For pronoun fronting to negation in LAC, its nature, motivation and disappearance in the modern period, as well as the fact that a pronoun in an identical construction undergoes fronting in some cases but does not in other cases, are beyond the research scope of this paper.

(33) a. 吾不可以僭之 (左傳 · 哀公五年)

Wu	bu	keyi	jian	zhi
I	not	can	betray	3.OBJ

'I cannot betray him'

(33) b. 未之能行 (論語 · 公冶長)

wei zhi_i neng xing t_i
 not.yet 3.OBJ can execute
 '(He) could not execute it yet'

Data demonstrates that modal verbs are located higher than sequential adverbs (34), and hence comitative/instrument PPs (35). In Example (35a) and (35b), the modal verb *neng* follows negators *bu* and *wei* and precedes PPs indicating comitative and instrument respectively, so it is safe to say that modal verbs intervene between negation and comitative/instrument adjuncts. Since (35b) is a negative environment, the preposition *zhi* raises out of its base position following a preposition and lands in a position outside the PP. Again, in this paper I do not account for the fact that (35a) does not involve pronoun fronting, though it shares the same pronoun and same Neg-Mod-PP-VP canonical order with (35b).

(34) a. 可以先防 (黃帝內經 · 刺法論)

Keyi xian fang
 can first prevent
 '(We) can prevent (it) first'

b. 有能先登者 (韓非子 · 內儲說上)

You neng xian deng zhe
 there.be can first mount the.one.who
 '(If) there are those who can mount first'

(35) a. 而王公不能與之爭名 (荀子 · 儒效)

Er wanggong bu neng yu zhi
 Conj the.nobility not can with 3.OBJ
 zheng ming
 compete fame
 'Yet the nobility cannot compete with them for fame'

b. 未之能以出 (公羊傳 · 昭公二十五年)

wei zhi_i neng yi t_i chu
 not.yet 3.OBJ can with present
 '(I) have not been able to present (sacrifices) with it'

So far, the hierarchy proposed in (20) shows that speaker-oriented adjuncts, including discourse-oriented, evaluative and epistemic adverbs, precede negators and hence modals in LAC, as in (36a–c). This observation is in accord with Ernst's (2008, 2009, 2014) argument based on Mandarin that all types of speaker-oriented adverbials must precede negators and modals, as they are positive polarity items that cannot be included in the scope of negation or modality.

(36) a. 幸而不亡 (左傳 · 昭公十八年)

Xinger bu wang
 fortunately not perish
 '(Our country) fortunately did not perish'

b. 則誠不善矣 (晏子 · 景公問治國之患晏子對以佞人讒夫在君側)

Ze cheng bu shan yi
 then indeed not kind Decl
 'Then (they) are indeed not kind'

c. 吾王庶幾無疾病與 (孟子 · 梁惠王下)

Wu wang shuji wu jibing yu
 my lord probably not.have disease Decl
 'My Lord probably does not have diseases'

It is noteworthy that in LAC when more than one adverbial of the same function co-occur, they follow specific orders. For instance, frequency adverbial DPs 日 *ri* 'daily' and 三 *san* 'thrice' co-exist in the same preverbal domain of the same sentence, and *ri* precedes *san*, yet the **san-ri* pattern (without changing the original meaning) is never attested.

(37) 吾日三省吾身 (論語 · 學而)

Wu ri san xing wu shen
 I daily thrice examine GEN body
 'I daily examine myself thrice'

In Mandarin, if 'daily' and 'three times' co-occur, 'daily' also needs to precede 'three times', but the former is preverbal and the latter is postverbal, regardless of the verb's transitivity.

(38) a. Zhangsan meitian ku sanci.
Zhangsan daily cry 3.times
'Zhangsan cries three times a day.'b. *Zhangsan meitian sanci ku.
Zhangsan daily 3.times cryc. Zhangsan meitian chi sanci yao.
Zhangsan daily eat 3.times medicine
'Zhangsan takes medicine three times a day.'d. *Zhangsan meitian sanci chi yao.
Zhangsan daily 3.times eat medicine

Similarly, when two adverbials expressing accompaniment, e.g. a comitative PP and an adverb, co-exist in the same sentence, there is a fixed order:

(39) 民欲與之偕亡 (孟子·梁惠王上)

Min yu yu zhi xie wang
 people want with 3.Obj together die
 'People wish for his death, even though they should die with him'
 (Lit. 'People want to die with him together')

This PP-Adverb order applies to comitative constructions in Mandarin as well:

- (40) a. Zhangsan xiang he Lisi yiqi lai.
 Zhangsan want with Lisi together come
 'Zhangsan wants to come together with Lisi.'
- b. *Zhangsan xiang yiqi he Lisi lai.
 Zhangsan want together with Lisi come

4. Accounts of adverbials

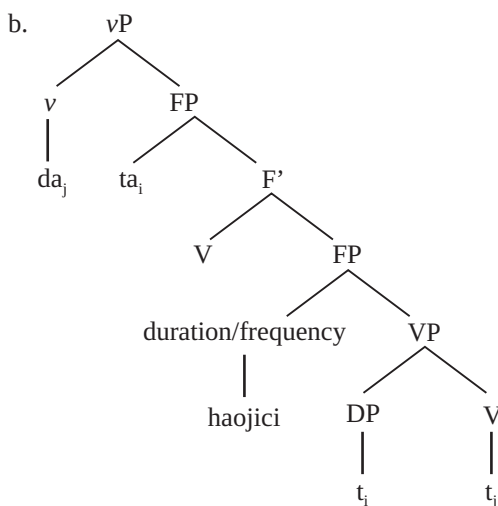
There are two main approaches to the syntax of adverbial adjuncts. One approach is referred to as the F-Spec theory, proposing that UG provides a universal, rigidly ordered sequence of functional heads to license adverbs, with each head licensing one narrow adverb class in its specifier. This theory is in line with the Linear Correspondence Axiom [Kayne, 1994] that forbids right-adjunction and derives alternative orders of adverbs and heads by upward movement of heads across adverbs or roll-up movement. A reversed surface order VP-PP-AdvP, therefore, can be generated from a canonical order AdvP-PP-VP via two leftward movements [Cinque, 1999, 2004, 2006]. The other approach is the semantically based adjunction theory that permits right-adjunction in some cases, unlike the F-Spec theory. This theory generally assumes that adverbials are adjoined to maximal projections, and their relative ordering and combinations are predominantly affected by the interaction between their semantics and rules of semantic composition, so when there are clashes or violations of principles, ungrammaticality arises [Ernst, 2002; Haider, 2004; Nilsen, 2004).

Ernst (2014) reviews these two main approaches and points out issues for both of them. The F-Spec theory entails exceptions to principles such as the Head Movement Constraint [Travis, 1984], duplication of licensing heads and ill-understood movement triggers; additionally, the prediction on the ordering of adverbial modifiers, along with the associated prediction of 'transitivity' (viz. if adverbial A precedes B and B precedes C, then A precedes C) are not borne out. As for the semantically based adjunction theory, it relies on semantic interpretation to rule out unfeasible orders, yet it fails to provide explicit semantic accounts of requirements for each adverbial

category; moreover, there is lack of precise elaboration of how particular orderings do or do not produce well-formed representations.

To account for the postverbal positioning of duration/frequency adverbials in Mandarin, Soh (1998) proposes that duration and frequency adverbials are base-generated within (shells of) lexical VPs and stay in situ, while verbs move across them to *v*. The tree structure for (41a) involving a V-DO-Adv order is in (41b), where the specifier node of FP provides a landing site for a fronted object.

- (41) a. Zhangsan da-le (ta) haojici (*ta).
 Zhangsan hit-PRF s/he many.time s/he
 ‘Zhangsan hit her/him many times.’

(Adopted from [Ernst, 2014, p. 65–66])

Nonetheless, I argue that this approach cannot explain the postverbal distribution of duration/frequency adverbials, as it yields a wrong word order. For Example (41a), with the adverbial staying in situ, if the verb raised to *v* and the direct object occupied [Spec,FP], the perfect particle *le* had to land in the head of the functional project, and hence an ungrammatical construction *V-DO-*le*-Adv.

Feng (2000, 2003) argues that postverbal PPs in Mandarin cannot be explained by syntax or morphology; instead, their behaviours are prosodically constrained syntactic phenomena. It is difficult for a syntactic or morphological theory to account for a ban of pronouns and definite NPs in [V NP PP]. A prosodic analysis, however, can explain the ungrammaticality of VPs

taking pronouns or definite NPs in their argument positions. Pronouns and definite NPs, given their semantic antecedents in discourse, are anaphoric elements, so they are metrically invisible to prosodic operations and do not generally attract stress. Based on metrical property of stress attraction between anaphoric constituents (marked with 'L(ight)') and non-anaphoric constituents (marked with 'H(eavy)'), *[V pronoun/definite-NP PP] and [V indefinite-NP PP] are represented as [V NP_H P + NP_L] and [V *NP_L P + NP_H] respectively. Similarly, [V + *pron + PP] and [V + [P + *(pron)] PP + NP] are represented as [V [P NP_L]_{PP} NP] and [V [P *NP_H]_{PP} NP] respectively. To account for the syntactic behaviours of postverbal PPs in Mandarin, Feng (2003) postulates the following:

(42) *Government-based Nuclear Stress Rule (G-NSR)*

Given two sister nodes C1 and C2, if C1 and C2 are selectionally ordered, the one lower in selectional ordering and containing an element governed by the selector is more prominent.

(43) *Invisibility Condition*

In Chinese, anaphoric elements are prosodically invisible constituents that have no bearing on prosodic analysis.

(44) *Structural Removing Condition (SRC)*

Remove all the prosodically invisible elements (with their syntactic branches) from the tree structure, when NSR applies.

(From [Feng, 2003, p. 1091–1094])

Nonetheless, I argue that this prosodic approach for postverbal PPs in Mandarin cannot be employed to account for the syntax of preverbal or postverbal adverbial PPs in LAC.

First, I demonstrate that the prosodic theory does not apply to postverbal PPs in LAC.

For postverbal PPs in Mandarin, the prosodic analysis correctly predicts the grammaticality of [V NP_H P + NP_L] and ungrammaticality of [V *NP_L P + NP_H]. In LAC, the [V NP_H P + NP_L] construction also exists, as shown in (45a) that contains an indefinite NP (NP_H) 'people' and a definite NP (NP_L) 'the boundaries of territories'. Nevertheless, what the prosodic approach does not expect in modern Mandarin is a [V NP_H P + NP_H] pattern, yet it is indeed attested in LAC, as shown in (45b) involving an indefinite NP_H 'etiquette' functioning as a prepositional complement. (45a) and (45b) are examples involving instrumental adverbials, while (46a) and (46b) contain locative PPs with unstressed/stressed prepositional complements respectively, and both verbal complements in (46) a reprosodically stressable. In a word, LAC allows both [V NP_H P + NP_L] [V NP_H P + NP_H] constructions, yet the latter is unexpected for the prosodic account targeting Mandarin.

(45) a. 域民不以封疆之界 (孟子 · 公孫丑下)

Yu min bu yi fengjiang zhi jie
 restrict people not with territory GEN boundary
 ‘(A ruler) does not enclose people with the boundaries
 of territories’

b. 治民不以禮 (荀子 · 大略)

Zhi min bu yi li
 manage people not with etiquette
 ‘(If one) does not manage people with etiquette’

(46) a. 盜跖死利于东陵之上 (莊子 · 駢拇)

Dao Zhi si li yu Dongling zhi shang
 theft Zhi die.for profit at Dongling GEN top
 ‘Zhi the theft died for profit at the top of (Mt) Dongling’

b. 渝食于野 (墨子 · 非樂上)

Yu shi yu ye
 abuse food at wild.field
 ‘(They) abused food at wild fields’

Moreover, the prediction concerning the ban of anaphoric constituents in complement positions preceding PPs, viz. the ungrammaticality of $[V \text{ } ^*NP_L \text{ } P + NP_{H/L}]$, is not borne out in LAC. In (47a), at third person singular pronoun *zhi* intervenes between a verb and a PP; similarly, in (47b), a definite DP consisting of a genitive *qi* and a NP *zi* appears in an argument position. Data in (47) validate the grammaticality of $[V \text{ } NP_L \text{ } P + NP_{H/L}]$ in LAC.

(47) a. 吾求之於度數 (莊子 · 天運)

Wu qiu zhi yu dushu
 I seek 3.OBJ from principle
 ‘I sought it from principles’

b. 隊其子於井 (墨子 · 七患)

Zhui qi zi yu jing
 drop GEN son to well
 ‘(If she) drops her son into a well’

It is worth pointing out that in (47) the propositional complements are indefinite, non-anaphoric constituents, yet in other examples anaphoric elements can appear in postverbal PPs, as in (48a) and (48b-c) that contain a pronoun and definite DPs respectively. Taking both (47) and (48) into consideration, it is reasonable to state that LAC allows $[V \text{ } NP_L \text{ } P + NP_{H/L}]$ constructions, which is unexpected for the prosodic analysis targeting Mandarin.

(48) a. 以其時考之則可矣 (孟子 · 公孫丑下)

Yi qi shi kao zhi ze ke yi
 with GEN trend examine 3.OBJ then appropriate Decl
 'It is then appropriate to examine it with its trends'

b. 則移其民於河東 (孟子 · 梁惠王上)

Ze yi qi min yu he dong
 then migrate GEN people to river east
 'Then (I) migrated my people to the east of the river'

c. 說之以其行 (晏子 · 景公問善為國家者何如晏子對以舉賢官能)

Shuo zhi yi qi xing
 judge 3.OBJ with GEN behaviour
 'Judge him with his behaviours'

Second, in terms of preverbal PPs in LAC, they are not prosodically constrained either.

According to the prosodic theory accounting for PPs in Mandarin, anaphoric constituents are prosodically invisible, so these light forms are rejected from argument positions while requested inside locative PPs, namely, object NPs cannot be metrically lighter than locative NPs [Feng, 2003].

In LAC, however, when anaphoric constituents act as prepositional complements within PPs, argument positions do not have to be taken by non-anaphoric elements. That is to say, both $[P + NP_L V NP_H]$ and $[P + NP_L V NP_L]$ are felicitous, and argument DPs can, but do not have to, be heavier than DPs within PPs. Data show that DPs functioning as verbal complements are permitted to be heavier than DPs functioning as prepositional complements (49), or prosodically equally-weighted with them (50). In (49), a pronoun that is prosodically light acts as a propositional complement, while the argument position is occupied by a stressable indefinite DP that is heavier than the PP.

In (50a), a definite DP is headed by a determiner *ci* and it acts as a prepositional complement, but the following argument is also a DP headed by the same determiner, which means object DPs do not have to be heavier than PPs and they can both be located in unstressed positions. In (50b), both VP- and PP-internal positions are non-stressable: the former is occupied by a definite DP and the latter is occupied by a pronoun.

(49) 君子以此坊民 (禮記 · 坊記)

Junzi yi ci fang min
 gentleman with this protect people
 'Gentlemen protect people with this'

(50) a. 予將以此道覺此民也 (孟子 · 萬章下)

Yu jiang yi ci dao jue ci min ye
 I FUT with DET principle enlighten DET people Decl
 'I will enlighten these people with these principles'

b. 不以其道得之 (論語 · 里仁)

Bu yi qi dao de zhi
 not with GEN principle obtain 3.OBJ
 '(If one) does not obtain them with principles'

Regarding the statement that argument DPs can, but do not have to, be heavier than DPs within PPs, apart from $[P + NP_L V NP_{L/H}]$ constructions, there is another potential pattern, viz. $[P + NP_H V NP_H]$, and it is indeed attested. In (51), both DPs functioning as a prepositional complement and verbal complement are indefinite, hence metrically heavy forms. Their coexistence in the same sentence indicates that both DPs in VP and PP can carry stress and thus be prosodically equally-weighted.

(51) 猶以一杯水救一車薪之火也

You yi yi bei shui jiu yi che
 be.like with one glass water rescue one cart
 xin zhi huo ye
 firewood of fire part
 'It is like fighting a fire of a cart-full of firewood with a glass
 of water'

(孟子 · 滕文公下; [Peyraube, 2003, p. 143])

What is even more surprising is that in LAC DPs acting as verbal complements can be lighter than those as prepositional complements, exactly opposite to Mandarin. That is to say, LAC permits $[P + NP_H V NP_L]$ structures. In (52), an object DP occupies an unstressed position while a PP occupies a stressed position. Note that in (52) the prepositional complement raises from its base position following the preposition to a landing site preceding its head.

(52) 信以成之 (論語 · 衛靈公)

Xin_i yi t_i cheng zhi
 integrity with accomplish 3.OBJ
 '(Gentlemen) accomplish it with integrity'

5. Conclusion

In this paper I demonstrate that the distribution of adverbial adjuncts LAC is not identical to that in modern Mandarin. Aspecto-temporal, comitative, epistemic, evaluative, iterative, reciprocal, sequential, subject-oriented and

temporal adverbials in LAC are only attested in preverbal positions, similar to their counterparts in modern Mandarin; duration and frequency adverbials in LAC are attested in both preverbal and postverbal positions, parallel to their counterparts in Mandarin. However, degree, instrumental, locative and source adverbials in LAC are different from their modern counterparts that are restricted to preverbal positions: these four categories of adverbials can be found in both preverbal and postverbal locations in the LAC corpus. I also scrutinise the clausal positioning of preverbal adverbial adjuncts and suggest their relative ordering with subject, negation and modal verbs in the CP area and medial domain. The specific hierarchy I propose is in (53) (= (20)). Note that due to lack of data in the LAC corpus, the relative orders between aspecto-temporal and epistemic adjuncts and between comitative and instrument adjuncts cannot be identified.

- (53) Time > Subject > Discourse-oriented > Evaluative >
 Aspecto-temporal/Epistemic > Degree > Subject-oriented >
 Duration/Manner > Negation > Modal verb > Sequence >
 Comitative/Instrument > Reciprocal

As for the theory explaining adverbial adjuncts, though Feng's (2003) prosodic approach accounts for adverbials in modern Mandarin, it cannot be successfully applied to LAC. Therefore, in future research I intend to posit a theory to account for the distribution and hierarchy of adverbial adjuncts in LAC.

As identified by Rissanen (1989), there are three main problems associated with using diachronic corpora:

- 1) 'the philologist's dilemma' that the employment of corpora may replace in-depth knowledge of language history which needs to be obtained from the study of original texts in their contexts;
- 2) 'God's truth fallacy' that corpora may be used to generate representative conclusions of entire language periods, neglecting the limitations language speakers of the contemporary period are not intuitively aware of;
- 3) 'the mystery of vanishing reliability' that the more variables used in sampling and coding corpora in respect of periods, genres, age, gender etc., the more difficult it is to fully represent each one and achieve statistical reliability.

There is no denying the fact that my research on LAC is potentially subject to all these three risks.

Apart from addressing the above-mentioned issues, future research could answer three questions raised in Feng (2014):

- 1) timing problem of why most new prepositions appear during the Han Dynasty following the LAC period [He, 1984];

2) position problem of why new prepositions are generated in preverbal positions;

3) category problem of why new prepositions mostly (if not exclusively) precede verbs.

Moreover, pronoun fronting in the context of negation in LAC, including its nature, motivation and disappearance in modern Mandarin, as well as existence/nonexistence in identical environments, is also worth investigating.

References

Aldridge, 2012 – Aldridge E. PPs and applicatives in late Archaic Chinese. *Studies in Chinese Linguistics*. 2012. No. 33. Pp. 139–164.

Aldridge, 2013 – Aldridge E. Object relative clauses in Archaic Chinese. *Canadian Journal of Linguistics. Special issue on relative clauses*. M. McGinnis (ed.). 2013. No. 58 (2). Pp. 239–265.

Aldridge, 2015 – Aldridge E. Wh-questions, premodern. *Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics*. R. Sybesma (ed.). Brill Online, 2015. Pp. ??–??

Cinque, 1999 – Cinque G. Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective. Oxford, 1999.

Cinque, 2004 – Cinque G. Issues in adverbial syntax. *Lingua*. 2004. No. 114. Pp. 683–710.

Cinque, 2006 – Cinque G. Complement and adverbial PPs: Implications for clause structure. *Restructuring and Functional Heads*. G. Cinque (ed.). Oxford, 2006. Pp. 145–166.

Djamouri, 2009 – 罗端. 从甲骨、金文看“以”字语法化的过程. 《中国语文》2009. 328. 3–9. [Djamouri R. Development of ‘yi’ in the oracle bones and bronze inscriptions. *Studies of the Chinese Language*. 2009. No. 328 (1). Pp. 3–9. (In Chinese)]

Ernst, 1994 – Ernst T. Conditions on Chinese A-not-A questions. *Journal of East Asian Linguistics*. 1994. No. 3. Pp. 261–264.

Ernst, 2002 – Ernst T. The Syntax of Adjuncts. Cambridge, 2002.

Ernst, 2003 – Ernst T. 2003. Adjuncts and word order typology in East Asian languages. *Functional Structure(s), Form and Interpretation*. Y.H.A. Li, A. Simpson (eds.). London, 2003. Pp. 241–261.

Ernst, 2014 – Ernst T. Adverbial adjuncts in Mandarin Chinese. *The Handbook of Chinese Linguistics*. C.T. J. Huang, Y.H.A. Li, A. Simpson (eds.). Hoboken, 2014. Pp. 49–72.

Feng, 1996 – Feng S. Prosodically constrained syntactic changes in Early Archaic Chinese. *Journal of East Asian Linguistics*. 1996. No. 5. Pp. 323–371.

Feng, 1997 – Feng S. Prosodic structure and compound words in classical Chinese. *New approaches to Chinese word formation – Morphology, phonology and the Lexicon in modern and ancient Chinese*. J. Packard (ed.). Berlin, 1997. Pp. 197–260.

Feng, 2000 – 冯胜利. 《汉语韵律句法学》. 上海. 2000. [Feng S. Hanyu Yunlv Jufaxue [Prosodic syntax of Chinese]. Shanghai, 2000.]

Feng, 2003 – Feng S. Prosodically constrained postverbal PPs in Mandarin Chinese. *Linguistics*. 2003. No. 6. Pp. 1085–1122.

Feng, 2009 – Feng S. Minimal word and its function in Mandarin Chinese. *Studies of Chinese Linguistics: Functional Approaches*. J. Zhiquan Xing (ed.). Hong Kong, 2009. Pp. 47–64.

Feng, 2012 – Feng S. The syntax and prosody of classifiers in Classical Chinese. *Plurality and classifiers across languages of China*. D. Xu (ed.). Berlin, 2012. Pp. 67–99.

Feng, 2014 – Feng S. Historical syntax of Chinese. *The Handbook of Chinese Linguistics*. C.T.J. Huang, Y.H.A. Li, A. Simpson (eds.). Hoboken, 2014. Pp. 537–575.

Feng, 2015 – Feng S. Prosodically constrained localizers in Classical and Modern Chinese. *Space and Quantification in Languages of China*. D. Xu, J. Fu (eds.). Pp. 17–35. DOI: 10.1007/978-3-319-10040-1.

Guo et al., 1999 – 郭锡良等. 《古代汉语》. 北京. 1999. [Guo X., Zuofan T., Jiuying H. et al. *Gudai hanyu* [Classical Chinese]. Beijing, 1999.]

Haider, 2004 – Haider H. Pre- and post-verbal adverbials in OV and VO. *Lingua*. 2004. No. 114. Pp. 779–807.

Harbsmeier, 1981 – Harbsmeier C. Aspects of classical Chinese syntax. London, 1981.

He, 1982 – 何乐士. 《左传》的单句和复句初探. 程湘清主编《先秦汉语研究》. 济南. 1982. 143–271. [He L. Sketch of simple and complex sentences in Zuo zhuan. *Xian-Qin hanyu yanjiu*. Cheng Xiangqing (ed.). Pp. 143–271. Jinan, 1982. (In Chinese)]

He, 1985 – 何乐士. 《史记》语法特点研究. 程祥清主编. 1–261. 北京. 1985. [He L. Study of characteristics of the grammar in Shiji. *Liang Han hanyu yanjiu*. X. Cheng (ed.). Shandong, 1985. Pp. 1–261. (In Chinese)]

He, 1989 – 何乐士. 《左传》虚词研究. 北京. 1989. [He L. *Zuozhuan Xuci Yanjiu* [Functional Categories in the Zuozhuan]. Beijing, 1989.]

Hsueh, 1995 – Hsueh F.F.S. Verb complement in Classical Chinese and its implications as revealed by the particle *yi*. Paper presented at the Stanford Conference on the History of Chinese Syntax. 1995.

Hsueh, 1997 – Hsueh F.F.S. Verb complement in Classical Chinese and its implications as revealed by the particle *yi*. *Journal of Chinese Linguistics*. 1997. Monograph series 10. Chaofen Sun (ed.). Pp. 27–48.

Huang, 1982 – Huang C.-T.J. Logical relations in Chinese and the theory of grammar. PhD thesis. MIT. 1982.

Huang et al., 2009 – Huang C.-T.J., Li Y.H.A., Li Y. Syntax of Chinese. Cambridge, 2009.

Kayne, 1994 – Kayne R. The Antisymmetry of Syntax. Cambridge, 1994.

Li, Ying Yan, 1996 – Li W., Ying Yan. *Yanzi Chunqiu*. Taipei, 1996.

Li, 1990 – Li Y.H.A. Order and Constituency in Mandarin Chinese. Dordrecht, 1990.

Lin, Tang, 1995 – Lin J.-W., Tang J. Modals as verbs in Chinese: A GB perspective. *Bulletin of the Institute of History and Philology Academia Sinica*. 1995. No. 66. Pp. 53–105.

Lin, 2011 – Lin T.-H.J. Finiteness of clauses and raising of arguments in Mandarin Chinese. *Syntax*. 2011. Vol. 14. No. 1. Pp. 48–73.

- Liu, 2015 – Liu W. A history of research on Yanzi Chunqiu. Beijing, 2015.
- Lu, 1982 – 鲁国尧. 《孟子》“以羊易之”，“易之以羊”两种结构的对比研究. 程湘清主编《先秦汉语研究》. 济南. 1982. 272–290. [Lu G. Comparative analysis of two similar structures. *Xian-Qin hanyu yanjiu*. Cheng Xiangqing (ed.). Jinan, 1982. Pp. 272–290. (In Chinese)]
- Luo, 2018 – 罗文兴. 《被误解的中国历史》. 台北. 2018. [Luo W. Bei wujie de zhongguo lishi [The misunderstood Chinese history]. Taipei, 2018.]
- Nilsen, 2004 – Nilsen Ø. Domains for adverbs. *Lingua*. 2004. No. 114 (6). Pp. 809–847.
- Peyraube, 1996 – Peyraube A. Recent Issues in Chinese historical syntax. *New Horizons in Chinese Linguistics*. C.-T.J. Huang, Y.-H.A. Li (eds.). Dordrecht, 1996. Pp. 161–214.
- Peyraube, 1997 – Peyraube A. On word order in Archaic Chinese. *Cahiers de linguistique Asie Orientale*. 1997. No. 26 (1). Pp. 3–20.
- Peyraube, 2003 – Peyraube A. On moving constituents in Chinese historical syntax. *Historical Development of Chinese Language*. 2003. Pp. 141–156.
- Peyraube, 2008 – Peyraube A. Ancient Chinese. *The Ancient Languages of Asia and the Americas*. R.D. Woodard (ed.). Cambridge, 2008. Pp. 136–162.
- Pulleyblank, 1995 – Pulleyblank E.G. Outline of classical Chinese grammar. Vancouver, 1995.
- Pylkkanen, 2002 – Pylkkanen L. Introducing arguments. PhD thesis. MIT. 2002.
- Rissanen, 1989 – Rissanen M. Three problems connected with the use of diachronic corpora. *ICAME Journal*. 1989. No. 13. Pp. 16–19.
- Shi, 2002 – Shi Y. The establishment of modern Chinese grammar. Amsterdam, 2002.
- Soh, 1998 – Soh H.L. Object scrambling in Chinese. PhD thesis. MIT. 1998.
- Sun, 1991 – Sun C. The adposition *yi* and word order in Classical Chinese. *Journal of Chinese Linguistics*. 1991. No. 19 (2). Pp. 202–219.
- Sun, 1996 – Sun C. Word-order change and grammaticalization in the history of Chinese. Stanford, CA, 1996.
- Tang, 1990 – Tang C.-C.J. Chinese phrase structure and the extended X' theory. PhD thesis. Cornell University, Ithaca. 1990.
- Travis, 1984 – Travis L.D.M. Parameters and effects of word order variation. PhD thesis. MIT. 1984.
- Wang, 1958 – 王力. 《汉语史稿》. 北京. 1958. 2004 年再版. [Wang L. Hanyu shigao [History of Chinese]. Beijing, 1958. Reprinted in 2004.]
- Wang, 1962 – 王力. 《古代汉语》. 北京. 1962. 2001 年再版. [Wang L. Gudai hanyu [Classical Chinese]. Beijing, 1962. Reprinted in 2001.]
- Wang, 2013 – Wang A. Object preposing in Late Archaic Chinese. *York Papers in Linguistics*. 2013. No. 13. Pp. 70–98.
- Wu, 1980 – 吴福祥. 《古代汉语》. 兰州. 1980. 1982 年再版. [Wu F. Gudai hanyu [Classical Chinese]. Lanzhou, 1980. Reprinted in 1982.]
- Xia, 2018 – 夏海. 《国学要义》. 北京. 2018 年. [Xia H. Guoxue yaoyi [Essence of Chinese studies]. Beijing, 2018.]
- Xiang et al., 1988 – 向熹等. 《古汉语知识辞典》. 成都. 1988. [Xiang X. et al. Gudai hanyu zhishi cidian [Dictionary of Classical Chinese]. Chengdu, 1988.]
- Xu, 2006 – Xu D. Typological change in Chinese syntax. Oxford, 2006.

Yang, He, 1992 – 杨伯峻, 何乐士. 《古汉语语法及其发展》. 北京. 1992 年. [Yang B., He L. Gu Hanyu Yufa ji qi Fazhan [Archaic Chinese grammar and its development]. Beijing, 1992.]

Zhou, 1959 – 周法高. 《中国古代语法》. 台北. 1959. [Zhou F. Zhongguo Gudai Yufa [Historical grammar of Ancient Chinese]. Taipei, 1959.]

Zhou, 1963 – 周法高. 《中国语文论丛》1963. 432–438. [Zhou F. Stages in the development of the Chinese language. *Zhongguo yuwen luncong*. Fagao Zhou (ed.). Taipei, 1963.. Pp. 432–438. (In Chinese)]

Статья поступила в редакцию 26.10.2020

The article was received on 26.10.2020

About the author / Об авторе

Aiqing Wang – PhD in Linguistics; Lecturer in Chinese at the Department of Languages, Cultures and Film, University of Liverpool, UK

Ван Айцин – преподаватель китайского языка, руководитель магистратуры китайско-английского письменного и устного перевода кафедры языков, культуры и кинематографии, Университет Ливерпуля, Великобритания

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7546-4959>

E-mail: aiqing.wang@liverpool.ac.uk

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-38-68

Ю.Д. Панченко

Потсдамский университет,
14469 г. Потсдам, Федеративная Республика Германия

Да и нет в ответах на общие вопросы с отрицанием в русском языке

При ответе на общие вопросы, содержащие отрицание, в русской разговорной речи слова *да* и *нет* могут служить как для подтверждения, так и для опровержения пропозиции вопроса. В настоящей работе с помощью эксперимента на извлечение суждений о приемлемости исследуется зависимость выбора между словами *да* и *нет* от способа выражения отрицания в вопросе и наличия при отрицании частицы *ли*, а также понимание краткого ответа *да* носителями русского языка в качестве ответа на вопрос с отрицанием. Результаты эксперимента показали, что в русском языке конкурируют несколько стратегий ответов на вопросы с отрицанием и вынесения суждений о приемлемости возможных ответов. При этом для вопросов с частицей *ли* большинство испытуемых предпочитало иную стратегию, чем для остальных типов вопросов. До настоящей работы закономерности выбора между *да*- и *нет*-ответами на негативные вопросы экспериментально не исследовались. В дальнейшем представляется интересным провести аналогичные исследования на материале других языков, а также сравнить результаты в разных возрастных группах.

Ключевые слова: экспериментальная лингвистика, эксперимент, извлечение суждений о приемлемости, отрицание, общие вопросы, русский язык

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Панченко Ю.Д. *Да и нет* в ответах на общие вопросы с отрицанием в русском языке // Рема. Rhema. 2021. № 4. С. 38–68. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-38-68

Yu. Panchenko

Universität Potsdam,
Potsdam, 14469, Federal Republic of Germany

Yes and *no* answers to Russian negative polar questions

In colloquial Russian answers *yes* and *no* to negative polar questions can either stand for confirmation or contradiction of the proposition of a question. This paper uses the results of an acceptability judgment experiment to investigate the correlation between the choice of *yes* or *no* answer and the way of expressing negation and the presence of *li* particle in a question and also of comprehension of the short *yes* answer. The results showed that there are several competing strategies for answering negative polar questions and acceptability judgments of possible answers in Russian. Importantly, for questions with *li* particle most of the participants used a different strategy than for other types of questions. Before the present paper, the patterns of choice between *yes*- and *no*-answers to negative questions had not been experimentally researched. In the future, it seems interesting to conduct similar studies with other languages, as well as to compare the results in different age groups.

Key words: experimental linguistics, experiment, acceptability judgment task, negation, polar questions, Russian

FOR CITATION: Panchenko Yu. *Yes* and *no* answers to Russian negative polar questions. *Rhema*. 2021. No. 4. Pp. 38–68. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-38-68

1. Типология общих вопросов с отрицанием

Исследования общих вопросов показали, что негативные (содержащие отрицательный показатель) вопросы сложнее для восприятия, чем их позитивные аналоги [Savin, Perchonoek, 1965]. В зависимости от языка негативные общие вопросы могут отличаться от позитивных не только наличием отрицательного показателя, но и системой ответов

[Евграфова, 1984], условиями уместности [Roelofsen et al., 2012] и наличием многозначности [Ladd, 1981; Büring, Gunglson, 2000; van Rooij, Šafářová, 2003; Romero, Han, 2004]. В работе [Katz, Postal, 1964] такие вопросы предложено считать не комбинацией отрицания и вопроса, а самостоятельной грамматической сущностью (по [Savin, Perchonock, 1965, p. 349]).

Среди общих вопросов, или вопросов с *да-нет*-ответом, вне зависимости от наличия отрицания выделяется несколько семантических типов. По классификации Ш. Балли, общие (верификативные) вопросы, противопоставленные частным (комплементативным) вопросам, в свою очередь подразделяются на тотальные и частные по различию в коммуникативной функции, которой обладают эти вопросы в тексте ([Bally, 1950], по [Mehlig, 1991, p. 118]). Х.Р. Мелиг расширяет эту классификацию до трех типов общих вопросов:

1. Экзистенциальный верификативный вопрос
 - Ты ПОЛУЧИЛ мое письмо?
 - Да, я его ПОЛУЧИЛ.
- 2.1. Полный экспликативный верификативный вопрос
 - (Что случилось?) Автобус столкнулся с ГРУЗОВИКОМ?
 - Нет, это не автобус столкнулся с ГРУЗОВИКОМ, а сошел с рельсов ТРАМВАЙ.
- 2.2. Частичный экспликативный верификативный вопрос
 - АВТОБУС столкнулся с грузовиком?
 - Нет, не АВТОБУС, а ТРАМВАЙ. [Там же, p. 119]

Целью экзистенциального верификативного вопроса (тотальный верификативный вопрос по Ш. Балли) является выяснение существования обозначаемой ситуации в рамках данного контекста. Экспликативные верификативные вопросы по классификации Х.Р. Мелига, или частные верификативные вопросы по Балли, предполагают существование ситуации в данном контексте; задавая их, говорящий ставит целью выяснить, правильно ли идентифицирована та или иная ситуация, существование которой предполагается [Там же]. Довольно близкая, но несколько отличная от этой классификация общих вопросов представлена в работе [Янко, 2001, с. 132].

В материалах данного исследования используются полные экспликативные верификативные вопросы по классификации Х.Р. Мелига. По классификации Т.Е. Янко используемые вопросы можно отнести к типу Q/I/Y-N («вопрос, направленный на получение информации о событии, которое состоит в том, что некоторое известное положение дел может иметь место в мире»).

В [Ladd, 1981], классической работе о негативных общих вопросах, в английском языке выделяются два типа таких вопросов по их семантике: вопросы с внешним и внутренним отрицанием. Вопросы с *внешним* отрицанием синонимичны вопросам без отрицания. Цель этих вопросов – проверить истинность позитивной (не включающей отрицания) пропозиции Р. Такие вопросы уместны в случаях, если из контекста неочевидно, что Р ложно. Вопросы с *внутренним* отрицанием используются, чтобы убедиться в истинности негативной пропозиции «не Р». Они уместны, если контекст свидетельствует о том, что Р ложно. В тех же категориях можно говорить и о русских негативных вопросах (здесь и далее примеры без дополнительных сносок сконструированы мной):

- (1) а. – Я так устала каждый день стирать и готовить.
 – Вы не мечтаете, чтобы все домашние обязанности кто-то делал вместо Вас?
- б. – Даже если у меня будет миллиард, я никогда не найму домработницу.
 – Вы не мечтаете, чтобы все домашние обязанности кто-то делал вместо Вас?
- (2) а. – Кажется, ты хотел мне что-то предложить.
 – Ты не сходишь со мной на концерт в воскресенье?
- б. – Послезавтра я уезжаю в Петербург.
 – Ты не сходишь со мной на концерт в воскресенье? Но я ждал этого два месяца!

Содержание вопросов типа (1б) и (2б) противоположно содержанию соответствующих позитивных вопросов. Согласно Шатуновскому, такие вопросы «не имеют никакой собственной специфики, совпадая функционально, семантически и интонационно с соответствующими позитивными вопросами-предположениями (с тем само собой разумеющимся отличием, что позитивные и отрицательные предположения высказываются в различных объективных ситуациях)» [Шатуновский, 2005, с. 3]. На наш взгляд, специфика вопросов этого типа, отличающая их от позитивных вопросов, заключается в устройстве системы ответов, о которой будет сказано ниже.

Напротив, содержание вопросов типа (1а) и (2а) не изменяется, если убрать отрицание. И.Б. Шатуновский предлагает называть вопросы этого типа «позитивными не-вопросами». Они, в свою очередь, делятся на не-вопросы и не-ли-вопросы, различающиеся темо-рематическим членением: в модальных не-вопросах в коммуникативном фокусе находится модус, а диктум (пропозиция) относится к данному, к теме,

а в диктально-модальных *не-ли*-вопросах и диктум, и модус находятся в реме вопроса, а сама возможность пропозиции Р является абсолютно и безусловно новой для спрашивающего [Шатуновский, 2005]. В «Русской грамматике...», выделяя *не... ли* как отдельную частицу, отмечается, что вопросы с *не... ли*, «как правило, осложнены дополнительным значением неуверенного предположения либо просьбы» [Русская грамматика, 1980, с. 387]. Тем не менее, *не* и *не... ли* с инверсированным порядком слов как способы выражения вопросов с внешним отрицанием часто представляются взаимозаменяемыми (в частности, в примерах (1а) и (2а)).

Различия такого типа для русских вопросов впервые были описаны А.Н. Барановым и И.М. Кобозевой как различия между вопросами «с ингерентной и неингерентной темой» [Баранов, Кобозева, 1983]. Е.Б. Степановой для них были предложены термины «интерпретирующих» и «неинтерпретирующих» вопросов: неинтерпретирующие вопросы имеют целью узнать, истинно ли Р (*Мне муж не звонил?*, а также (1а), (2а)), интерпретирующие – разобраться в том, является ли положение вещей Р причиной, объяснением, следствием актуальной ситуации (*Мне что, не звонил муж?*, а также (1б), (2б)) [Степанова, 1992; Добрушина, 2014]. Эти термины являются аналогами терминам «вопросы с внешним и внутренним отрицанием», приведенным выше. В настоящей работе будут использоваться термины «вопросы с внешним и внутренним отрицанием».

Специфической особенностью всех типов общих вопросов с отрицанием в русском языке является устройство системы ответов. Если позитивные общие вопросы имеют два варианта ответа: *да* (пропозиция истинна) и *нет* (пропозиция ложна), то система ответов на негативные вопросы и не совпадает с этой, и не является ее простой противоположностью. Негативные вопросы предполагают четыре возможных варианта ответа:

- [illegible]

Обзор теорий, предложенных для объяснения этого явления, содержится в статье [Krifka, 2013]. Так, в работе [Kramer, Rawlins, 2009] предлагается анализ, в соответствии с которым отрицательная частица в начале высказывания имеет неинтерпретируемый признак [uNEG], согласующийся с интерпретируемым отрицанием в эллизированной клаузе ([iNEG]):

- (4) – Ede did not steal the cookie.
 – $[_{\Sigma P} \text{No}_{[u\text{NEG}]} [_{\Sigma P} \Sigma [_{\text{TP}} \text{he didn't}_{[i\text{NEG}]} [\text{t}_{\text{he}} \text{steal the cookie}]]]]$

Позитивная частица в начале высказывания не имеет этого признака и может употребляться как с позитивной, так и с негативной эллидированной клаузой:

(5) – Ede did not steal the cookie.

– [_{ΣP} Yes [_{ΣP} Σ [_{TP} he didn't_[iNEG] [t_{he} steal the cookie]]]]

[Krifka, 2013, p. 2]

Среди проблем этого подхода М. Крифка называет предсказание ответов типа (7) в ответ на позитивное высказывание или позитивный вопрос и невозможность объяснить разную дистрибуцию частиц с эллидированными клаузами в разных контекстах (**If yes, he did, he must pay them back. / If^{??} yes / so, he must pay them back*). Кажется важным отметить, что этот подход не объясняет возможность употребления отрицательной частицы с позитивным эллидированным высказыванием.

С решением этой проблемы справляется анализ [Farkas, Roelofsen, 2012], предполагающий существование выделенной пропозиции среди двух альтернативных пропозиций общего вопроса:

(6) – Вова пошел в школу? {φ, ¬φ}

– Вова не пошел в школу? {φ, ¬φ}

Позитивные и негативные частицы в ответе в этом случае имеют следующую семантику:

да: подтверждение выделенной пропозиции;
опровержение (отрицание) выделенной негативной пропозиции;
нет: подтверждение выделенной негативной пропозиции;
опровержение (отрицание) выделенной пропозиции.

(по [Krifka, 2013, p. 3])

Сам М. Крифка предлагает подход, при котором позитивные и негативные частицы в ответе ассертируют либо пропозиции их дискурсивных референтов, либо их отрицание [Там же, p. 12].

С.М. Евграфова выделяет две стратегии ответов на общие вопросы, которые могут по-разному взаимодействовать в языках мира.

1. Ситуационно ориентированная: слушающий дает ответ в строгом соответствии с тем, как он сам воспринимает ситуацию действительно-сти, не учитывая формы вопроса (неотрицательной или отрицательной); неотрицательному восприятию ситуации соответствует *да*, отрицательному – *нет*.

2. Коммуникативно ориентированная: слушающий при ответе учитывает не только то, как он сам воспринимает ситуацию, но и то, как воспринимает эту ситуацию говорящий (т.е. форму вопроса). На первом

плане оказывается не констатация характера ситуации (неотрицательного или отрицательного), а подтверждение или опровержение мнения говорящего слушающим. Эта система может быть реализована как особыми единицами «отрицательного подтверждения» и «утвердительного опровержения» (французское *si*, немецкое *doch*), так и первоначальными единицами подтверждения и опровержения – *da* и *net* [Евграфова, 1984].

Ситуационно ориентированная система в чистом виде представлена в литературном английском языке (*Don't you want to join us?* 'Ты не хочешь к нам присоединиться?' – *No, I don't* 'Нет, не хочу' / *Yes, I do* 'Да, хочу'), коммуникативно ориентированная – в японском (*Tanaka-san wakiteinai ka?* 'Танака не пришел?' – *Hai, Tanaka-san wakiteinai* 'Да, Танака не пришел' / *Iie, Tanaka-san wakiteiru* 'Нет, Танака пришел'). Французский и немецкий¹ языки совмещают ситуационно ориентированную систему (*Vous ne dansezpas?* 'Вы не танцуете?' – *Non, je ne danse pas* 'Нет, я не танцую'; *Ist das nicht dein Auto?* 'Это не твоя машина?' – *Nein* 'Нет' [= *Das ist nicht mein Auto* 'Это не моя машина']) с коммуникативно ориентированной первого типа (*Si, je danse* 'Да, я танцую'; *Doch* 'Наоборот' [= *Das ist mein Auto* 'Это моя машина']). В итальянском языке ситуационно ориентированная система совмещается с коммуникативно ориентированной второго типа: *Non hai fame?* 'Вы не голодны?' – *No, non ho fame* 'Нет, я не голоден' / *No, ho fame* 'Нет, я голоден'.

Схожим образом устроена система в кодифицированном русском литературном языке: для «утвердительного опровержения» используется слово *нет* (коммуникативно ориентированная стратегия), для «отрицательного подтверждения», как правило, также используется *нет* (ситуационно ориентированная), но в редких случаях встречается *да* (коммуникативно ориентированная):

- (7) – Леночка, а если Алексей вернется, ведь с парадного звонка не услышим? – Да, не услышим. (М. Булгаков) [Евграфова, 1984]

В русской разговорной речи этот вариант является полноправным; кроме того, в ней допустим и вариант *да*-опровержение, невозможный в литературном языке:

- (8) – Так ты мне не позвонишь? – Да (позвоню – С.Е.). Я же все равно буду на Белорусской. [Там же]

¹ Системы ответов на негативные вопросы и реакций на негативные утверждения не всегда совпадают; так, в немецком языке (ср. [Claus et al., 2016]: (1) *Raucht Bill nicht?* 'Билл не курит?' – *Nein*. 'Нет' [= *Bill raucht nicht* 'Билл не курит'] / *Doch*. 'Наоборот' [= *Bill raucht* 'Билл курит']. (2) *Bill raucht nicht*. 'Билл курит' – *Ja* 'Да' [= *Bill raucht nicht* 'Билл не курит'] / *Nein* 'Нет' [= *Bill raucht* 'Билл курит'] / *Doch* 'Наоборот' [= *Bill raucht* 'Билл курит']).

Системы ответов на негативные общие вопросы могут быть представлены в виде таблицы, подобной приведенной в работе [Евграфова, 1984] для английского, французского, русского литературного языков и русской разговорной речи, дополненной еще несколькими языками (табл. 1).

Таблица не отражает, является ли в языке поствысказывание, следующее за тем или иным ответом, необязательным или необходимым. Так, в кодифицированном русском литературном языке эксплицитное выражение предиката при *нет*-опровержении и *да*-опровержении является практически обязательным, в то время как в русской разговорной речи предикат может опускаться [Там же]:

- (9) – Ленка, ты не идешь на лекцию? – Нет (пойду. – С.Е.): что я, с ума сошла, колы зарабатывать?! [Там же]

Кроме того, ответы на негативные вопросы разных типов (с внешним и внутренним отрицанием) в работе С.М. Евграфовой не разделяются, хотя и указывается, что «варианты НЕТ и ДА не совсем идентичны по значению: между ними имеется тонкое семантическое различие, связанное с целостным или расчлененным восприятием отрицательного предиката в вопросе» [Евграфова, 1984, с. 101]. Возможно, ответы на вопросы разных типов стоит описывать отдельно – так, в работе Е.Р. Добрушиной выделено пять возможных вариантов *нет*-ответов для вопросов с внешним и внутренним отрицанием (в терминологии Е.Р. Добрушиной – интерпретирующих и неинтерпретирующих негативных вопросов).

1. *Нет* как самостоятельное высказывание в ответах на негативный интерпретирующий вопрос (*Что, он не ушел? – Нет*).

2. *Нет* в начале позитивного высказывания в ответах на негативный интерпретирующий вопрос (*Что, он не ушел? – Нет, ушел*).

3. *Нет* в начале негативного высказывания в ответах на негативный интерпретирующий вопрос (*Что, он не ушел? – Нет, он здесь*). В таком контексте возможно и высказывание с *да*, но между ними есть семантическое различие: *да* оценивает высказанную в вопросе негативную гипотезу как соответствующую действительности (коммуникативно ориентированная стратегия. – Ю.П.), *нет* подчеркивает, что, несмотря на негативную гипотезу и верность негативного утверждения, рассматривается и позитивное утверждение (ситуационно ориентированная стратегия. – Ю.П.).

4. *Нет* как самостоятельное высказывание в ответах на негативный неинтерпретирующий вопрос (*Мне не звонили? – Нет*).

Таблица 1

Системы ответов на негативные общие вопросы в некоторых языках Европы
[Patterns for answering negative polar questions in some European languages]

	Ситуационно ориентированный ответ [Situationaly oriented answer]		Коммуникативно ориентированный ответ [Communicatively oriented answer]	
	Подтверждение [Confirmation]	Опровержение [Refutation]	Подтверждение [Confirmation]	Опровержение [Refutation]
Английский [English]	<i>No</i>	<i>Yes</i>		
Испанский [Spanish]	<i>No</i> [No]	<i>Si</i> [Yes]		
Французский [French]	<i>Non</i> [No]			<i>Si</i> [Yes]
Немецкий [German]	<i>Nein</i> [No]			<i>Doch</i> [Special particle for answering negative questions]
Итальянский [Italian]	<i>No</i> [No]			<i>No</i> [No]
Кодифицированный русский литературный язык [Russian literary language]	<i>Hem</i> [No]	Редко: да [Rarely: yes]		<i>Hem</i> [No]
Русская разговорная речь [Colloquial Russian]	<i>Hem</i> [No]	<i>Да</i> [No]	<i>Да</i> [Yes]	<i>Hem</i> [No]

5. *Нет* в начале негативного высказывания в ответах на негативный неинтерпретирующий вопрос (*Мне не звонили? – Нет, не звонили*). В этих контекстах, в отличие от аналогичных с интерпретирующим вопросом, реакция при помощи слова *да* невозможна [Добрушина, 2014, с. 162–163].

Для русской разговорной речи как возможность *да*-ответа, так и необходимость поствысказывания регулируются гораздо менее строгими принципами. Кроме того, в ней размывается семантическое различие между *да*- и *нет*-ответами, характеризующее отрицание как внешнее или внутреннее («целостное или расчлененное восприятие отрицательного предиката в вопросе» [Евграфова, 1984]). В литературном языке коммуникативно ориентированный ответ *да* допускают только вопросы с внутренним отрицанием, но в разговорной речи *да*-ответы могут распространяться и на вопросы с внешним отрицанием по аналогии.

Целью настоящей работы является проанализировать порождение и оценку приемлемости *да*- и *нет*-ответов на вопросы с внешним отрицанием у носителей русского языка и выявить возможную зависимость конкуренции этих ответов от способа выражения отрицания (*не*- и *не-ли*-вопросы).

2. *Да/нет*-ответы с поствысказыванием: эксперимент с извлечением суждений о приемлемости

В эксперимент с извлечением суждений о приемлемости вошла оценка развернутых ответов *нет*-опровержение, *да*-опровержение и *да*-подтверждение на вопросы с внешним отрицанием нескольких типов. Типы вопросы были сформированы с опорой на список грамматических средств выражения отрицания в предложении:

- 1) частица *не*, способная находиться перед любой словоформой;
- 2) частица *ни* в предложениях типа *Ни огонька; Ни копейки; Ни облачка*;
- 3) отрицательные местоимения и наречия с префиксом *не-* – *некого, нечего, негде, неоткуда, незачем, некогда*;
- 4) местоимения и местоименные слова с префиксом *ни-* – *никто, ничто, никакой* в форме род. п. ед. и мн. ч.;
- 5) предикативы *нет, нельзя, невозможно, немыслимо* [Русская грамматика, 1980, с. 402]

Данный список характеризует средства выражения отрицания в утвердительном предложении. Для вопросительных предложений были выбраны следующие типы:

- 1) с частицей *не* при личном (а) и безличном (б) глаголе;
- 2) с частицей *не... ли* (а) и с частицей *ли* при предикативе *нет* (б);

3) с частицей *не* и местоимениями *никто*, *ничто* или местоименными словами *никакой*, *никогда*;

4) с предикативами *нет*, *нельзя*, *невозможно*.

Целью эксперимента было получение оценки приемлемости разных типов ответов на общие вопросы с отрицанием и эмпирического доказательства или опровержения следующих гипотез:

- оценка приемлемости ответа на вопрос зависит от типа вопроса;
- средняя оценка приемлемости ответов *да*-опровержение на *не-ли*-вопросы выше, чем *не*-вопросы (предположение основано на языковой интуиции автора исследования и предварительных опросах);
- средняя оценка приемлемости ответа на вопрос зависит от того, выражено ли сказуемое в вопросе личной или безличной формой глагола;
- оценка приемлемости развернутых ответов *да*-подтверждение и *да*-опровержение коррелирует с пониманием краткого ответа *да* на эти вопросы как подтверждающего или возражающего;
- оценки приемлемости лингвистов и наивных носителей могут не совпадать.

2.1. Участники

В эксперименте приняли участие 50 студентов лингвистических специальностей (от 18 до 36 лет, средний возраст 20,84 лет) и 50 студентов нелингвистических специальностей (от 18 до 23 лет, средний возраст 19,58 лет).

2.2. Стимульные материалы

Экспериментальный материал включал оценку приемлемости для трех типов ответов (*нет*-опровержение², *да*-опровержение и *да*-подтверждение) на 20 вопросов с отрицанием в условии, а также ответ на вопрос «Что скорее имеет в виду собеседник, ответивший *да*?» для тех же 20 вопросов. Было представлено несколько типов вопросов: (I) с отрицательной частицей *не*, в личной (3 вопроса) и безличной (2 вопроса) форме; (II) с частицей *не... ли* (3 вопроса) или предикативом *нет* в сочетании с частицей *ли* (2 вопроса); (III) с частицей *не* в сочетании с местоимениями или местоименными словами с префиксом *ни* (*никто*, *ничто*, *никакой*, *никогда*, 5 вопросов); (IV) с предикативами *нет*, *нельзя*, *невозможно* (5 вопросов). Список стимульных вопросов представлен в табл. 2.

² Во избежание путаницы здесь и далее используется терминология, близкая к принятой в работе [Евграфова, 1984] («отрицательное подтверждение» и «утвердительное опровержение»), хотя ее использование более уместно для вопросов с внутренним отрицанием, проверяющих истинность негативной пропозиции «не Р», чем для вопросов с внешним отрицанием, проверяющих истинность позитивной пропозиции «Р».

Список стимульных вопросов эксперимента
[List of stimulus questions of the experiment]

№	Вопрос [Question]	Тип вопроса [Question type]
1	Нет связи между временем года и Вашим настроением? [Is there no correlation between your mood and the season?]	IV
2	Никакое время года не вызывает у Вас неприязни? [Isn't there a season that you don't like?]	III
3	Нет ли такой одежды, которая Вам не нравится, но Вы ее все равно носите? [Aren't there any clothes that you don't like, but still wear?]	IIb
4	Вы ничего не donaшиваете за своими родителями? [Don't you wear your parent's clothes?]	III
5	Вам не хочется есть прямо сейчас? [Aren't you hungry right now?]	Ib
6	Представьте, что на Ваш любимый продукт у Вас аллергия. Вы не станете больше его есть? [Imagine that you are allergic to your favourite food. Are you not going to eat it anymore?]	Ia
7	Вы никогда не забываете почистить зубы перед сном? [Do you never forget to brush your teeth before going to sleep?]	III
8	Не мечтаете ли Вы, чтобы все бытовые обязанности кто-то делал за Вас? [Don't you dream of someone doing all the household chores for you?]	IIa
9	У Вас нет врагов? [Don't you have enemies?]	IV
10	Как Вы считаете, обманывать никогда нельзя? [In your opinion, should people never lie to each other?]	IV
11	Вы не помните свою первую книгу? [Don't you remember your first book?]	Ia
12	Не стали ли Вы в последнее время читать меньше, чем раньше? [Haven't you been reading less lately than you used to?]	IIa
13	Нет ли фильма, который часто обсуждают все Ваши друзья, а Вы его не смотрели? [Isn't there a movie you haven't seen that all your friends often discuss?]	IIb

Окончание табл. 2

№	Вопрос [Question]	Тип вопроса [Question type]
14	Никто из отрицательных персонажей в фильмах не вызывает у Вас симпатии? [Don't any of the negative characters in the movies evoke your sympathy?]	III
15	У Вас нет каких-нибудь необычных увлечений? [Don't you have any unusual hobbies?]	IV
16	Не хотелось ли Вам когда-нибудь заняться экстремальным спортом? [Haven't you ever wanted to try extreme sports?]	IIa
17	Вы не играли в детстве в машинки? [Didn't you play with toy cars as a kid?]	Ia
18	Невозможно представить такую ситуацию, чтобы Вы увлеклись игрой и забыли поесть? [Is it impossible to imagine that you were so deep in a game to forget to eat?]	IV
19	Вам не кажется, что Вы ничего не успеваете? [Don't you think you have no time to do anything?]	Ib
20	Вы ничего не хотели бы в себе поменять? [Don't you want to change anything in yourself?]	III

Примечание. Тип вопроса: I – с отрицательной частицей *не*, в личной (a) и безличной (b) форме; II – с частицей *не... ли* (a) или предикативом *нет* в сочетании с частицей *ли* (b); III – с частицей *не* в сочетании с местоимениями или местоименными словами с префиксом *ни-* (*никто*, *ничто*, *никакой*, *никогда*); IV – с предикативами *нет*, *нельзя*, *невозможно*.

[Note. Question type: I – with a negative particle *ne* 'not', in personal (a) and impersonal (b) forms; II – with a particle *ne... li* 'not ... whether' (a) or the predicative *net* 'not' combined with a particle *li* 'whether' (b); III – with a particle *ne* 'not' in combination with pronouns or pronouns prefixed with *ni-* (*nikto* 'no one', *nichto* 'nothing', *nikakoy* 'none', *nikogda* 'never'); IV – with predicatives *net* 'non-existence', *nelzya* 'ban', *nevozmozhno* 'impossible'.]

Четвертый возможный ответ такого формата – *нет*-подтверждение, т.е. литературный ответ на вопрос с внешним отрицанием (*Вы не помните свою первую книгу? – Нет, не помню*), – испытуемым для оценки не предлагался для сокращения длины эксперимента (см. [Добрушина, 2014], где среди возможных ответов с поствысказыванием на негативный неинтерпретирующий вопрос назван только этот ответ). Оценка приемлемости этого типа ответов наиболее предсказуема.

Эти же вопросы были в дальнейшем использованы в эксперименте на порождение ответов.

2.3. Процедура

Эксперимент был проведен по методу извлечения суждений о приемлемости с оценкой приемлемости по шкале Ликерта от 1 до 5. Пример стимульного материала для одного из 20 вопросов:

Оцените от 1 до 5 приемлемость следующих ответов на вопрос «Вы не помните свою первую книгу?»:

а) – Нет, помню.	1	2	3	4	5
б) – Да, не помню.	1	2	3	4	5
в) – Да, помню.	1	2	3	4	5

Что скорее имеет в виду собеседник, ответивший «да»?
(не помню / помню)

2.4. Анализ результатов

2.4.1. Метод извлечения суждений

на испытуемых-лингвистах и наивных носителях

В отличие от метода вынесения суждений о приемлемости, основанного только на интроспекции исследователя, метод извлечения суждений обладает строгой формальной процедурой. Однако остается неразрешенным вопрос о влиянии лингвистических знаний испытуемых на результаты таких экспериментов.

Существует несколько исследований, в рамках которых тест на извлечение суждений о приемлемости предъявлялся как группе испытуемых-лингвистов, так и группе наивных носителей. При этом выводы, полученные в некоторых из этих исследований, противоречат друг другу. Так, в работе [Snow, Meier, 1977] (а также в эксперименте, описанном в [Culbertson, Gross, 2009], различающем группы наивных носителей, студентов когнитивных наук, студентов лингвистических специальностей и опытных лингвистов) между ответами испытуемых лингвистов и нелингвистов получена высокая корреляция, а в работе [Gordon, Hendrick, 1997] между ними зафиксированы значимые различия. Среди признающих различия между этими группами испытуемых расходятся взгляды на то, являются ли лингвисты идеальными испытуемыми для таких экспериментов [Devitt, 2010], или, наоборот, выбирать их в качестве испытуемых нежелательно [Spencer, 1973; Dąbrowska, 2010].

Статистическая обработка результатов проведенного эксперимента с помощью U-критерия Манна–Уитни при уровне значимости $p < 0,05$ показала, что выборки ответов испытуемых-лингвистов и нелингвистов по каждому вопросу принадлежат к одной генеральной совокупности (средние оценки приемлемости лингвистов и наивных носителей по каждому вопросу представлены в табл. 3). Доля каждой оценки

Таблица 3

Результаты испытуемых-лингвистов в сравнении с наивными носителями
[The results of linguists compared to naive speakers]

Номер вопроса [Question Nr.]	Средняя оценка ответа да-подтверждение [Average grade of yes-confirmation answer]	Средняя оценка ответа да-опровержение [Average grade of yes-refutation answer]	Средняя оценка ответа нет-опровержение [Average grade of no-refutation answer]	Преобладающее значение краткого ответа да [The predominant meaning of the short yes-answer]	Доля значения да-подтверждения, % [Proportion of the meaning of confirmation in short yes-answers, %]
1	4,28/4,3*	2,56/2,26	3,98/3,96	Подтверждение [Confirmation]	76/90
9	4,40/4,32	1,80/1,84	4,54/4,26	Подтверждение [Confirmation]	92/90
10	4,96/4,56	1,32/1,40	5,00/4,56	Подтверждение [Confirmation]	100/94
18	4,56/4,52	2,14/2,18	4,66/4,36	Подтверждение [Confirmation]	84/82
6	4,66/4,50	1,36/1,64	4,56/3,98	Подтверждение [Confirmation]	96/94
11	4,28/4,22	2,52/2,30	4,18/3,74	Подтверждение [Confirmation]	76/84
2	4,06/4,10	1,84/1,62	3,80/3,68	Подтверждение [Confirmation]	92/94
4	3,98/3,6	2,58/2,5	3,86/3,34	Подтверждение [Confirmation]	84/76

7	4,4/3,98	2,04/2,16	3,18/3,32	Подтверждение [Confirmation]	90/94
14	4,04/4,36	2,44/2,2	3,78/3,58	Подтверждение [Confirmation]	78/78
3	2,32/2,92	3,98/3,5	2,8/3,04	Опровержение [Refutation]	32/38
8	2,06/2,3	4,54/4,4	2,22/2,54	Опровержение [Refutation]	14/14
12	1,76/2,06	4,8/4,36	2,7/2,66	Опровержение [Refutation]	8/16
13	2,44/2,82	4,56/4,26	2,24/2,68	Опровержение [Refutation]	18/24
16	2/2,6	4,74/4,36	2,08/2,52	Опровержение [Refutation]	6/14
19	2,6/2,94	4,84/4,38	2,28/2,3	Опровержение [Refutation]	12/26
5	3,78/3,7	3,18/2,84	3,48/3,18	Подтверждение [Confirmation]	54/64
15	2,88/3,38	3,9/3,48	3,32/3,48	Опровержение [Refutation]	42/42
17	3,9/4,02	3,26/2,96	3,72/3,42	Подтверждение [Confirmation]	62/62
20	3,16/3,2	4,08/3,96	3,64/3,12	Опровержение [Refutation]	38/34

* Лингвисты / наивные носители [Linguists / naive speakers].

от 1 до 5 в двух группах также значимо не различалась и составляла 0,26 для оценки «1», 0,1 – для «2», 0,09 – для «3», 0,1 – для «4» и 0,45 – для «5» у лингвистов и 0,27 – для «1», 0,09 – для «2», 0,08 – для «3», 0,13 – для «4» и 0,41 – для «5» у нелингвистов. В дальнейших подсчетах лингвисты и нелингвисты будут рассмотрены как одна выборка из 100 человек.

Результаты эксперимента согласуются с полученными в работах [Snow, Meier, 1977; Culbertson, Gross, 2009], в которых также не было выявлено различий между группами лингвистов и наивных носителей. Таким образом, по крайней мере, студентов лингвистических специальностей можно использовать в тестах на извлечение суждений о приемлемости наравне с испытуемыми без лингвистической подготовки.

2.4.2. Оценка ответов с поствысказыванием и понимание краткого ответа «да»

В соответствии со средними оценками приемлемости и выбором значения для краткого ответа *да* все стимульные вопросы можно разделить на 4 группы (табл. 4).

К группе А по результатам эксперимента отнесены 4 из 5 стимульных вопросов типа IV (с предикативами *нет, нельзя, невозможно*) и 2 вопроса типа Ia (с частицей *не* при личном глаголе). Для этих вопросов ответы *да*-подтверждение и *нет*-опровержение получили высокие оценки приемлемости, а ответ *да*-опровержение – низкие. Большинство испытуемых выбрали в качестве наиболее вероятного значения краткого ответа *да* значение подтверждения.

К группе В отнесены 4 вопроса типа III (с местоимениями и местоименными словами *никто, ничто, никакой, никогда*) из 5 вопросов этого типа среди стимульных. Средние характеристики для этой группы почти совпадают с характеристиками группы А, однако значительная часть испытуемых для этих вопросов использовала противоположную стратегию – такую же, как для вопросов в группе С. Заметно, что средние оценки ответов *нет*-опровержение и *да*-подтверждение в этой группе ниже, чем соответствующие оценки в группе А.

К группе С отнесены все 5 стимульных вопросов типа II (с частицами *не... ли* и *ли* при предикативе *нет*), а так же один вопрос типа Ib (с частицей *не* при безличном глаголе). Оценки приемлемости ответов на эти вопросы прямо противоположны оценкам в группах А и В: низкие для ответов *да*-подтверждение и *нет*-опровержение и высокие для ответа *да*-опровержение, а в качестве наиболее вероятного значения краткого ответа «да» большинство испытуемых выбирало значение возражения.

Таблица 4

Распределение стимульных вопросов по типам по результатам эксперимента
[Distribution of stimulus questions by type according to the results of the experiment]

Группа [Group]	Номер вопроса [Question Nr.]	Тип вопроса [Question type]	Средняя оценка ответа да-подтверждение [Average grade of yes-contradiction answer]	Средняя оценка ответа да-опровержение [Average grade of yes-refutation answer]	Средняя оценка ответа нет-опровержение [Average grade of no-refutation answer]	Преобладающее значение краткого ответа да [The predominant meaning of the short yes-answer]	Доля значения да-подтверждения, % [Proportion of the meaning of confirmation in short yes-answers, %]
А	1	IV	4,29	2,41	3,97	Подтверждение [Confirmation]	83
	9	IV	4,36	1,82	4,40	Подтверждение [Confirmation]	91
	10	IV	4,76	1,36	4,78	Подтверждение [Confirmation]	97
	18	IV	4,54	2,16	4,51	Подтверждение [Confirmation]	83
	6	Ia	4,58	1,50	4,26	Подтверждение [Confirmation]	95
	11	Ia	4,25	2,41	3,96	Подтверждение [Confirmation]	80

Окончание табл. 4

Группа [Group]	Номер вопроса [Question Nr.]	Тип вопроса [Question type]	Средняя оценка ответа да-подтверждение [Average grade of yes-contradiction answer]	Средняя оценка ответа да-опровержение [Average grade of yes-refutation answer]	Средняя оценка ответа нет-опровержение [Average grade of no-refutation answer]	Преобладающее значение краткого ответа да [The predominant meaning of the short yes-answer]	Доля значения да-подтверждения, % [Proportion of the meaning of confirmation in short yes-answers, %]
В	2	III	4,08	1,73	3,74	Подтверждение [Confirmation]	93
	4	III	3,79	2,54	3,60	Подтверждение [Confirmation]	80
	7	III	4,19	2,10	3,25	Подтверждение [Confirmation]	92
	14	III	4,20	2,32	3,68	Подтверждение [Confirmation]	78
С	3	IIб	2,62	3,74	2,92	Опровержение [Refutation]	35
	8	IIа	2,18	4,47	2,38	Опровержение [Refutation]	14
	12	IIа	1,91	4,58	2,68	Опровержение [Refutation]	12
	13	IIб	2,63	4,41	2,46	Опровержение [Refutation]	21

	16	IIa	2,3	4,55	2,30	Опровержение [Refutation]	10
	19	I6	2,77	4,61	2,29	Опровержение [Refutation]	19
D	5	I6	3,74	3,01	3,33	Подтверждение [Confirmation]	59
	15	IV	3,13	3,69	3,40	Опровержение [Refutation]	42
	17	Ia	3,96	3,11	3,40	Подтверждение [Confirmation]	62
	20	III	3,18	4,02	3,38	Опровержение [Refutation]	36

П р и м е ч а н и е. Темным цветом выделены низкие средние оценки приемлемости (менее 3 баллов по шкале Ликерта), светлым – высокие (более 3,7 баллов).

[N o t e. Dark shading indicates low average acceptability scores (less than 3 on the Likert scale), and light shading indicates high acceptability scores (greater than 3.7).]

К группе D отнесены 4 вопроса, относительно которых у испытуемых наблюдалось наименьшее единство мнений: по одному вопросу типов Ia, Ib, III и IV. В этих вопросах ни один тип ответа не получил низкой средней оценки, а лидирующий тип значений краткого ответа *да* ни в одном из вопросов не имел явного преобладания, в то время как в остальных группах доля лидирующего ответа для всех вопросов составляла 65% и больше.

При этом внутри группы испытуемых наблюдалось несколько стратегий вынесения суждений о приемлемости:

- среднестатистическая стратегия: оценки ответов *да*-подтверждение и *нет*-опровержение высокие в группах А и В, низкие в группе С, оценки ответов *да*-опровержение высокие в группе С, низкие в группах А и В – 35 испытуемых (19 лингвистов, 16 нелингвистов);
- низкие оценки ответа *нет*-опровержение в группе В, остальное как в среднестатистической стратегии – 17 испытуемых (9 лингвистов, 8 нелингвистов);
- высокие оценки ответа *нет*-опровержение в группе С, остальное как в среднестатистической стратегии – 12 испытуемых (8 лингвистов, 4 нелингвиста);
- группа В объединена с группой С и противопоставлена группе А – 9 испытуемых (6 лингвистов, 3 нелингвиста);
- низкие оценки ответов *да*-подтверждение и *нет*-опровержение и высокие оценки ответа *да*-опровержение без различий между группами – 6 испытуемых (1 лингвист, 5 нелингвистов);
- высокие оценки ответов *да*-подтверждение и *нет*-опровержение и низкие оценки ответа *да*-опровержение без различий между группами – 3 испытуемых (1 лингвист, 2 нелингвиста);
- нет внятной закономерности средних оценок в группе С, группы А и В в соответствии со среднестатистической стратегией – 6 испытуемых (2 лингвиста, 4 нелингвиста);
- нет внятной закономерности средних оценок в группе В, группы А и С в соответствии со среднестатистической стратегией – 4 человека (2 лингвиста, 2 нелингвиста);
- нет внятной закономерности ни в одной группе – 4 человека (1 лингвист, 3 нелингвиста);
- 4 человека с уникальными стратегиями (1 лингвист, 3 нелингвиста).

Зависимость оценок приемлемости от типа вопроса заметна для вопросов с *ли* и *не... ли*, отрицательными местоимениями и предикативами. Вопросы, в которых отрицание было выражено частицей *не*, не содержавшие отрицательных местоимений, местоименных слов и предикативов, распределились по группам случайным образом,

установить закономерность их распределения на данном стимульном материале невозможно. Ни грамматическая форма глагола, ни способ выражения отрицания при частице *ли* на распределение вопросов по группам явного влияния не оказали.

2.5. Выводы

Обе группы в среднем показали для вопросов с местоимениями и местоименными словами с префиксом *ни-* и для вопросов с предикативами *нет*, *нельзя*, *невозможно* высокую оценку приемлемости ответов *да-подтверждение* (*Да, нельзя*) и *нет-опровержение* (*Нет, можно*) и низкую оценку ответа *да-опровержение* (*Да, можно*), а для всех вопросов с частицами *ли* и *не... ли* высокую оценку ответа *да-опровержение* и низкую для ответов *да-подтверждение* и *нет-опровержение*. Это подтверждает гипотезы о том, что оценки приемлемости ответов коррелируют с типом вопроса, и о том, что ответ *да-опровержение* является более приемлемым для вопросов с частицей *ли*, чем для вопросов без этой частицы.

Не подтвердилось влияние на оценки приемлемости таких факторов, как грамматическая форма глагола и тип выражения отрицания при частице *ли*, а также не удалось установить закономерность для вопросов с частицей *не*, не содержащих других отрицательных единиц.

Ответ на вопрос «Что скорее имеет в виду собеседник, ответивший *да?*» напрямую коррелирует с оценками приемлемости развернутых ответов *да-подтверждение* и *да-опровержение*. Если оценка развернутого ответа *да-подтверждение* высокая, а ответа *да-опровержение* – низкая, краткий ответ *да* расценивается как ответ-подтверждение. Напротив, если высокую оценку приемлемости имеет ответ *да-опровержение*, а *да-подтверждение* – низкую, краткий ответ *да* считается как возражение.

Между анкетами приемлемости лингвистов и наивных носителей не было выявлено значимых различий.

3. Краткие *да/нет* ответы на негативные вопросы: эксперимент на порождение

Для установления связи между оценками приемлемости, выставленными испытуемыми, и ответами, порождаемыми ими на негативные вопросы, был проведен второй эксперимент на том же материале.

3.1. Участники

В эксперименте приняли участие 20 студентов нелингвистических специальностей, не принимавших участие в эксперименте с извлечением суждений о приемлемости (от 18 до 21 года, средний возраст 19,3 лет; 3 испытуемых мужского пола и 17 женского).

3.2. Стимульные материалы

Экспериментальные материалы включали 20 вопросов и совпадали с материалами эксперимента, описанного в разд. 2. Кроме этого, испытуемым были заданы 40 филлерных общих вопросов, не содержащих отрицание (*Вы любите лето больше зимы?; Вы часто опаздываете?*).

3.3. Процедура

Испытуемые тестировались индивидуально, ответы каждого испытуемого были записаны на диктофон. Эксперимент состоял из двух частей – на порождение ответов на негативные вопросы и на их оценку приемлемости.

В первой части эксперимента каждому испытуемому предлагалось ответить на 60 вопросов, используя краткие ответы *да* и *нет* (20 стимульных и 40 филлерных). Среднее время прохождения эксперимента составило 4 минуты 16 секунд.

Во второй части испытуемым предлагалось заполнить анкету с извлечением суждений о приемлемости, аналогичную анкету в эксперименте, описанном в разделе 2 настоящей работы. К каждому из 20 вопросов в анкетах для участников этого эксперимента был добавлен дополнительный вопрос со снятым отрицанием, чтобы исключить неоднозначное понимание кратких ответов испытуемых в задании на порождение ответов:

Оцените от 1 до 5 приемлемость следующих ответов на вопрос
«У Вас нет врагов?»:

– Да, есть.	1	2	3	4	5
– Да, нет.	1	2	3	4	5
– Нет, есть.	1	2	3	4	5

Что скорее имеет в виду собеседник, ответивший «да»? (нет/есть)
У Вас есть враги? (да/нет)

3.4. Анализ результатов

Оценки приемлемости в группе 20 взрослых носителей совпали с оценками 100 носителей в эксперименте, описанном в разделе 2. По каждому вопросу попарно сравнивались количество ответов *нет*-подтверждение и *да*-подтверждение (выбор слова для ответа «отрицательное подтверждение») и *нет*-опровержение и *да*-опровержение (выбор слова для ответа «утвердительное опровержение»). Результаты представлены в табл. 5.

Результаты эксперимента в группе взрослых носителей
[The results of the experiment in a group of adult native speakers]

Группа [Group]	Номер вопроса [Question Nr.]	Тип вопроса [Question type]	Средняя оценка ответа да-подтверждение [Average grade of yes-confirmation answer]	Средняя оценка ответа да-опровержение [Average grade of yes-refutation answer]	Средняя оценка ответа нет-опровержение [Average grade of no-refutation answer]	Преобладающее значение краткого ответа да [The predominant meaning of the short yes-answer]	Доля да среди ответов-подтверждений, % [Proportion of yes-answers among all confirmational answers, %]	Доля да среди ответов-опровержений, % [Proportion of yes-answers among all refutation answers, %]
А	1	IV	3,75	3,00	3,80	Подтверждение [Confirmation]	0,00	57,14
	9	IV	3,80	2,60	4,30	Подтверждение [Confirmation]	11,76	0,00
	10	IV	4,70	2,55	4,50	Подтверждение [Confirmation]	50,00	0,00
	18	IV	4,00	3,05	4,70	Подтверждение [Confirmation]	20,00	54,55
	6	Ia	4,30	2,25	4,50	Подтверждение [Confirmation]	33,33	25,00
	11	Ia	3,70	3,15	4,05	Подтверждение [Confirmation]	8,33	60,00

Окончание табл. 5

Группа [Group]	Номер вопроса [Question Nr.]	Тип вопроса [Question type]	Средняя оценка ответа да-подтверждение [Average grade of yes-confirmation answer]	Средняя оценка ответа да-опровержение [Average grade of yes-refutation answer]	Средняя оценка ответа нет-опровержение [Average grade of no-refutation answer]	Преобладающее значение краткого ответа да [The predominant meaning of the short yes-answer]	Доля да среди ответов-подтверждений, % [Proportion of yes-answers among all confirmational answers, %]	Доля да среди ответов-опровержений, % [Proportion of yes-answers among all refutation answers, %]
B	2	III	4,05	2,45	3,70	Подтверждение [Confirmation]	7,14	20,00
	4	III	3,75	2,55	4,10	Подтверждение [Confirmation]	10,00	44,44
	7	III	3,80	3,45	3,75	Подтверждение [Confirmation]	22,22	30,00
	14	III	3,80	3,05	4,10	Подтверждение [Confirmation]	0,00	66,67
C	3	IIб	3,25	3,65	3,25	Опровержение [Refutation]	18,00	77,78
	8	IIа	2,85	4,55	2,90	Опровержение [Refutation]	28,00	100,00
	12	IIа	3,05	4,40	2,90	Опровержение [Refutation]	11,11	81,82

	13	IIб	2,80	4,00	3,90	Опровержение [Refutation]	66,67	93,75
	16	IIa	3,20	4,35	3,55	Опровержение [Refutation]	20,00	87,50
	19	Iб	3,20	4,40	3,95	Опровержение [Refutation]	40,00	100,00
D	5	Iб	3,50	3,20	3,70	–	0,00	75,00
	15	IV	3,10	4,00	3,50	Опровержение [Refutation]	14,29	90,91
	17	Ia	3,70	3,70	3,65	–	10,00	87,50
	20	III	3,40	4,05	3,85	–	20,00	83,33

Примечание. В группах А–С в каждой тройке ответов темным цветом выделены ответы с более низкой оценкой приемлемости, светлым – с более высокой.

Результаты эксперимента на порождение ответов представлены в последних двух столбцах.

[Note. In groups A–C, in each triplet of answers, the answers with a lower acceptability score are highlighted in dark color, and the answers with a higher one are highlighted in light.

The results of the elicitation experiment are presented in the last two columns.]

Заметно, что хотя при ответе на вопросы с отрицанием испытуемые чаще использовали слово *нет*, чем слово *да* (доля ответов *нет* среди всех кратких ответов составляет 58%), в ответах-опровержениях в среднем *да* преобладало над *нет* (66% ответов *да* среди всех кратких ответов со значением «утвердительного опровержения»). В частности, это преобладание наблюдалось во всех без исключения *не-ли*-вопросах (во всех остальных группах вопросов преобладание не было последовательным). Интересно, что в вопросах группы D, для которых во всех экспериментах у испытуемых отсутствовала преобладающая стратегия вынесения оценок приемлемости, преобладание ответа *да*-опровержение над *нет*-опровержение также очень значительно.

3.5. Выводы

Анализ экспериментальных данных позволяет сделать выводы о том, что носители русского языка в качестве ответов на вопросы с отрицанием употребляют все четыре возможных варианта ответа. При этом ответ *да* со значением подтверждения употребляется сравнительно редко, но в большинстве случаев взрослыми носителями воспринимается как грамматичный, а ответ *да* со значением опровержения последовательно употребляется и воспринимается взрослыми носителями как грамматичный только в *не-ли*-вопросах.

Результаты эксперимента на порождение ответов согласуются с результатами теста на извлечение суждений о приемлемости: для *не*-вопросов, где *да*-опровержение в среднем получило низкую оценку приемлемости, у испытуемых доля ответов *да* среди ответов со значением опровержения оказалась существенно меньше, чем среди ответов на *не-ли*-вопросы, в которых ответ *да*-опровержение имел высокую оценку приемлемости (38% против 89% соответственно). Среди ответов со значением подтверждения ответ *нет* значительно преобладал над ответом *да*.

4. Заключение и перспективы

Проведенные эксперименты показали, что в русской разговорной речи на вопросы с внешним отрицанием возможны ответы со словом *да*: как краткие ответы, так и ответы с поствысказыванием употребляются носителями и признаются приемлемыми. При этом распределение наиболее частотных ответов различается для *не*- и *не-ли*-вопросов.

На схожий эффект указывают некоторые носители английского языка: в зависимости от синтаксической позиции отрицания (high negated и low negated questions) приемлемость ответов различается (примеры – John E. Drury, Stony Brook University, личное сообщение):

- (10) – Don't you remember your first book?
 – No, I don't remember / No, I do remember / Yes, I do remember /
 *Yes, I don't remember.
- (11) – You don't remember your first book?
 – No, I don't remember / No, I do remember / Yes, I do remember /
 Yes, I don't remember.

Тем не менее, эксперимент, проведенный с 31 носителем английского языка в работе [Панченко, 2021a], не подтвердил эти суждения о приемлемости: синтаксическая позиция отрицания в вопросе никак не влияла на приемлемость разных типов ответов.

Учитывая, что и в русскоязычном материале грамматические особенности вопроса оказывали влияние на оценку ответов только в случае с *не-ли*-вопросами, можно предположить, что ключевым фактором для системы ответов все же является не грамматическая, а семантическая позиция отрицания (эта гипотеза экспериментально подтверждена в работе [Панченко, 2021b]). Разницу же между *не*- и *не-ли*-вопросами с внешним отрицанием также можно объяснить их семантикой. Эти вопросы обладают разным набором потенциально допустимых значений: только внешнее отрицание у *не-ли*-вопросов, внешнее или внутреннее у *не*-вопросов [Шатуновский, 2005] (в то же время, английские *high negated questions* обладают только прочтением с внутренним отрицанием, *low negated questions* – обоими прочтениями [Roelofsen et al., 2012, p. 461]). Важно, что во многих контекстах интонационно различить семантическую позицию отрицания в *не*-вопросах невозможно (см. [Панченко, 2021b]). В целом результаты проведенного исследования говорят о большей обоснованности проведения экспериментов с варьированием семантической, а не синтаксической позиции отрицания.

Также представляется интересным провести на русскоязычном материале некоторые эксперименты на материале английского или немецкого языков: об условиях уместности вопросов с внешним и внутренним отрицанием [Roelofsen et al., 2012], о предпочтительной форме при порождении негативного вопроса [Arnhold et al., 2016], о восприятии негативных вопросов (эксперимент с фиксацией движений глаз) [Tian, Breheny, 2016] и об оценке истинности утверждений (*Билл не курит. – Да/нет*) относительно ответов на негативные вопросы [Claus et al., 2016].

Эксперимент, описанный в этой работе, проведен на узком возрастном срезе; было бы интересно повторить его в других возрастных группах, т.к. терпимость к *да*-ответам на негативные вопросы у старшего поколения носителей предположительно ниже, чем среди молодых

людей. Аналогичный эксперимент с русскоязычными детьми 9–10 лет показал, что их оценки приемлемости существенно отличаются от оценок, данных взрослыми [Панченко, 2020]. Адаптация эксперимента для детей 3–5 лет интересна в связи с усвоением категории отрицания. Некоторые примеры ответов на негативные вопросы у детей содержатся в работе [Мурашова, Семушина, 2007].

Библиографический список / References

Баранов, Кобозева, 1983 – Баранов А., Кобозева И.М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 3. С. 263–274. [Baranov A.N., Kobozeva I.M. Semantics of polar questions in Russian (setup category). *Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yaz.* 1983. Vol. 42. No. 3. Pp. 263–274. (In Rus.)]

Добрушина, 2014 – Добрушина Е.Р. Что значит слово *нет*? // Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М., 2014. С. 142–198. [Dobrushina E.R. What does the word *net* 'no' mean? *Korpusnye issledovaniya po morfemnoi, grammaticheskoi i leksicheskoi semantike russkogo yazyka*. Moscow, 2014. Pp. 142–198. (In Rus.)]

Евграфова, 1984 – Евграфова С.М. К вопросу о противопоставлении утверждения и отрицания // Лингвистические исследования: Типология. Дialectология. Этимология. Компаративистика: Сб. статей / Под ред. В.И. Подлесской. М., 1984. Ч. 1. С. 97–107. [Evgrafova S.M. On the issue of the affirmation and negation opposition. *Lingvisticheskie issledovaniya: Tipologiya. Dialektologiya. Ehtimologiya. Komparativistika*. V.I. Podlesskaya (ed.). Moscow, 1984. Part 1. Pp. 97–107. (In Rus.)]

Мурашова, Семушина, 2007 – Мурашова О.В., Семушина В.А. Отрицание в детской речи // Семантические категории в детской речи / Под ред. С.Н. Цейтлина. СПб., 2007. С. 138–160. [Murashova O.V., Semushina V.A. Negation in Child Language Development. *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi*. S.N. Tseitlin (ed.). St. Petersburg, 2007. Pp. 138–160. (In Rus.)]

Панченко, 2020 – Панченко Ю.Д. Усвоение общих вопросов с отрицанием в детской речи. Курсовая работа студентки 3 курса. МГУ им. М.В. Ломоносова. 2020. [Panchenko Yu.D. Usvoenie obshchikh voprosov s otritsaniem v detskoj rechi [Assimilation of general questions with denial in children's speech]. Ms. Coursework. Lomonosov Moscow State University. 2020.]

Панченко, 2021a – Панченко Ю.Д. Влияние русского языка как родного на ответы на негативные общие вопросы в английском языке // Материалы международного молодежного научного форума «Ломоносов-2021». М., 2021. [Panchenko Yu.D. The influence of Russian as a native language on negative polar questions in English. *Materialy mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "Lomonosov-2021"*. Moscow, 2021.]

Панченко, 2021b – Панченко Ю.Д. Ответы на общие вопросы с отрицанием в русском языке (экспериментальное исследование разных возрастных групп). Дипломная работа. МГУ им. М.В. Ломоносова. 2021. [Panchenko Yu.D. Otvety na obshchie voprosy s otritsaniem v russkom yazyke (eksperimentalnoe issledovanie

raznykh vozrastnykh grupp) [Answers to negative polar questions in Russian (an experimental study of different age groups)]. Bachelor's thesis. Lomonosov Moscow State University. 2021.]

Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 2. М., 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). Vol. 2. Moscow, 1980.]

Степанова, 1992 – Степанова Е.Б. Частица *не* в общем вопросе: значение и сфера действия // Системные семантические связи языковых единиц. М., 1992. С. 54–62. [Stepanova E.B. *Ne*-particle in polar questions: Meaning and scope. *Sistemnye semanticheskie svyazi yazykovykh edinit*s. Moscow, 1992. Pp. 54–62. (In Rus.)]

Шатуновский, 2005 – Шатуновский И.Б. Основные когнитивно-коммуникативные типы общих вопросов в русском языке // Диалог: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2005. С. 502–506. [Shatunovskii I.B. The main cognitive-communicative types of general questions in Russian. *Dialog: Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii*. Moscow, 2005. Pp. 502–506. (In Rus.)]

Янко, 2001 – Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М, 2001. [Yanko T.E. *Kommunikativnye strategii russkoy rechi* [Communicative strategies of Russian]. Moscow, 2001.]

Arnhold et al., 2016 – Arnhold A., Braun B., Domaneschi F., Romero M. Syntax and prosody of negative polar questions. *Proceedings from Workshop “Questions, Answers and Negation”*. ZAS Berlin, January 20–22, 2016. URL: https://www.xprag.de/wp-content/uploads/2015/08/QAN_2016_Arnholdetal.pdf (date of access: 09.03.2021)

Bally, 1950 – Bally Ch. *Linguistique générale et linguistique française* (1932). Bern, 1950.

Büring, Gunglson, 2000 – Büring D., Gunglson C. Aren't positive and negative polar questions the same? Ms. UCSC/UCLA. 2000.

Claus et al., 2016 – Claus B., Meijer A.M., Repp S., Krifka M. Particle responses to negative assertions and questions: Two groups of speakers for the German response particles *ja* and *nein*. *Proceedings from Workshop “Questions, Answers and Negation”*. ZAS Berlin, January 20–22, 2016. URL: https://www.xprag.de/wp-content/uploads/2015/08/QAN_2016_Claus_et.al.pdf (date of access: 09.03.2021)

Culbertson, Gross, 2009 – Culbertson J., Gross S. Are linguists better subjects? *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2009. Vol. 60. No. 4. Pp. 721–736.

Dąbrowska, 2010 – Dąbrowska E. Naive vs. expert intuitions: An empirical study of acceptability judgments. *The Linguistic Review*. 2010. Vol. 27. No. 1. Pp. 1–23.

Devitt, 2010 – Devitt M. Linguistic intuitions revisited. *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2010. Vol. 61. No. 4. Pp. 833–865.

Farkas, Roelofsen, 2012 – Farkas D.F., Roelofsen F. Polar initiatives and polar particle responses in an inquisitive discourse model. Ms. University of Amsterdam. 2012.

Gordon, Hendrick, 1997 – Gordon P., Hendrick R. Intuitive knowledge of linguistic co-reference. *Cognition*. 1997. Vol. 62. No. 3. Pp. 325–370.

Katz, Postal, 1964 – Katz J.J., Postal P.M. An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge, 1964.

Krifka, 2013 – Krifka M. Response particles as propositional anaphors. *Proceedings of SALT*, 23. T. Snider (ed.). Clc Publications, 2013. Pp. 1–18.

Ladd, 1981– Ladd R.D. A first look at the Semantics and Pragmatics of Negative Questions and Tag Questions. *Proceedings of Chicago Linguistic Society*. 1981. Vol. 17. Pp. 164–171.

Mehlig, 1991 – Mehlig H.R. Existential and explicative questions. *Russian Linguistics*. 1991. Vol. 15. Pp. 117–125.

Roelofsen et al., 2012 – Roelofsen F., Venhuizen N., Weidmann S. Positive and negative polar questions in discourse. *Proceedings of Sinn und Bedeutung* 17. E. Chemla, V. Homer, G. Winterstein (eds.). ENS Paris, 2012. Pp. 455–472.

Romero, Han, 2004 – Romero M., Han C.-H. On negative yes/no questions. *Linguistics and Philosophy*. 2004. Vol. 27. No. 5. Pp. 609–658.

Savin, Perchonock, 1965 – Savin H.B., Perchonock E. Grammatical structure and the immediate recall of English sentences. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour*. 1965. Vol. 4. No. 5. Pp. 348–353.

Snow, Meier, 1977 – Snow C., Meijer G. On the secondary nature of syntactic intuitions. *Acceptability in language*. S. Greenbaum (ed.). The Hague, 1977. Pp. 163–177.

Spencer, 1973 – Spencer N.J. Differences between linguists and nonlinguists in intuitions of grammaticality-acceptability. *Journal of Psycholinguistic Research*. 1973. Vol. 2. No. 2. Pp. 83–98.

Tian, Breheny, 2016 – Tian Y., Breheny R. Representing Polar Questions and Inferring States of Inquiry. *Proceedings from Workshop “Questions, Answers and Negation”*. ZAS Berlin, January 20–22, 2016. URL: <https://www.xprag.de/wp-content/uploads/2015/08/TianBreheny.pdf> (date of access: 09.03.2021)

van Rooij, Šafářová, 2003 – van Rooij R., Šafářová M. On polar questions. *Proceedings of Semantics and Linguistics Theory (SALT 13)*. R.B. Young., Y. Zhou (eds.). CLC Publications, 2003. Pp. 292–309.

Статья поступила в редакцию 12.09.2020

The article was received on 12.09.2020

Об авторе / About the author

Панченко Юлия Дмитриевна – магистрант кафедры лингвистики факультета гуманитарных наук, Потсдамский университет, Германия

Yulia D. Panchenko – MA student at the Linguistics Department of the Faculty of Human Sciences, University of Potsdam, Germany

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2186>

E-mail: yulia.panchenko@uni-potsdam.de

П.О. Россаякин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Русские *ни*-местоимения лицензируются над отрицанием

Статья посвящена условиям лицензирования и семантике отрицательных местоимений (*никто*, *ничего* и т.д.) в русском языке. Я привожу аргументы в пользу того, что они лицензируются над отрицанием, связанные с порядком составляющих, ограничениями передвижений и сферой действия. Таким образом, *ни*-местоимения интерпретируются над отрицанием и должны быть неотрицательными универсальными кванторами, в пользу чего есть независимые свидетельства, частично обсуждаемые в этой статье. Лицензирование над отрицанием может быть формализовано с помощью стандартной операции Agree без дополнительных допущений: неинтерпретируемый признак *ни*-местоимения согласуется с интерпретируемым признаком отрицания в *s*-командуемой области. Я предполагаю, что предлагаемая теория распространяется на другие языки со строгим отрицательным согласованием.

Ключевые слова: отрицательное согласование, NCI, отрицательные местоимения, единицы с отрицательной полярностью, NPI, отрицание, согласование, русский язык

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Выражаю благодарность анонимным рецензентам за ценные замечания к первой версии этой статьи.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Россаякин П.О. Русские *ни*-местоимения лицензируются над отрицанием // Рема. Rhema. 2021. № 4. С. 69–118. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-69-118

P. Rosseyaykin

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Russian negative pronouns are licensed above negation

In this paper I discuss the licensing conditions and semantics of negative pronouns (*nikto*, *ničego*, etc.) in Russian. On the basis of constituent order, movement constraints and scope, I argue that they are licensed above negation. By virtue of this *ni*-pronouns outscope negation and should be non-negative universal quantifiers for which there is independent evidence, partially discussed in this paper. Licensing above negation can be formalized using standard Agree without further stipulations: an uninterpretable feature of *ni*-pronouns agrees with a c-commanded interpretable feature of negation. I suppose that the present theory applies to other languages with strict negative concord.

Key words: negative concord, NCI, negative pronouns, negative polarity items, NPI, negation, agreement, Russian

Acknowledgments. The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of the Lomonosov Moscow State University “Preservation of the world cultural and historical heritage.”

Thanks to the anonymous reviewers for their valuable comments on the first version of this article.

FOR CITATION: Rosseyaykin P. Russian negative pronouns are licensed above negation. *Rhema*. 2021. No. 4. Pp. 69–118. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-69-118

1. Введение

В русском языке, а также в других славянских и некоторых неродственных им и друг другу языках¹, наблюдается явление, называемое

¹ Например, венгерском и японском [Watanabe, 2004, p. 595; Giannakidou, Zeijlstra, 2017, p. 14], более спорно – румынском, греческом и иврите, см. раздел 2.2.

строгим отрицательным согласованием/конкордом (далее – строгий NC или просто NC). Определенные слова или составляющие, называемые единицами с отрицательным согласованием/конкордом (negative concord items, также n-words [Laka, 1990], далее – NCI), грамматичны, только если в клаузе присутствует сентенциальное отрицание². Во многих языках с NC, включая русский, отрицание также идентифицируется в составе самих NCI. Таким образом, оно маркируется в нескольких местах в одном предложении, но интерпретируется однократно (1), (2).

(1) Никто не пришел.

(2) Никто ничего не сделал.

Существуют, однако, и контексты, в которых NCI обходятся без выраженного лицензора и, как можно предположить, сами привносят отрицание в семантику. Это фрагментарные ответы и другие эллиптические контексты (3)–(5).

(3) Кто пришел? – Никто.

(4) Нам нужен только Петя, и больше никто.

(5) Петя иногда преувеличивает, но Даша – никогда.

Всякая теория, объясняющая дистрибуцию и семантику NCI, должна давать ответы на следующие три вопроса:

- (6) а. Являются ли NCI семантически отрицательными?
- б. Если нет, то привносят ли NCI экзистенциальную квантификацию в сфере действия отрицания (= не существует *x* такого, что) или универсальную квантификацию над отрицанием (= каждый *x* не такой, что)?
- с. Каков механизм лицензирования NCI? Является ли он семантическим (например, NCI лицензируются в контекстах, обладающих определенными логическими свойствами, такими, как нисходящая монотонность [Fauconnier, 1975; Ladusaw, 1979] или неверидикативность [Zwarts, 1995; Giannakidou, 1997]) или синтаксическим (например, NCI должны согласовываться с отрицательным показателем подобно глагольному согласованию с субъектом/объектом)?

² Впрочем, существует как минимум один класс примеров, в которых NCI лицензируются отрицанием составляющих – см. раздел 5.1.

Большинство современных теорий сходятся в том, что NCI лицензируются синтаксически, а именно – посредством согласования, формально реализуемого в форме проверки признаков³. В данной работе я принимаю синтаксическую теорию лицензирования NCI. Однако, вопреки точке зрения, распространенной среди сторонников как синтаксических [Brown, 1999; Watanabe, 2004; Zeijlstra, 2004, 2008; Penka, 2011; Szabolcsi, 2018], так и семантических теорий лицензирования NCI [Fălăuş, Nicolae, 2016; Déprez, 2017; Kuhn, to appear], я утверждаю, что NCI лицензируются не в сфере действия отрицания, а над ним.

Я предполагаю, что в русском языке отрицательный показатель *не* является вершиной Neg⁴, и отрицание семантически локализовано в этой вершине, а не в каком-либо фонологически пустом операторе в другой позиции (см. раздел 3). Я привожу аргументы, показывающие, что если NCI в русском языке входят в структуру до отрицания (*не*), они должны передвигаться в позицию над ним (предположительно, в позицию непосредственного доминирования). В некоторых случаях NCI лицензируются, вступая в структуру после отрицания. Так или иначе, они всегда лицензируются над отрицанием и интерпретируются над ним. Следовательно, NCI должны быть неотрицательными универсальными кванторами [Giannakidou, 2000, 2006; Abels, 2002, 2005]. Таким образом, я утверждаю, что ответы на вопросы (6) таковы:

- (7) а. NCI семантически неотрицательны;
- б. NCI привносят универсальную квантификацию;
- с. NCI лицензируются синтаксически (предположительно, посредством стандартного (Downward) Agree).

³ О противопоставлении синтаксического и семантического лицензирования см. раздел 2.1. О проверке признаков и ее альтернативах см. раздел 4.

⁴ Во-первых, *не*, как и английский показатель *-n't* (вершина), но не *not* (фразовая составляющая, группа), передвигается вместе с глаголом, ср. (i) и (ii).

- (i) а. Why are_m you *t_m* not listening to me?
- б. *Why are not_m you *t_m* listening to me?
- с. Why aren't_m you *t_m* listening to me?

[Vikner, 2001, p. 203]

- (ii) Не пришел ли Петя?

Во-вторых, как и ожидается от вершин, *не* не проходит так называемый *why-not*-тест [Merchant, 2001b], ср. *why not?* и **почему не?* Тест предполагает, что вопросительные слова – группы, и конструкции типа *why not* образуются путем адьюнкции (группы к группе). Соответственно, вершины не могут появляться в конструкциях типа *why not*. Впрочем, неграмматичность *не* в этом случае может быть результатом независимого фонологического запрета зависания *не*, см. раздел 6.3.

Основная задача настоящей работы – привести аргументы в пользу (7с). Положения (7а) и (7b) можно рассматривать как следующие из (7с), однако будут приведены и независимые аргументы в их поддержку.

Оставшаяся часть статьи структурирована следующим образом. В разделе 2 я обсуждаю проблемы для теорий, рассматривающих NCI как единицы с отрицательной полярностью/поляризацией (NPI), и теорий, унифицирующих строгий и нестрогий NC, отделяя таким образом строгий NC от этих явлений. В разделе 3 я привожу аргументы против теории неинтерпретируемости показателя сентенциального отрицания в языках со строгим NC (таким образом, семантически отрицание локализуется в той же позиции, где оно выражается). В разделе 4 я коротко обсуждаю согласование в минимализме и предлагаю формальный анализ лицензирования NCI через Agree. Дальнейшие разделы посвящены обоснованию анализа. В разделе 5 я показываю, что для лицензирования NCI в русском языке необходимо их передвижение в позицию над отрицанием, и привожу некоторые аргументы в пользу универсальной квантификации NCI. В разделе 6 я обсуждаю примеры, проблемные для существующих теорий, с особым вниманием к теории, представленной в этой статье, а именно: случаи, когда NCI порождаются над отрицанием, и эллиптические контексты. Раздел 7 – заключение.

2. NC и смежные явления

2.1. NC и лицензирование NPI

Противопоставление синтаксического лицензирования NCI и семантического лицензирования NPI опирается на различия в их дистрибуции. На данный момент существует консенсус относительно того, что для лицензирования NPI релевантны логические свойства контекста – нисходящая монотонность или неверидикативность, недавнее обсуждение см. в [Gajewski, 2011; Chierchia, 2013; Giannakidou, 2018]. Например, так называемые слабые NPI (типа английского *any* или русского *кто-либо*) допускают лицензирование в широком круге неотрицательных контекстов [Partee, 2005, p. 5–6; Chierchia, 2013, p. 55], обладающих данными свойствами, например, в протасисе условной конструкции (8)–(9).

- (8) If you have any questions, you can call me. [Partee, 2005, p. 2]
 ‘Если у тебя будут какие-либо вопросы, можешь позвонить мне.’
- (9) а. *Если вы встретите никого, позвоните мне.
 [Там же, p. 5]
- б. Если вы кого-либо встретите, позвоните мне.
 [Там же]

Труднее отделить NCI от сильных NPI, допускающих лицензирование только в отрицательных контекстах, создаваемых собственно отрицанием или отрицательными кванторами (типа английского *nobody*)⁵. Некоторые авторы [Chierchia, 2013, р. 232–240; Fălăuș, Nicolae, 2016, р. 585; Déprez, 2017, р. 111–112; Giannakidou, Zeijlstra, 2017, р. 3] предполагают, что NCI являются сильными NPI, однако дистрибутивные различия обнаруживаются и в этом случае.

Как было замечено еще в [Lakoff, 1969], сильные NPI (например, английские *until*, *either*, *in years*) могут лицензироваться отрицанием через границу финитной клаузы, если матричный предикат обладает свойством подъема отрицания⁶ (далее – NR-предикат).

- (10) a. John doesn't think that Mary will arrive **until** tomorrow.
'Джон не думает, что Мэри придет до завтра.'
b. *John isn't certain that Mary will arrive **until** tomorrow.
Ожид.: 'Джон не уверен, что Мэри придет до завтра.'
[Romoli, 2013, р. 317]

Существуют многочисленные свидетельства в пользу того, что в примерах типа (10) отрицание не поднимается из подчиненной клаузы, а изначально порождается в главной клаузе и лицензирует NPI через границу CP [Gajewski, 2005; Romoli, 2013; Jacobson, 2020]⁷.

Как показано в работе [Dočekal, 2020, р. 28–33] на материале чешского языка, этот контекст позволяет отделить сильные NPI (например, *ani jeden student* 'даже один студент') от NCI. В русском языке данный контраст наблюдается при сравнении NCI и конструкций типа и *один X* – вторые более грамматичны при отрицании матричных NR-предикатов (11a–b), NCI не лицензируются через границу финитной клаузы в любом случае (11c–d).

⁵ В соответствии с анализом [Zwarts, 1993], сильные NPI лицензируются анти-аддитивными функциями, которые определяются так: $f(x \vee y) \leftrightarrow f(x) \wedge f(y)$. Почему анти-аддитивность релевантна для лицензирования NPI, неясно, см. критику в [Chierchia, 2013, р. 213–227]. Альтернативный подход [Gajewski, 2011] предполагает, что и слабые, и сильные NPI лицензируются в контекстах с нисходящей монотонностью, но только в случае последних лицензирование нарушается пресуппозициями и импликатурами лицензирующих операторов, что сводит множество их лицензоров к отрицанию и отрицательным кванторам. Оба анализа предполагают, что лицензирование сильных NPI зависит не от отрицания как такового, а от логических свойств контекста, что оправдано данными: иногда сильные NPI все же лицензируются без отрицания (12)–(13).

⁶ Это свойство, при котором отрицание матричного предиката может интерпретироваться так, как будто оно находится в подчиненной клаузе: *Петя не думает, что Маша спит* $\approx$ *Петя думает, что Маша не спит*.

⁷ Впрочем, как и в случае различия между слабыми и сильными NPI (сноска 5), конкретный анализ подъема отрицания не имеет решающего значения, поскольку в данном случае в первую очередь важен сам факт различия дистрибуции сильных NPI и NCI.

- (11) а. [?]Петя не думал, что Наташа решит и одну задачу.
(NR-предикат)
- б. ^{??}Петя не обещал, что Наташа решит и одну задачу.
(не NR-предикат)
- с. *Петя не думал, что Наташа решит ничего.
(NR-предикат)
- д. *Петя не обещал, что Наташа решит ничего.
(не NR-предикат)

Таким образом, лицензирование NCI, в отличие от сильных NPI, строго локально.

Кроме того, в некоторых случаях сильные NPI все же лицензируются без отрицания:

- (12) Few Americans have been to Spain. Few Canadians have **either**.
[Nathan, 1999, p. 2]

‘Немногие американцы были в Испании.
И немногие канадцы тоже.’

- (13) I'll be damned if I hire you **until** you get a haircut. [Jacobson, 2020]
‘Будь я проклят, если найму тебя до того, как ты
подстрижешься.’

Наконец, в отличие от NCI, NPI недопустимы во фрагментарных ответах (14). Хотя это различие само по себе не является аргументом в пользу синтаксического лицензирования NCI, оно свидетельствует о том, что механизмы лицензирования NPI и NCI различны, см. обсуждение в [Zeijlstra, 2004, p. 209–223].

- (14) *Кто пришел? – Кто-либо.

Я предполагаю, что контрастов между (11а) и (11с), между (3) и (14) и существования (12)–(13) достаточно для того, чтобы рассматривать NCI и NPI как различные классы. Уже из этих данных видно, что для (слабых и сильных) NPI имеет значение семантика, а для NCI релевантно синтаксическое ограничение: они должны находиться в одной клаузе с отрицанием. Дополнительные различия между лицензированием NCI и NPI, несовместимые с теорией «NCI как NPI», будут показаны в разделе 5.

Кроме того, следует заметить, что в языках с NC в морфологическом составе NCI систематически проявляется отрицательный компонент, что свидетельствует либо об ингерентной отрицательности, либо об отрицательном согласовании. В то же время связи между сильными NPI и отрицательной морфологией не наблюдается (ср. русское *и одна задача*; английские *until, either, in years*).

2.2. Строгий и нестрогий NC

Так называемый нестрогий NC характерен для романских языков и креолов на их основе [Watanabe, 2004, p. 595; Zeijlstra, 2004, p. 149; Giannakidou, Zeijlstra, 2017, p. 14], но также наблюдается в некоторых неродственных им языках [Hasplemath, 1997, p. 210–213]. Как отмечают [van der Auwera, Van Alsenoy, 2016], нестрогий NC, во-первых, крайне редок и, во-вторых, очень разнообразен, что делает анализ всех случаев нестроого NC как одного явления сомнительным. В этом разделе я сосредоточусь на обсуждении наиболее изученных романских данных на примере итальянского. В конце раздела я приду к выводу в духе [van der Auwera, Van Alsenoy, 2016]: нестроого NC как единого явления не существует, это понятие можно использовать только как описательный термин. Предваряя выводы этого раздела, элементы, нуждающиеся в лицензировании при нестрогом NC, я буду называть псевдо-NCI.

В постглагольной позиции псевдо-NCI, как и «подлинные» NCI, грамматичны только в присутствии показателя сентенциального отрицания (15a). Первое различие проявляется в предглагольной позиции – в этом случае псевдо-NCI допустимы без сентенциального отрицания (15b)⁸. На основании этого различия такой тип NC называется нестрогим (опять же, в других языках, особенно нероманских, «нестрогость» может проявляться по-другому, см. [van der Auwera, Van Alsenoy, 2016, p. 492–505]).

(15) итальянский

- a. Non ha telefonato nessuno.
 NEG AUX звонил кто-либо
 ‘Никто не звонил.’ [Zeijlstra, 2004, p. 39]
- b. Nessuno ha telefonato.
 никто AUX звонил
 ‘Никто не звонил.’ [Там же]

Асимметричная дистрибуция романских псевдо-NCI послужила тому, что для них предлагались противоположные анализы – как NPI в [Laka, 1990, 1994] и как отрицательных кванторов⁹ в [Zanuttini, 1991; De Swart,

⁸ Добавление отрицательного маркера ведет либо к неграмматичности [Zeijlstra, 2008, p. 3; Chierchia, 2013, p. 229], либо к двойному отрицанию [Moscati, 2010, p. 88], см. обсуждение далее в этом разделе.

⁹ Здесь и далее под отрицательными кванторами я буду понимать местоимения с семантикой ‘не существует, для любого неверно’, не нуждающиеся в лицензировании, типа английских *nobody*, *nothing*.

Sag, 2002]. Я, вслед за [Zanuttini, 1989; Herburger, 2001; Moscati, 2006, 2010; Nakajima, 2020], предполагаю, что псевдо-NCI лексически неоднозначны. В частности, в (15a) *nessuno* – слабый NPI, примерно синонимичный русскому *кто-либо* или английскому *anybody*, а в (15b) – отрицательный квантор (NQ), синонимичный английскому *nobody*, что отражено в глоссах и пометках напротив примеров.

О том, что псевдо-NCI типа итальянских *nessuno* или *niente* ‘что-либо, ничего’ действительно могут быть NPI, свидетельствует возможность их употребления в типичных неотрицательных контекстах лицензирования NPI [Moscati, 2010, p. 92], часть из которых приводится в (16). При этом сами псевдо-NCI не привносят отрицания в семантику.

- (16) a. На visto niente? (NPI)
 AUX видел что-либо
 ‘Он видел что-нибудь?’ [Там же]
- b. Se dovesse venire nessuno, digli
 если должен.SUBJ.3SG прийти кто-либо скажи.ему
 di ripassare doro. (NPI)
 PREP вернуться позже
 ‘Если кто-нибудь придет, скажи ему вернуться позже.’
 [Там же]
- c. Sparirono prima che Gianni potesse
 исчезли прежде что Джанни мочь.SUBJ.3SG
 dir niente. (NPI)
 сказать что-либо
 ‘Они исчезли, прежде чем Джанни смог сказать что-либо.’
 [Там же]

В. Москати сообщает, что грамматичность (16b–c) и других примеров с неотрицательным лицензированием, которые здесь не приводятся, варьирует по носителям, однако лицензирование в вопросе (16a) грамматично для всех носителей [Moscati, 2010, footnote 46]. Лицензирование в неотрицательных контекстах наблюдается и в других языках с нестрогим NC [Laka, 1990, p. 111–113; Haspelmath, 1997, p. 196; Watanabe, 2004, p. 595; Moscati, 2010, p. 93; van der Auwera, Van Alsenoy, 2016, p. 475–476].

Кроме того, псевдо-NCI могут лицензироваться отрицанием матричных NR-предикатов (17b), что недопустимо в языках со строгим NC, ср. (11c). Если матричный предикат не обладает свойством подъема отрицания, то предложение грамматично с интерпретацией псевдо-NCI как отрицательного квантора (17a).

- (17) a. Non pretendo che nessuno ti arresti. (NQ)
 NEG требую что никто тебя арестовывать.SUBJ.3SG
 1. *‘Я не требую, чтобы тебя арестовывал кто-либо.’
 2. ‘Я не требую, чтобы никто тебя не арестовывал.’
 [Moscatti, 2006, p. 154]
- b. Non voglio che nessuno mi disturbi. (NPI/NQ)
 NEG хочу что кто-либо меня беспокоить.SUBJ.3SG
 1. ‘Я не хочу, чтобы кто-либо меня беспокоил.’
 2. #‘Я не хочу, чтобы никто меня не беспокоил.’
 [Moscatti, 2010, p. 98]

О возможности использования псевдо-NCI в качестве отрицательных кванторов свидетельствует также грамматичность фрагментарных ответов (18), что недопустимо для NPI (14).

- (18) Chi hai visto? – Nessuno. (NQ)
 кто AUX.2SG видел никто
 ‘Кого ты видел? – Никого.’ [Там же, p. 100]

Можно предположить, вслед за [Haspelmath, 1997, p. 196–197], что некоторые NPI (а именно те, которые я называю псевдо-NCI), редко появляющиеся в неотрицательных контекстах, ассоциированы с отрицанием настолько сильно, что могут лицензировать эллипсис глагола с отрицанием при отсутствии отрицания в антецеденте эллипсиса (18), см. также обсуждение примера (93). Таким образом, псевдо-NCI типа *nessuno* можно продолжать рассматривать как NPI даже с учетом их грамматичности во фрагментарных ответах.

Этот анализ, однако, в отличие от анализа, предполагающего лексическую неоднозначность, не объясняет грамматичность и отрицательную интерпретацию псевдо-NCI в неэллиптических контекстах без отрицания – (15b), (17a), (19a). Таким образом, лексическая неоднозначность представляется неизбежной.

Остальные специфические свойства псевдо-NCI следуют из предположения о том, что они могут быть как NPI, так и отрицательными кванторами. Например, они появляются в конструкциях с распространением отрицания (*negative spread*), в которых в одной клаузе присутствуют несколько псевдо-NCI, но нет показателя сентенциального отрицания (19a). В соответствии с анализом [Moscatti, 2010, p. 100] я предполагаю, что в (19a) отрицательный квантор в предглагольной позиции лицензирует NPI в постглагольной позиции. Аналогичные предложения в языках со строгим NC неграмматичны (19b).

- (19) a. Nessuno ha telefonato a nessuno.
 никто AUX звонил PREP кто-либо
 (NQ-субъект, NPI-объект)
 ‘Никто никому не звонил.’ [Zeijlstra, 2004, p. 76]
- b. Никто *(не) звонил никому.

Если псевдо-NCI в предглагольной позиции – отрицательные кванторы, то при добавлении сентенциального отрицания ожидается появление двойного отрицания в интерпретации, что и происходит (20), см. также [Laka, 1990, p. 120]¹⁰.

- (20) Nessuno non ha telefonato. (NQ)
 никто NEG AUX звонил
 ‘Никто не не звонил.’ [Moscatti, 2010, p. 94]

Кроме того, при лицензировании из матричной клаузы ожидается двусмысленность, поскольку это допустимый контекст как для NPI, так и для отрицательных кванторов (в предглагольной позиции). Выше было показано, что при отрицании матричных NR-предикатов действительно возможны две интерпретации, хотя интерпретация псевдо-NCI как NPI предпочтительнее [Moscatti, 2006, p. 155]. Двусмысленность также возникает при лицензировании адверсативным матричным предикатом *dubitare* ‘сомневаться’:

- (21) Dubito che nessuno venga. (NPI/NQ)
 сомневаюсь что кто-либо/никто приходить.SUBJ
 1. ‘Я сомневаюсь, что кто-либо придет.’
 2. ‘Я сомневаюсь, что никто не придет.’ [Zanuttini, 1991, p. 143]

Остается открытым вопрос, почему псевдо-NCI в значении отрицательного квантора не могут быть грамматичны в постглагольной позиции без отрицания (15a). Эта проблема, конечно, осознается

¹⁰ Х. Зейлстра утверждает, что предложения типа (20) грамматичны только с сильным акцентом на псевдо-NCI и паузой после него: *NESSUNO # non ha telefonato* [Zeijlstra, 2008, footnote 1]. По данным [Moscatti, 2010, p. 88] предложение (20) грамматично с нейтральной интонацией. Я предполагаю, что необходимость акцентирования NCI в предложениях типа (20) может быть связана с тем, что двойное отрицание, как правило, не используется в нейтральном контексте, а служит для отрицания предыдущего утверждения, содержащего (однократное) отрицание, ср. русскую интерпретацию (20). Таким образом, двойное отрицание задействует отрицание составляющих и используется для противопоставления, ср. *Петя не спит()* и *Петя не не спит()*. Следовательно, необходимость акцентирования в контекстах типа (20) не является идиосинкретическим свойством псевдо-NCI и никак не компрометирует описываемую в этом разделе теорию. См. релевантное обсуждение в [Puskás, 2012].

сторонниками теории лексической неоднозначности псевдо-NCI, и за подходами к ее решению я отсылаю читателей к [Herburger, 2001; Moscati, 2006, 2010]¹¹.

Прежде чем завершить этот раздел, я предлагаю рассмотреть независимый аргумент против теорий, унифицирующих строгий и нестрогий NC. По наблюдению [Watanabe, 2004, p. 587–607], NCI в языках со строгим NC систематически демонстрируют один и тот же морфологический состав: неспецифицированное местоимение (wh-слово)¹² + фокусный или аддитивный элемент + (опционально) отрицательный показатель (табл. 1; данные японского взяты из [Watanabe, 2004, p. 599]).

В (22) сформулированы два (предположительных) обобщения относительно шаблона (NEG)-ADD-WH (*modulo* порядок морфем). Конечно, существуют языки, в которых конструкции типа ADD-WH не являются NCI, в (22b) подразумеваются случаи, когда существует выраженная (как в русском и венгерском) или невыраженная (как, предположительно, в японском) отрицательная морфема.

(22) a. NCI → (NEG)-ADD-WH:

(подлинные) NCI всегда имеют форму (NEG)-ADD-WH

b. (NEG)-ADD-WH → NCI:

форму (NEG)-ADD-WH могут иметь только (подлинные) NCI

В качестве контрпримеров (22a) можно рассматривать языки из табл. 2, в которых предположительно имеет место (строгий) NC, но некоторые NCI образованы не от wh-слов, а *klum* в иврите, по-видимому, не содержит ни аддитивных, ни эмфатических элементов.

Следует отметить, однако, что статус NCI в этих языках неоднозначен. Например, в греческом они могут лицензироваться отрицанием через границу финитной клаузы [Giannakidou, 2006, p. 340; Giannakidou, Zeijlstra, 2017, p. 24], а также в before-клаузах типа (16c) [Kuhn, to appear], что недопустимо в русском. Румынские *ni*-NCI и *'af* в иврите, по данным [Haspelmath, 1997, p. 70, 74], могут использоваться в контексте

¹¹ Неграмматичность отрицательных кванторов в постглагольной позиции наблюдается и в некоторых языках без NC, например, в норвежском [Svenonius, 2002]. Некоторые теории предполагают, что даже в языках без NC (типа английского) отрицательные кванторы передвигаются в Spec,NegP [Beghelli, Stowell, 1997]. Это объясняет их неграмматичность в постглагольной позиции.

¹² Также выдвигается предположение, что место wh-слова может занимать минимайзер, например *hito* 'один' в японском [Watanabe, 2004, p. 603]. Семантика слов *кто* и *один* в целом очень близка: первое может обозначать множество людей, а второе – множество людей и предметов. С другой стороны, такие конструкции могут на самом деле быть сильными NPI и иметь немного другую дистрибуцию, ср. русские *и одна X* (11) и *никто*.

Таблица 1

NCI в русском, венгерском и японском языках
[NCI in Russian, Hungarian and Japanese]

	‘кто’ [‘who’] <i>kto</i> [Russian] <i>ki</i> (венгерский) [Hungarian] <i>dare</i> (японский) [Japanese]	‘что’ [‘what’] <i>chto</i> [Russian] <i>mi</i> (венгерский) [Hungarian] <i>nani</i> (японский) [Japanese]	‘где’ [‘where’] <i>gde</i> [Russian] <i>hol</i> (венгерский) [Hungarian] <i>doko</i> (японский) [Japanese]	‘когда’ [‘when’] <i>kogda</i> [Russian] <i>mikor</i> (венгерский) [Hungarian] <i>itsu</i> (японский) [Japanese]
Русский [Russian]	<i>n-i-kto</i> [<i>n-i-kto</i>]	<i>n-i-chto</i> [<i>n-i-chto</i>]	<i>n-i-gde</i> [<i>n-i-gde</i>]	<i>n-i-kogda</i> [<i>n-i-kogda</i>]
Венгерский [Hungarian]	<i>sen-ki</i> NEG.ADD-кто [NEG.ADD-who]	<i>sem-mi</i>	<i>se-hol</i>	<i>so-ha</i> NEG.ADD-если [NEG.ADD-if]
Японский [Japanese]	<i>dare-mo</i> кто-ADD [who-ADD]	<i>nani-mo</i>	<i>doko-mo</i>	—

«непрямого отрицания» (что включает лицензирование в аргументе без и предикатов с семантикой ‘не хватать’ и/или отрицанием через границу финитной клаузы [Haspelmath, 1997, p. 80]).

Таблица 2

NCI в румынском, греческом и иврите
[NCI in Romanian, Greek and Hebrew]

	‘никто’ [‘no one’]	‘ничто’ [‘nothing’]
Румынский [Romanian] [Watanabe, 2004, p. 592]	<i>nimeni</i> < <i>nēmō</i> , <i>nēminet</i> < <i>ne hēmō</i> не(т) человек [no(t) man]	<i>nimic</i> < <i>ne mica</i> не(т) крошка [no(t) crumb]
Греческий [Greek] [Giannakidou, 2006, p. 344]	<i>KAN-ENAS</i> * даже-один [even-one]	<i>TI-POTA</i> что-когда(-либо) (ср. <i>whatever</i>) [what-when(-ever) (cf. <i>whatever</i>)]
Иврит [Hebrew] [Zeldes, 2013, p. 456]	‘ <i>af</i> ‘ <i>eḥad</i> даже один [even one]	<i>klum</i> **

Примечание. * Малые прописные обозначают эмфатическое произношение.

** Этимология *klum* не вполне ясна. Предположительно, восходит к сочетанию *kol* ‘все, любой’ с показателем неопределенности/вопросительности *-ma* или с NPI *maʔuma*, содержащим этот показатель [Lucas, 2013, p. 446].

[Note. * Small caps indicate emphatic pronunciation.

** The etymology of *klum* is not entirely clear. Presumably, it goes back to the combination of *kol* ‘all, any’ with the indeterminate/interrogative marker *-ma* or with NPI *maʔuma* containing this marker [Lucas, 2013, p. 446].]

В качестве контрпримера (22b) можно рассматривать старославянский и других предшественников современных славянских языков. В этих языках, как и в современном русском, NCI имели форму NEG-ADD-WH (например, *никто*, *ничто* в древнерусском), однако NC варьировал между строгим и нестрогим, т.е. предглагольные NCI сопровождался показателем сентенциального отрицания опционально [Крижкова, 1968, p. 24; Brown, 1999, p. 38]. Можно предположить, что в этих языках отрицательный показатель в составе NCI мог быть интерпретируемым.

Итак, связь между морфологическим составом и дистрибуцией (псевдо-)NCI остается не до конца ясной и сделать окончательных выводов об истинности обобщений (22) не удастся, см. также более широкий обзор в [Haspelmath, 1997]. По крайней мере, NCI действительно соответствуют шаблону (NEG-)ADD-WH в венгерском, японском и современных

славянских языках, т.е. в языках с «подлинным» NC, соблюдающим оба основных критерия:

- а) лицензирование только отрицанием;
- б) лицензирование только в пределах клаузы.

С другой стороны, псевдо-NCI в языках с нестрогим NC не соответствуют шаблону (NEG-)ADD-WH и вообще морфологически разнородны (см. табл. 3). По предположению [Haspelmath, 1997, p. 233], романские псевдо-NCI появились в результате соединения двух парадигм (латинских отрицательных местоимений и местоимений неотрицательного происхождения типа итальянского *mai* или испанских *nadie, nada*), что можно рассматривать в качестве дополнительного подспорья анализу, предполагающему их двусмысленность в синхронии.

Таблица 3

**Псевдо-NCI в романских языках,
данные [Watanabe, 2004, p. 592]
[Pseudo-NCI in Romance languages,
data from [Watanabe, 2004, p. 592]]**

	кто [who]	что [what]	где [where]	когда [when]
Португальский [Portuguese]	<i>ninguém</i>	<i>nada</i>	<i>nenhures</i>	<i>nunca, jamais</i>
Испанский [Spanish]	<i>nadie</i>	<i>nada</i>	<i>en ninguna parte</i>	<i>nunca</i>
Каталанский [Catalan]	<i>ningu</i>	<i>res</i>	<i>enlloc</i>	<i>mai</i>
Французский [French]	<i>personne</i>	<i>rien</i>	<i>nulle part</i>	<i>jamais</i>
Итальянский [Italian]	<i>nessuno</i>	<i>niente, nulla</i>	<i>in nessun luogo</i>	<i>mai</i>

Теории, унифицирующие строгий и нестрогий NC, в частности, предполагающие, что различия между ними сводятся к внешним факторам, например, (не)интерпретируемости показателя сентенциального отрицания в рассматриваемом языке [Zeijlstra, 2004, 2008; Penka, 2011; Chierchia, 2013], отказываются от объяснения морфологических обобщений, будь то (22) или нет.

Цель данного раздела состояла в том, чтобы привести аргументы против сведения строгого и нестрого NC к одному явлению. Как было показано, дистрибуция псевдо-NCI в романских языках шире, чем

дистрибуция как NCI, так и NPI. С одной стороны, они могут появляться в неотрицательных контекстах (16), (21) и лицензироваться отрицанием через границу финитной клаузы (17), с другой стороны, их способность самостоятельно выражать отрицание (или указывать на его присутствие) не сводится к эллиптическим контекстам (15b), (17a), (19)–(21). Таким образом, на данный момент наиболее состоятельной представляется теория, в соответствии с которой нестрогий NC романского типа вообще не задействует отрицательное согласование, а следует из лексической неоднозначности [Herburger, 2001; Moscati, 2006, 2010; Nakajima, 2020].

Нестрогий NC в нероманских языках имеет другие свойства и, возможно, требует другого анализа. В целом, типологическая редкость и разнородность нестрогого NC [van der Auwera, van Alsenoy, 2016] оправдывает разный анализ для разных случаев.

Итак, от теории (строгого) NC не требуется быть способной объяснять дистрибуцию псевдо-NC (*contra* [Zeijlstra, 2004, 2008; Penka, 2011; Chierchia, 2013; Kuhn, to appear]), и в последующих разделах можно сосредоточиться на строгом NC (далее – просто NC).

3. Интерпретируемость показателя сентенциального отрицания в языках с NC

Для того чтобы понять, лицензируются ли NCI в сфере действия отрицания или за ее пределами, необходимо определить, где, собственно, локализовано отрицание семантически. Влиятельная теория синтаксического лицензирования NCI [Zeijlstra, 2004, 2008; Penka, 2011] предполагает, что показатель сентенциального отрицания в языках с NC – неинтерпретируемый, а лицензирование NCI обеспечивается «скрытым» или «абстрактным» (фонологически невыраженным) отрицанием $Op_{\neg[\text{INEG}]}$, существование которого также предполагается в [Bošković, 2009; Chierchia, 2013; Fălăuş, Nicolae, 2016; Szabolcsi, 2018].

Теорию [Zeijlstra, 2004, 2008; Penka, 2011] можно проиллюстрировать примерами (23a) и (24a), структура которых представлена в (23b) и (24b) соответственно:

(23) чешский

a. nikdo nevolá.

никто не.звонит

‘Никто не звонит.’ [Zeijlstra, 2004, p. 252]

b. [_{NegP} $Op_{\neg[\text{INEG}]}$ [_{VP} nikdo [_{UNEG}] [_V nevolá [_{UNEG}]]].
[Там же]

(24) чешский

- a. Dnes nikdo nevolá.
сегодня никто не.звонит
'Сегодня никто не звонит.' [Zeijlstra, 2008, p. 25]
- b. [Dnes Op_{¬[INEG]} [TP nikdo_[tNEG] nevolá_[tNEG]]].
[Zeijlstra, 2008, p. 25]

Как видно, анализ [Zeijlstra, 2004] и [Zeijlstra, 2008] различается позицией субъекта, что, в свою очередь, имеет последствия для позиции Op_{¬[INEG]}, однако для текущего рассуждения в первую очередь имеют значение более базовые предположения: (а) сам по себе отрицательный показатель *ne* 'не' в чешском (и других языках с NC, в т.ч. русском) – неинтерпретируемый (признак [tNEG]); (b) в структуре присутствует скрытое отрицание Op_{¬[INEG]}, которое и лицензирует как NCI, так и показатель *ne*_[tNEG].

С другой стороны, в языках типа итальянского в постглагольной позиции (псевдо-)NCI лицензируются выраженным и интерпретируемым отрицанием (25a). В предглагольной позиции (псевдо-)NCI оказываются за пределами сферы действия приглагольного отрицания и требуют вставления скрытого отрицания Op_{¬[INEG]} (25b).

(25) итальянский

- a. Gianni non_[tNEG] ha telefona a nessuno_[tNEG].
Джанни NEG AUX звонит PREP никому
'Джанни не звонит никому.' [Там же, p. 26]
- b. Op_{¬[INEG]} nessuno_[tNEG] ha telefonato a nessuno_[tNEG].
'Никто не звонил никому.' [Там же, p. 27]

Из обсуждения в предыдущем разделе уже ясно, что для объяснения нестрого NC итальянского типа скрытого отрицания недостаточно. Более того, с учетом предположения о лексической неоднозначности скрытого отрицания просто не нужно. В этом разделе я постараюсь показать, что оно не нужно и для анализа (строгого) NC, что позволит сохранить более простое предположение об интерпретируемости *ne*.

Само по себе постулирование скрытого отрицания проблематично по ряду причин. Во-первых, такая теория сложнее, поскольку в ней, помимо собственно показателя сентенциального отрицания, присутствует дополнительная сущность в лице скрытого отрицания. Во-вторых, возникает необходимость объяснить ограничения на дистрибуцию скрытого Op_{¬[INEG]} и выраженного *ne*_[tNEG]/ne_[tNEG].

Что касается первого пункта, то, по мнению [Zeijlstra, 2004, 2008], существуют независимые свидетельства в пользу скрытого отрицания в языках с НС. Например, в (26) наречие *moc* ‘много’ предшествует отрицательному показателю *ne*, но при этом интерпретируется в сфере действия отрицания. Х. Зейлстра предполагает, что обратная сфера действия ($\neg > \text{moc}$) обеспечивается скрытым отрицанием, доминирующим в синтаксической структуре над *moc* [Zeijlstra, 2004, p. 168–169, 245–246; Zeijlstra, 2008, p. 22–23].

(26) чешский

Milan	moc	nejedl.
Милан	много	не.съел

1. $\neg > \text{много}$: ‘Милан не съел много.’

2. $*\text{много} > \neg$: ‘Милан много не съел.’ [Zeijlstra, 2008, p. 23]

Аргумент, проиллюстрированный в (26), опирается на предположение о соответствии линейного порядка составляющих их позиции (и сфере действия) в логической форме (далее – LF). Однако сфера действия $\neg > \text{moc}$ может быть результатом реконструкции наречия в сферу действия *ne*, и ниже будет показана предпочтительность этого анализа.

Я не могу судить о достоверности оценок интерпретаций в (26), однако аналогичные русские примеры допускают обе интерпретации в зависимости от интонации:

(27) а. $\neg > \text{много}$: Петя много не съел(/) (, так, взял пару кусочков).

б. $\text{много} > \neg$: Петя много(/) не съел (, аж полтарелки оставил).

Можно предположить, что две различные интерпретации в (27) возникают в результате присоединения скрытого отрицания или наречия *много* в разных позициях. Первая из этих альтернатив исключается самим Х. Зейлстрой [Zeijlstra, 2004, p. 246; Zeijlstra, 2008, p. 25]. Таким образом, для объяснения (27) без реконструкции, необходимо предположить, что наречие *много* может присоединяться в разных позициях относительно фиксированного скрытого отрицания $Op_{\neg[\text{NEG}]}$ (*contra*, например, [Cinque, 1999]). Даже если допустить такую возможность, необходимость реконструкции все равно следует из существования (28).

(28) $\text{наверное} > \neg > \text{много}$: Много Петя, наверное, не съел (, так, взял пару кусочков).

Сфера действия и линейный порядок в (28) явно не совпадают. Если наречие *много* реконструируется в сферу действия модального показателя и отрицания в (28), ничто не мешает предположить то же самое для

(26) и (27a). Таким образом, эти примеры не могут служить свидетельством существования скрытого отрицания.

Второй независимый аргумент [Zeijlstra, 2004, 2008] в пользу скрытого отрицания схож с первым и опирается на то же (произвольное) предположение о совпадении линейного порядка и сферы действия. В отличие, например, от английского (29b), в славянских языках допустимо лицензирование NPI в предглагольной позиции (29a). Это, опять же, можно рассматривать как свидетельство того, что в чешском, в отличие от английского, в структуре клаузы присутствует скрытое отрицание, доминирующее над предглагольным объектом *ani nohu* и лицензирующее его [Zeijlstra, 2004, p. 245–246].

(29) чешский

- a. ani nohu jsem (tam) nevidel.
 даже.NPI ногу быть.1SG там не.видел
 ‘Я не видел (там) никого.’ [Там же, p. 246]
- b. *Anybody doesn't call.
 Ожид.: ‘Никто не звонит.’ [Zeijlstra, 2008, с. 40]

Этот аргумент фальсифицируется так же, как первый. В примерах (30) линейный порядок (XP > *наверное* > ¬) не совпадает со сферой действия (*наверное* > ¬ > XP), что делает возможность реконструкции неизбежной. В таком случае ничто не мешает анализировать (29a) как пример реконструкции *ani nohu* в сферу действия *ne*. Отсутствие аналогичных примеров в английском тривиально следует из общей недопустимости передвижения объекта в предглагольную позицию, ср. **him John didn't see*.

- (30) а. И слова, наверное, Петя не сказал.
 б. Никто, наверное, не пришел.

Таким образом, независимые аргументы в пользу скрытого отрицания, опирающиеся на наблюдаемую обратную сферу действия, не имеют силы¹³.

Еще бóльшая проблема для теории скрытого отрицания – объяснение дистрибуции поверхностного *ne*_[UNEG] и скрытого *Op*_{¬[INEG]}. Например, неграмматичность (31) в сравнении с (30b) объясняется следующим допущением: скрытое отрицание должно присоединяться в позиции, непосредственно с-командующей наиболее высоким вхождением [UNEG] (24b)

¹³ Для опровержения аргументов [Zeijlstra, 2004, 2008], проиллюстрированных в (26) и (29), необязательно привлекать примеры именно с эпистемическими наречиями. Другие контрпримеры не обсуждаются здесь из соображений краткости.

[Zeijlstra, 2008, p. 25]. Таким образом, NPI в позиции субъекта оказывает-ся за пределами сферы действия $Op_{\neg[INEG]}$, лицензирующего $ne_{[UNEG]}$ (*кто-либо > $Op_{\neg[INEG]}$ > $ne_{[UNEG]}$). Однако, как было показано выше, в действительности существуют случаи, когда между $Op_{\neg[INEG]}$ и $ne_{[UNEG]}$ вклиниваются другие составляющие (26), (27а). Остается неясным, почему существует $Op_{\neg[INEG]} > \text{много} > ne_{[UNEG]}$, но не существует $Op_{\neg[INEG]} > \text{кто-либо} > ne_{[UNEG]}$.

(31) *Кто-либо не пришел¹⁴.

Еще один пример, неграмматичность которого выглядит необъясни-мой, – (32b).

(32) а. Петя будет ничего не делать.

б. *Никто будет не спать.

Можно предположить, что неграмматичность (32b) следует из того, что $ne_{[UNEG]}$, находясь внутри фазы vP, не может быть лицензирован скры-тым отрицанием $Op_{\neg[INEG]}$ из-за ее пределов вследствие условия непрони-цаемости фазы [Chomsky, 2000, p. 108] (граница которой в (33) обозна-чена решеткой).

(33) * $Op_{\neg[INEG]}$ [_{TP} Никто_[UNEG] [_{T/Asp} будет [_{vP} # [_{vP} $ne_{[UNEG]}$ спать]]]]].

Первая проблема этого объяснения состоит в том, что оно зависит от предположения о релевантности фаз для Agree, против чего суще-ствуют свидетельства, связанные с дистантным согласованием (long-distance agreement) [Bošković, 2007]. Более того, сам Х. Зейлстра допу-скает проверку $[UNEG]$ в позиции VP-in-situ [Zeijlstra, 2008, p. 28–29]. Наконец, даже если предположить, что граница фазы действительно препятствует лицензированию $ne_{[UNEG]}$ в (32b), неясно, почему это пред-ложение не может быть спасено вставлением еще одного скрытого отри-цания над VP (такая возможность должна существовать в свете грамма-тичности (32a)):

(34) * $Op_{\neg[INEG]}$ [_{TP} Никто_[UNEG] [_{T/Asp} будет [_{vP} [_{vP} $Op_{\neg[INEG]}$ $ne_{[UNEG]}$ спать]]]]].

¹⁴ Здесь у читателя может возникнуть вопрос: если скрытого отрицания не суще-ствует и (30b) грамматично благодаря реконструкции субъекта *никто* в сферу действия *не*, то почему неграмматично (31)? Иными словами, почему невозможна реконструкция субъекта *кто-либо* в сферу действия *не* в (31)? Я предполагаю, что реконструкции субъ-екта нет в обоих случаях (30b), (31). В этих примерах нуждающиеся в лицензировании составляющие (*никто* и *кто-либо*) оказываются в позиции над отрицанием в результа-те А-передвижения в позицию Spec,TP или Spec,Ag_rP, а не А'-скрэмблинга, как в (29a), (30a). Возможности реконструкции при А-передвижении более ограничены вплоть до полного запрета, см. обсуждение в [Chomsky, 1995; Lasnik, 1999; von Stechow, 2003; Titov, 2012]. *Никто* в (30b) грамматично, поскольку, в отличие от *кто-либо*, лицен-зируется над отрицанием, см. раздел 5.

Таким образом, более перспективной представляется теория, в которой грамматичность NCI зависит от позиции показателя *не*, а не скрытого отрицания *Op*_{-[INEG]}:

(35) а. Никто не будет спать.

б. *Никто будет не спать.

Обсуждение причин контраста в (35) я откладываю до раздела 6.2.

Возвращаясь к теории скрытого отрицания и завершая разбор ее недостатков, следует отметить необъяснимость обязательного присутствия *не*_[INEG] в клаузах с NCI. В самом деле, если *не*_[INEG] не участвует в лицензировании NCI, то в нем просто нет необходимости. Х. Зейлстра предполагает, что *не*_[INEG] служит для маркирования сферы действия отрицания [Zejlstra, 2004, p. 257; Zeijlstra, 2008, p. 28–29], однако в таком случае при его отсутствии следует ожидать двусмысленность, но не неграмматичность. Кроме того, в большинстве предложений с NCI есть только одна линейная позиция, куда может присоединяться лицензирующее *не* (непосредственно перед глаголом), и одна интерпретация, ср. (36). Таким образом, использование неинтерпретируемого *не* для маркирования сферы действия не только необязательно, но и избыточно.

(36) а. Никто *(не) пришел.

б. Петя ничего *(не) сделал.

Рассуждение выше представляется достаточным для опровержения теории о *не* как неинтерпретируемом маркере сферы действия. В работах [Zejlstra, 2004, p. 257; Zeijlstra, 2008, p. 28–29] по этому поводу делаются некоторые другие предположения, оказывающиеся проблемными при внимательном рассмотрении. Например, предполагается, что при выдвижении NCI из vP в использовании маркирующего сферу действия отрицания нет необходимости, что позволяет объяснить опциональность NCI в языках со скрэмблингом, таких как западнофламандский. В русском языке, однако, скрэмблинг NCI никак не отменяет обязательность присутствия *не* в клаузе, ср. *Никого Петя *(не) видел*. Более того, как будет показано в разделе 5, выдвижение NCI из vP происходит и в отсутствии скрэмблинга, см. также детальное обсуждение сербохорватского в [Bošković, 2008, 2009].

Итак, теория неинтерпретируемости *не* и скрытого отрицания имеет ряд существенных недостатков:

а) независимые аргументы в пользу скрытого отрицания несостоятельны;

б) дистрибуция скрытого отрицания непредсказуема – некоторые примеры оказываются неграмматичными против ожиданий, ср. (31), (32b)¹⁵;

с) необходимость присутствия в клаузе неинтерпретируемого *не* остается без объяснения;

д) теория зависит от некоторых дополнительных утверждений (по поводу дистрибуции наречий и скрытого отрицания), истинность которых неочевидна.

Таким образом, в свете данных этого раздела роль скрытого отрицания сводится к допущению *ad hoc*, которое принимается специально для объяснения лицензирования NCI без всяких независимых оснований. Это допущение, как было показано, не только усложняет теорию, но и порождает больше проблем, чем решений. В дальнейшем я буду предполагать, что скрытого отрицания не существует, и отрицательную семантику в русском языке привносит именно показатель *не* (как и, предположительно, соответствующие показатели сентенциального отрицания в других языках с NC)¹⁶. Следовательно, сфера действия отрицания совпадает с позицией *не* в синтаксической структуре. Как уже упоминалось выше, я предполагаю, что NCI сами по себе неотрицательны. Подтверждения этому предположению, как и проблемные для него данные, будут обсуждаться в разделах 5 и 6.

Итак, были рассмотрены два смежных вопроса, понимание которых необходимо для корректного анализа NC: релевантность псевдо-NCI и NPI для теории NC (нерелевантны); интерпретируемость показателя сентенциального отрицания (интерпретируем). Прежде чем я перейду к обсуждению семантики и лицензирования NCI, необходимо более эксплицитно обсудить синтаксическую теорию, используемую в дальнейшем.

4. Согласование в минимализме

Как было заявлено в разделе 1, я предполагаю, что NCI лицензируются (а) синтаксически (согласованием) и (б) над отрицанием. В большинстве случаев это требует передвижения, поскольку, например,

¹⁵ В действительности сложности, возникающие при постулировании скрытого отрицания, глубже, чем было показано в этом разделе. Например, необходимо объяснить несуществование предложений типа **Петя Оп_[-INEG] пришел*, интерпретация которого ‘Петя не пришел’. См. обсуждение в [Zeijlstra, 2004, 2008].

¹⁶ Существуют случаи, когда показатель *не* присутствует в клаузе, однако отрицание не появляется в интерпретации явным образом – так называемое эксплетивное отрицание (например: *я боюсь, как бы Петя не опоздал*). Оно проявляется в небольшом множестве типологически устойчивых контекстов и, по-видимому, не связано с существованием в языке NC [Yoon, 2011; Greco, 2020]. Таким образом, для настоящего обсуждения интерпретируемости *не* эксплетивное отрицание нерелевантно.

аргументные NCI порождаются ниже отрицания (37). Эмпирические свидетельства того, что NCI действительно завершают свой деривационный путь над отрицанием, обсуждаются в разделах 5–6. В этом разделе я рассматриваю варианты формализации такого лицензирования.

(37) Петя [_{NegP} ничего [_{INEG}] [_{Neg} не [_{INEG}] [_{VP} сделал **ничего** [_{INEG}]]].

Стандартный вариант минимализма [Chomsky, 2000, 2001] формализует согласование как операцию Agree, в которой неинтерпретируемый признак [_{uF}↓] составляющей Y (зонд) ищет интерпретируемый признак [_{iF}] (цель) в с-командуемой области¹⁷. Если [_{iF}] найден, то [_{uF}↓] проверяется и удаляется из деривации¹⁸ (38a). Если у зонда есть признак/свойство EPP, составляющая XP с признаком [_{iF}] должна передвинуться в спецификатор YP (38b). Чтобы составляющая XP [_{iF}] могла служить в качестве цели, она должна быть активной, т.е. сама должна иметь неинтерпретируемый признак [_{uK}] (ограничение, известное как условие активности или условие активации) [Chomsky, 2000, р. 123; Bošković, 2007, р. 607–609]. В результате Agree удаляется как [_{uF}↓], так и [_{uK}], указанный в (38) в скобках.

(38) а. Agree: [_Y Y [_{uF}↓, (_{iK})] [_{ZP} ... XP [_{iF}, (_{uK})] ...]]

б. Agree (+EPP):

[_{YP} XP [_{iF}, (_{uK})] [_Y Y [_{uF}↓, EPP, (_{iK})] [_{ZP} ... XP [_{iF}, (_{uK})] ...]]]

Agree плохо подходит для формализации NC, поскольку в большинстве случаев составляющая, нуждающаяся в лицензировании (NCI), структурно находится **ниже** лицензора – отрицания (например, *не* [_{INEG}] или *Op* [_{INEG}]). В терминах признаков это означает, что цель доминирует над зондом (37), что противоречит (38). В обсуждавшейся выше теории [Zeijlstra, 2004, 2008] для объяснения лицензирования NCI предлагается развернуть направление Agree, заменив его операцией Upward (или Reverse) Agree [Bjorkman, Zeijlstra, 2014, 2019; Wurmbrand, 2014]. Таким образом, зонд [_{uF}↑] ищет цель [_{iF}] в с-командующей части структуры (39).

¹⁷ Дополнительные стрелочные обозначения для зондов (↑, ↓), заимствованные из [Abels, 2012] и обозначающие направление «поиска», не используются в обсуждаемых здесь работах.

¹⁸ В поздних версиях минимализма типология признаков была усложнена, и место проверки заняло означивание (feature valuation) и распространение признаков (feature sharing), см. [Chomsky, 2001; Pesetsky, Torrego, 2007]. При формализации NC, как правило, по-прежнему используется простая типология признаков (интерпретируемые vs неинтерпретируемые) и операция проверки, в том числе и далее в этой статье. В целом, ничто не мешает переформулировать синтаксические теории NC с учетом более сложной типологии признаков и, соответственно, операций означивания/распространения признаков.

Например, лицензирование NCI в примерах (23), (24) тривиальным образом соответствует (39).

(39) Upward Agree: $[_Y Y_{[iF]} [_{ZP} \dots XP_{[uF+]} \dots]]$

Однако, вопреки предположениям [Zejlstra, 2004, 2008; Bjorkman, Zeijlstra, 2014, 2019], без дополнительных допущений (39) не подходит для анализа NC, поскольку не предсказывает обязательное (см. ниже) передвижение NCI (37). Для того чтобы составляющая $XP_{[uF+]}$ передвигалась, необходимо наличие либо признака EPP у цели (40a), либо дополнительной пары признаков $[uK\uparrow]$, $[iK]$, которая потребует передвижения $XP_{[uF+, iK]}$ в позицию, делающую возможной проверку $[uK\uparrow]$ (40b).

(40) a. Upward Agree (+EPP):

$[_{YP} XP_{[uF+]} [_Y Y_{[iF, EPP]} [_{ZP} \dots \cancel{XP}_{[uF+]} \dots]]]$

b. Upward Agree (+ $[uK\uparrow]$):

$[_{YP} XP_{[uF+, iK]} [_Y Y_{[iF, uK+]} [_{ZP} \dots \cancel{XP}_{[uF+, iK]} \dots]]]$

Таким образом, анализ NC через Upward Agree требует либо допущения *ad hoc* в виде EPP, либо постулирования у отрицания признака $[uK\uparrow]$, провоцирующего передвижение NCI. Существование такого признака сомнительно: неясно, ни чем он должен быть содержательно, ни чем он проверяется в отсутствии NCI. С учетом того, что Upward Agree делает неверные предсказания и в случае глагольного согласования с аргументами [Rudnev, 2021], в дальнейшем я не рассматриваю его как опцию для анализа NC.

Для объяснения передвижения NCI достаточно небольшой модификации Agree, предложенной в [Bošković, 2007]: если зонд $[uF\downarrow]$ не может найти в с-командуемой области признак $[iF]$ (41a), чтобы «спасти» деривацию, он передвигается вверх по структуре в ближайшую позицию, из которой Agree становится возможным (41b).

(41) Agree [Bošković, 2007]

a. $*[_Y Y_{[iF]} [_{ZP} \dots XP_{[uF\downarrow]} \dots]]$

b. $^{OK}[_{YP} XP_{[uF+]} [_Y Y_{[iF]} [_{ZP} \dots \cancel{XP}_{[uF\downarrow]} \dots]]]$

В теории Ж. Бошковича не нужно ни условие активности, ни EPP – в частности, деривация в (38b) требует передвижения $XP_{[iF, (uK\downarrow)]}$ для проверки $[uK\downarrow]$. Это желаемый результат, поскольку и условие активности, и EPP, в сущности, являются чисто техническими допущениями [Там же, р. 608, 621]. Еще одно ее преимущество заключается в простом и непротиворечивом объяснении циклического *wh*-передвижения [Там же, р. 633–634]. К этому можно добавить, что и лицензирование

NCI, как будет показано в разделах 5–6, вытекает из (41) естественным образом.

Следует отметить, что большинство обсуждаемых далее примеров совместимы с более ограничительным анализом, в котором NCI лицензируются только в конфигурации спецификатор–вершина (Spec-head) [Naegeman, Zanuttini, 1991; Brown, 1999; Bošković, 2008, 2009]. Хотя такой тип согласования не может быть теоретическим примитивом в современном минимализме, он может быть определен без прямого обращения к конфигурации Spec-head. Например, в [Коорман, 2006] приводятся аргументы, что согласование между XP и Y возможно только при применении операции Merge к XP и YP¹⁹. Вкупе с запретом согласования Y с непосредственной сестрой XP такое определение сводит согласование к конфигурации Spec-head [Там же, р. 162]. В (42) проиллюстрирована одна из альтернативных формализаций согласования Spec-head. Если зонд [uF↑↓] должен как с-командовать целью, так и быть в области ее с-командования, согласование возможно только в конфигурациях вершина–комплемент и спецификатор–вершина (в теории [Abels, 2012] зондами такого типа наделяются вершины фаз).

(42) Spec-head agreement (вариант формализации)

$$[_{YP} XP_{[uF↑↓]} [_Y Y_{[IF]} [_{ZP} \dots \cancel{XP}_{[uF↑↓]} \dots]]]$$

В целом, существование зондов типа [uF↑↓] априори не менее предпочтительно, чем существование стандартных зондов типа [uF↓] – если допустить только [uF↑↓], теория получается даже более ограничительной.

Большая часть примеров, обсуждаемых ниже, совместима с анализом согласовательного признака (зонда) NCI и как [uNEG↓], и как [uNEG↑↓] (43). Эти варианты анализа делают разные предсказания в небольшой группе примеров, когда NCI порождается над отрицанием. Я обсуждаю их в разделе 6.2, где прихожу к выводу, что анализ (43а) со стандартным Agree (в модификации [Bošković, 2007]) предпочтительнее. Далее в случаях, когда выбор одного из двух анализов (43) незначим, я буду использовать обозначение [uNEG] без стрелок.

¹⁹ Определение [Коорман, 2006, р. 162] также допускает согласование между XP и Y при соединении ZP и YP, где ZP содержит XP (случай эффекта крысолова). Оно также предполагает, что признаки вершины Y проецируются вместе с вершиной (или лейблом вершины), т.е. $Y_{[F]} \rightarrow YP_{[F]}$. Насколько мне известно, это стандартное предположение, см., например, [Rezac, 2003; Béjar, Rezac, 2009]. Можно заметить, что оно принимается в этой статье независимо от (не)принятия какого-либо варианта согласования. В частности, в случае NCI признак [uNEG] вводится в деривацию вершиной $n(u)$ -, но передается всей ni -P. В противном случае, [uNEG] будет с-командовать только комплементом $n(u)$ -, т.е. wh -словом, и не сможет согласоваться ни с чем.

(43) а. Петя $[_{NegP}$ ничего $[_{UNEG+}]$ $[_{Neg}$ не $[_{NEG}]$ $[_{VP}$ сделал **ничего** $[_{UNEG+}]$].
(= (41))

б. Петя $[_{NegP}$ ничего $[_{UNEG++}]$ $[_{Neg}$ не $[_{NEG}]$ $[_{VP}$ сделал **ничего** $[_{UNEG+!}]$].
(= (42))

Итак, в этом разделе было показано, что лицензирование NCI над отрицанием можно формализовать разными способами. Представленные подходы к согласованию существуют независимо от анализа NCI и практически не отклоняются от стандартной теории Agree [Chomsky, 2000; 2001], а в чем-то даже более минималистичны. В следующем разделе подробно рассматриваются аргументы в пользу лицензирования NCI над отрицанием.

5. NCI лицензируются над отрицанием

5.1. Порядок составляющих

Вопрос (6b) о том, являются ли NCI экзистенциальными или универсальными кванторами (с узкой или широкой сферой действия соответственно), был бы легко разрешим, если бы не их известное свойство «примыкать» к отрицанию в LF. Иными словами, другие составляющие не могут иметь сферу действия между NCI и отрицанием (44).

(44) а. Никто не решил хотя бы одну задачу.
(* $\forall_{NCI} > \exists$ хотя бы $1 > \neg$)

б. Никто не решил каждую задачу. (* $\neg > \forall > \exists_{NCI}$)

Тем не менее, существует ряд примеров, позволяющих определить, что (а) NCI лицензируются над отрицанием и (б) NCI являются универсальными кванторами. В этом разделе будет показано, что порядок составляющих свидетельствует о передвижении NCI в позицию над отрицанием. В разделе 5.2 будет показано, что невозможность этого передвижения делает предложения с NCI неграмматичными. В разделе 5.3 обсуждаются примеры, в которых обнаруживается универсальная квантификация NCI.

Первый аргумент в пользу лицензирования NCI над отрицанием уже был упомянут в разделе 3.2. NCI, в отличие от NPI, допустимы в позиции субъекта (45a-b). Более того, если предположить, что NCI лицензируются под отрицанием, окажется, что узкая сфера действия в позиции субъекта отличает их не только от NPI, но и от любой другой составляющей (45c-f).

(45) а. Никто не пришел. ($\neg > \exists$ или $\forall > \neg$)

б. *Кто-либо не пришел. ($\exists > \neg$)

- (45) с. Если кто-либо не придет, позвони мне. (если $> \exists > \neg$)
 d. Кто-нибудь точно не придет. (точно $> \exists > \neg$)
 e. (Я уверен,) хотя бы один человек не придет. ($\exists$ хотя бы $1 > \neg$)
 f. Каждый студент не пришел. ($\forall > \neg$)

В отсутствии скрытого отрицания грамматичность (45a) можно объяснить реконструкцией *никто* в изначальную позицию субъекта (например, *Спец, vP*), где NCI оказывается в сфере действия отрицания, ср. [Déprez, 2017, р. 98–104]. Этот анализ, однако, сомнителен в свете того, что в других примерах (45b–f) интерпретация с узкой сферой действия субъекта (т.е. с реконструкцией) либо невозможна, либо требует маркированной интонации. С другой стороны, грамматичность и широкая сфера действия *никто* в (45a) автоматически следует из предположения о лицензировании NCI над отрицанием.

Второй аргумент в пользу этого предположения связан с порядком слов в простой клаузе. Предпочтительная линейная позиция NCI – предглагольная [Герасимова, 2015, с. 52]²⁰. В случае с NCI-объектами нейтральность порядка SOV можно рассматривать как частный случай общего свойства местоимений-объектов занимать предглагольную позицию.

Однако предпочтительность предглагольной позиции характерна для NCI в целом и особенно заметна в предложениях с несколькими NCI (46). Если бы NCI могли оставаться *in situ*, следовало бы ожидать полную грамматичность и нейтральность (46b). Обсуждение того, каким образом порядок (46b) может получаться после передвижений NCI в *Спец, NegP*, см. в [Bošković, 2008, 2009].

- (46) а. Никто никогда никому ничего не дает.
 б. [?] Никто не дает никогда никому ничего.

Еще более явно передвижение NCI в предложениях с отрицанием составляющих. В (47) представлен, по всей видимости, единственный контекст, в котором NCI лицензируются не сентенциальным отрицанием. Невозможность скремблинга в пределах составляющей [*не* [DP/NP]] позволяет увидеть порядок слов, возникающий в результате обязательных (обусловленных проверкой признаков) передвижений.

- (47) Петя купил никакой не мотоцикл, а (просто) велосипед.

²⁰ Исключение – именные группы, модифицируемые NCI, в позиции объекта (например, *никаких студентов* или *ни одного студента*). Для них нейтральна стандартная постглагольная (SVO) позиция [Герасимова, 2015, с. 52]. Это, однако, не отменяет необходимости передвижения, см. далее.

Можно предположить, что модификатор *никакой* порождается над отрицанием (48a), однако такой анализ сомнителен в свете того, что это будет единственный случай модификации составляющей типа [не [DP/NP]], ср. (49). Более предпочтительным представляется анализ с передвижением модификатора (48b). Так или иначе, NCI *никакой* допустим только в позиции над отрицанием.

- (48) a. [_{NegP} *никакой*_[UNEG] [_{Neg} *не*_[INEG] [_{DP/NP} мотоцикл]]]
 b. [_{NegP} *никакой*_[UNEG] [_{Neg} *не*_[INEG] [_{DP/NP} *никакой*_[UNEG] мотоцикл]]]
 (49) a. Пришел *никакой* не Вася, а тот самый Петя.
 b. Пришел не какой-нибудь Вася, а тот самый Петя.
 c. *Пришел какой-нибудь не Вася, а тот самый Петя.

Примеры типа (47), (49a) свидетельствуют о том, что для лицензирования NCI имеет значение достижимость именно NegP, а не какой-либо другой проекции на левой периферии, например FocP [Bošković, 2008, 2009]. В противном случае придется предположить существование фокусной проекции в структуре DP/NP.

5.2. Ограничения передвижений

Если NCI передвигаются в позицию над отрицанием для проверки неинтерпретируемого признака, невозможность этого передвижения должна приводить к неграмматичности. Так и происходит. В (50a) NCI-модификатор допустим, поскольку, предположительно, либо модифицирует всю конъюнкцию/дизъюнкцию, либо выдвигается из обоих конъюнктов передвижением Across-the-Board²¹. Во втором аргументе конъюнкции или дизъюнкции, выдвижение откуда невозможно, NCI недопустимы (50b), что отличает их от NP1 на *-либо* (50c). Это тривиально следует из того, что NCI, остающийся во втором конъюнкте/дизъюнкте, не может с-командовать отрицанием независимо от передвижений сочиненной конструкции в целом.

- (50) a. Я не нашел там никаких денег и/или драгоценностей.
 b. *Я не нашел там денег и/или никаких драгоценностей.
 c. Я не нашел там денег и/или каких-либо драгоценностей.

²¹ Конкретный анализ сочиненных конструкций непринципиален, достаточно эмпирического обобщения о том, что модификатор не может быть извлечен (только) из второго конъюнкта. Это подтверждается, например, примером (i), у которого не может быть наиболее естественной интерпретации, в которой прилагательное *зубастый* характеризует только крокодилов.

(i) #ЗУБАСТЫХ я видел там слонов и крокодилов.

В русском языке также запрещено извлечение генитивного посессора [Лютикова, 2009, с. 483–484]. Например, при его релятивизации наблюдается эффект крысолова (51).

- (51) а. [...] рассказ о женщине, дом которой смывает разлившаяся река [~~дом которой~~].
 б. *[...] рассказ о женщине, которой смывает разлившаяся река [~~дом которой~~].

Таким образом, NCI не может быть передвинут из позиции генитивного посессора в позицию, доминирующую над отрицанием. Исходя из того, что при передвижении всей именной группы с посессором NCI, оставаясь внутри проекции DP/NP, не с-командует отрицанием, можно предположить, что NCI в этой позиции должны быть неграмматичны (52).

- (52) *_{[NegP [DP/NP DP/NP [никого_[UNEG]]]_k не_[INEG] [_{XP} ... t_k ...]]}

Это предположение оправдывается (53b) (впрочем, см. (54) ниже). При этом допускается как посессивный NCI-модификатор *ничей* (53a), так и NPI в позиции генитивного посессора (53c), хотя такие предложения оцениваются ниже.

- (53) а. Я не просматривал ничьи сообщения.
 б. *Я не просматривал сообщения никого.
 с. ?Я не просматривал сообщения кого-либо.

Анализ через Upward Agree можно сделать совместимым с неграмматичностью (50b) и (53b), если предположить, что островные ограничения релевантны для Agree даже без передвижения [Zejlstra, 2008, с. 43]. Это предположение может иметь нежелательные последствия. Во-первых, ввиду грамматичности (50c) и (53c) оно с неизбежностью влечет отказ от теории лицензирования NPI через Agree, например [Chierchia, 2013]²². Во-вторых, если невозможность передвижения в (50), (53) связана с фазовыми ограничениями конъюнкции [Bošković, 2003, 2019] и DP [Adger, 2003; Bosque, Gallego, 2014; Reeve, 2019; Bondarenko, Davis, 2021] соответственно, то с неизбежностью следует вывод о релевантности

²² В разделе 2.1 я утверждаю, что для лицензирования NPI релевантны логические свойства контекста, т.е. они лицензируются семантически. Это может показаться противоречащим новому утверждению о том, что NPI могут лицензироваться через Agree. Например, теория [Chierchia, 2013] использует Agree, однако при этом проверяются признаки, связанные с доменными и шкальными альтернативами и не имеющие прямого отношения к отрицанию. Предложение может быть неграмматичным даже в случае успешной проверки признаков, если его семантика окажется противоречивой или тавтологичной. Отрицание создает необходимый для грамматичности контекст, но само по себе не участвует в проверке признаков.

фаз для Agree (*contra* [Bošković, 2003, 2007]). С другой стороны, если предположить, что неграмматичность (50), (53) следует из невозможности передвижения, сторонние теории остаются незатронутыми.

Более серьезную проблему для аргумента, основанного на данных (53), представляют два обобщения, замеченные анонимным рецензентом: во-первых, генитивные формы местоимений в целом проигрывают в приемлемости посессивным маркерам типа *чей*, *чей-то* и т.д. Во-вторых, при добавлении модифицирующей РР к генитивному посессору многие из таких конструкций становятся более приемлемыми (54). Таким образом, может существовать какое-то иное, возможно, семантическое, ограничение, делающее генитивные местоимения без модификаторов маргинальными/неграмматичными (впрочем, ср. (53с)).

(54) а. Меня не убедили аргументы { *никого / ?никого из вас }.

б. Я сейчас видел маму { *кого-то / ?кого-то из нас }.

с. Маму { *кого / ?кого из нас } ты видел?

Более того, требует объяснения сравнительная допустимость вариантов с РР-модификаторами в (54), поскольку предлагаемая теория предсказывает их неграмматичность (52). В качестве одного из вариантов анализа можно допустить распространение признаков посессора на проекцию фазы DP (55). Таким образом, с точки зрения признаков вся DP превращается в NCI, вопросительное или относительное местоимение и т.д. Анализ в таком духе предлагается в [Abels, 2012] для объяснения эффекта крысолова, который, в числе прочего, типологически устойчиво провоцируется посессорами. Впрочем, его техническая реализация в случае NCI может отличаться и требовать дополнительных допущений, и я оставляю обсуждение контрастов в (54) на будущее.

(55) [_{DP} DP_[UNEG] [никого_[UNEG] (из вас)]]

Еще один контекст, в котором грамматичность NCI снижается из-за проблематичного передвижения, не связан с островными или фазовыми ограничениями. В работах [Progovac, 1994, р. 64–70; Abels, 2005, р. 29–31] делается вывод, что область лицензирования NCI ограничена ТР/ІР. Если предположить, что NCI лицензируются в сфере действия отрицания (например, посредством Agree), это ограничение будет неожиданным с учетом того, что ТР, как правило, не считается фазой. С другой стороны, в рамках теории, предполагаемой в этой статье, «барьерность» ТР может быть объяснена без дополнительных допущений. Я ограничу обсуждение одним классом примеров, которые не рассматриваются в [Abels, 2002, 2005].

Существует наблюдение, что универсальные кванторы едва ли могут иметь сферу действия над эпистемическими модальными глаголами, известное как *epistemic containment principle* (ECP). Вопреки изначальному предположению [von Fintel, Iatridou, 2003], это не строгий запрет, и возможно построить контекст, в котором широкая сфера действия универсального квантора будет допустима, см. обсуждение в [Yanovich, 2020]. Тем не менее, интерпретация с широкой сферой действия в таких предложениях часто сомнительна (56).

(56) Петя не мог решить каждую задачу.

1. $\neg > \text{мог}_{\text{epistemic}} > \forall$:
не может быть, что Петя решил каждую задачу
2. $??\forall > \neg > \text{мог}_{\text{epistemic}}$:
каждая задача такая, что не может быть, что Петя решил ее

По всей видимости, на данный момент не существует общепринятого анализа этого явления. Я предполагаю, что маргинальность второй интерпретации в (56) связана с общим ограничением сферы действия универсальных кванторов [Beghelli, Stowell, 1997; Wurmbrand, 2018]. В соответствии с анализом [Rossyaykin, 2020] *мочь* в (56) (как и грамматализованные эпистемические модальные глаголы в целом) занимает высокую вершину Mod_{Ep} над проекцией времени TP, субъектом и объектом, в духе теорий [Cinque, 1999; Hacquard, 2006, 2010]. Таким образом, для получения второй интерпретации в (56) универсальный квантор (субъект или объект) должен передвигаться в нестандартно высокую позицию (57). Можно предположить, что составляющая в этой позиции допускает только топикальную интерпретацию [Neeleman, Vermeulen, 2012; Colley, Privoznov, 2020], однако топикализация универсальных кванторов проблематична по семантическим причинам, впрочем см. [Giannakidou, 2006, p. 348–351].

(57) $\#[_{\text{YP}} \text{каждый } X \text{ } [_{\text{NegP}} \text{не } [_{\text{ModEp}} \text{мог } [_{\text{TP}} \dots \text{каждый } X \dots]]]]^{23}$

Если предположить, что NCI – универсальные кванторы, то передвижение в YP в (57) для них должно быть также затруднено. Таким образом, мы получаем простое объяснение сразу двум наблюдениям:

- а) ECP;
- б) «барьерности» TP для лицензирования NCI.

²³ Я предполагаю, что проекция сентенциального, а точнее стандартного отрицания [Miestamo, 2005] находится между TP и AspP или непосредственно над TP. Если не появляется в другой позиции, как в (57), то это отрицание составляющих, которое в русском языке омонимично стандартному, см. обсуждение в [Rossyaykin, 2020, p. 148]. Здесь для простоты и то, и другое я рассматриваю как вершину Neg.

Вне зависимости от того, находится ли этот предварительный анализ на верном пути, на эмпирическом уровне ожидается, что в соответствии с ЕСР грамматичность NCI должна быть снижена в контекстах типа (56)–(57) при условии, что NCI (а) являются универсальными кванторами и (б) должны передвигаться в позицию над отрицанием.

Так и происходит: пример (58) грамматичен с «корневой» интерпретацией *мочь* (58a). В случае (58b) носители, как правило, либо оценивают предложение как маргинальное/неграмматичное, либо допускают его с нерелевантной «корневой» интерпретацией: ‘Очень странно... (раньше) Петя не мог решить ничего (а сейчас вдруг решил половину заданий).’ Желаемая эпистемическая интерпретация, совпадающая со второй интерпретацией (56), труднодоступна²⁴.

(58) а. Петя (как ни старался) не мог решить ничего. (root)

✓ задача > ¬ > мог_{root}

б. (Очень странно...) ??Петя не мог решить ничего. (epistemic)

1. ??✓ задача > ¬ > мог_{epistemic}

2. #✓ задача > ¬ > мог_{root}

Грамматичная и неграмматичная (в зависимости от интерпретации модального глагола) структуры примеров (58) показаны в (59), без необходимых для лицензирования передвижений. Граница области лицензирования NCI (предположительно обусловленная информационной структурой) обозначена решеткой.

(59) а. [_{TP} # Петя [_T [_{Neg} не [_V мог_{root} [_{VP} решить ничего]]]]].

б. ??Петя [_{Neg} не [_{Mod} мог_{epistemic} [_{TP} # Петя [_T [_{VP} решить ничего]]]]].

Как отмечает анонимный рецензент, предложения с NCI и отрицанием эпистемического *мочь* все же возможны (60). Предлагаемый анализ предсказывает существование таких случаев. Как мне кажется, отрицание и модальный глагол (*не мог*) в (60) можно интерпретировать как контрастивный фокус, о чем свидетельствует нестандартный порядок слов, а NCI – как топик, что облегчается определенностью и ограничением домена квантификации (*из этих задач*). Некоторые другие

²⁴ Возможна также следующая нерелевантная интерпретация (58b): ‘Не может такого быть, что Петя не решил (совсем) ничего.’ (¬ > мог > ✓ задача > ¬ > решить). Интерпретации с двойным отрицанием, появляющиеся в эмфатических/контрастивных контекстах, были замечены некоторыми исследователями ранее [Zanuttini, 1991, p. 130; Zeijlstra, 2008, p. 3; Penka, 2011, p. 53–54], но остаются практически не изученными. Как мне кажется, интерпретация (58b), (59b) с двойным отрицанием становится проминентной именно из-за затрудненности лицензирования NCI отрицанием над эпистемическим *мочь*. Так или иначе, в данной статье я вынужден проигнорировать это явление, см. релевантное обсуждение венгерского в [Puskás, 2012].

контрпримеры ЕСР, например, (61) из [Yanovich, 2020], на мой взгляд, также возникают в контекстах, способствующих топикальной интерпретации универсального квантора.

(60) Не мог Петя решить никакую из этих задач!

(61) (Given what we know after years of research,) every moment you spend with your child **could** be the one that really matters.
(‘Учитывая то, что мы знаем после многих лет исследований,’) каждый момент, который вы проводите с вашим ребенком, может быть тем моментом, который действительно важен.’

Итак, затрудненность лицензирования NCI при эпистемической интерпретации *мочь*, как я предполагаю, связана со слишком высокой позицией отрицания (59b). Теории, предполагающие, что NCI – это экзистенциальные кванторы или неопределенные местоимения, лицензуемые в сфере действия отрицания, не предсказывают ни связь контрастов в (58)–(59) с ЕСР, ни существование этих контрастов вообще, поскольку в (59b) на пути Agree нет даже границы фазы (после выдвижения объекта из vP).

Более подробное обсуждение примеров типа (58) см. в [Rosseyaykin, 2020], о разной степени грамматикализации *мочь* в зависимости от значения см. также [Холодилова, 2015].

На этом я завершаю обсуждение аргументов в пользу обязательного передвижения NCI в позицию над отрицанием, дополнительные аргументы на материале русского и сербохорватского соответственно см. в [Abels, 2002, 2005; Bošković, 2008, 2009].

5.3. Универсальная квантификация

Если NCI лицензируются над отрицанием, например, в Spec,NegP, то возможны как минимум три анализа их интерпретации:

- (62) а. $\neg > \exists$: NCI находятся в сфере действия отрицания даже после передвижения в Spec,NegP [Szabolcsi, 2018]
- б. $\neg > \exists$: NCI реконструируются из позиции Spec,NegP обратно в сферу действия отрицания [Brown, 1999]
- в. $\forall > \neg$: NCI находятся над отрицанием в LF [Abels, 2002, 2005; Giannakidou, 2006]

А. Яннакиду приводит список диагностик, в соответствии с большинством из которых славянские NCI являются универсальными кванторами, на что указывают оценки грамматичности в (63), см. также обсуждение в [Abels, 2005, p. 19–29].

(63) Диагностики NCI с универсальной квантификацией [Giannakidou, 2006, p. 351]

- a. ^{OK}Лицензируются только локальным отрицанием
- b. [?]Вводят пресуппозицию существования
- c. *Могут топикализировываться
- d. ^{OK}Могут модифицироваться *почти, абсолютно*
- e. ^{OK}Не могут связывать donkey-местоимения
- f. *Не могут использоваться в качестве именных предикатов

Проблема диагностик (63) в том, что они, во-первых, выявляют универсальную квантификацию не напрямую и, во-вторых, неоднозначны сами по себе. Например, тест, связанный с модификаций *почти*, был в дальнейшем подвергнут критике [Penka, 2011, p. 232–243], хотя см. опровержение в [Rossyaykin, 2020, p. 142–143]. Кроме того, в качестве «эталоны» используются греческие NCI, подлинный статус которых сомнителен (см. обсуждение табл. 2).

Как было сказано в начале раздела 5.1, получение прямых свидетельств универсальной квантификации затруднено свойством «примыкания» NCI к отрицанию (которое, к слову, ожидается исходя из предположения о кратчайшем передвижении NCI в позицию непосредственного доминирования над отрицанием). В работе [Shimoyama, 2011] показано, что примеры, в которых наблюдается сфера действия $\forall_{\text{NCI}} > \text{XP} > \neg$, можно построить в японском языке. В русском языке также существуют как минимум два класса примеров с интерпретацией $\forall_{\text{NCI}} > \text{XP} > \neg$. Первый из них, (64), обсуждается в [Błaszczak, 2001, p. 24; Abels, 2005, p. 24–26] на польском и русском материале соответственно.

(64) Я не взяла у тебя никакой книги_к, потому что я не знала, когда я смогу ее_к вернуть.

Клауза, вводимая *потому что*, имеет сферу действия над матричным отрицанием (*потому что* $\text{XP} > \text{не взяла}$) и при этом содержит связанное местоимение *ее*. Таким образом, NCI *никакой книги*, связывающий это местоимение, должен иметь сферу действия над матричным отрицанием (65)²⁵.

(65) [_{NegP} никакой книги_к [_{Neg} потому что ... ее_к вернуть
[_{Neg} не [_{VP} взяла ~~никакой книги~~]]]]

²⁵ Существует проблемный для этого анализа пример из английского языка, см. [Abels, 2005, footnote 22].

Второй и, видимо, наиболее показательный класс примеров – случаи так называемого обратного или нестандартного или интерклаузного отрицательного согласования (я буду использовать наиболее содержательное обозначение *reverse negative concord*, далее – RNC) [Kholodilova, 2015; Letuchiy, 2017; Garzonio, 2019]. В этих конструкциях, допустимых с небольшим множеством матричных предикатов (например, *стараться*, *решишь*, *согласиться*), NCI, находясь в матричной клаузе, лицензируется отрицанием в подчиненной клаузе (66). RNC также допустим при некоторых предикатах объектного контроля (*просить*, *советовать*), однако эти случаи, возможно, следует анализировать отдельно [Minog, 2013; Letuchiy, 2017; Лютикова, Татевосов, 2018], и в дальнейшем я буду рассматривать только RNC с субъектным контролем.

(66) Никто старался не обращать на это внимания. [Kholodilova, 2015]

Предложение (66) допускает два анализа:

- (67) а. $\forall_{NCI} > V1$ (*старался*) $> \neg > V2$ (*обращать*): каждый X старался не V2
 б. $\neg > \exists_{NCI} > V1$ (*старался*) $> V2$ (*обращать*): не существует X, который старался V2

Вариант LF (67а) выглядит предпочтительным, поскольку сфера действия отрицания в нем соответствует линейной позиции. Кроме того, можно показать, что событийная переменная, вводимая глаголом *стараться*, связывается над отрицанием (68), (69), что противоречит структуре (67б).

(68) Духом никто старался не падать, но получалось *неважно*²⁶.

(69) %Во время ночных переездов больше часа никто старался не спать²⁷.

Оба примера (68), (69) можно перефразировать, используя кванторные слова *каждый* или *все*.

(70) Каждый старался не падать духом, но получалось *неважно*.

(71) Каждый старался не спать больше часа во время ночных переездов.

По всей видимости, RNC нельзя анализировать через подъем, поскольку RNC-предикаты приписывают субъекту тета-роль (68)–(69)

²⁶ URL: <https://www.ski.ru/az/blogs/post/za-nashikh-prygunov-uzhe-mozhno-bolet/>

²⁷ URL: <https://newokrug.ru/po-transsibu-bez-sna-i-otdyiha/>

и вообще не являются типичными предикатами подъема (типа *казать-ся*), см. также аргументы против анализа с подъемом в [Letuchiy, 2017]. Насколько мне известно, удовлетворительного анализа RNC на данный момент не существует. В любом случае неясно, каким образом он может быть совместим с анализом NCI как экзистенциальных кванторов (или неопределенных местоимений) в сфере действия отрицания [Brown, 1999; Watanabe, 2004; Zeijlstra, 2004, 2008; Penka, 2011; Fălăuș, Nicolae, 2016; Szabolcsi, 2018] или как неопределенных местоимений, вводящих presupпозицию несуществования референта [Kuhn, to appear].

Итак, в этом разделе было показано, что NCI должны передвигаться в позицию над отрицанием (5.1), невозможность передвижения делает предложение неграмматичным (5.2). Следует отметить, что для лицензирования NCI имеет значение именно достижимость Spec,NegP, а не какой-то проекции над отрицанием (47), (58). Наконец, в 5.3 были приведены аргументы в пользу универсальной квантификации NCI. Обсуждение RNC будет продолжено в разделе 6.2.

6. Проблемные примеры

6.1. Другие теории

Данные раздела 5 опровергают теорию лицензирования NCI в сфере действия отрицания, что является одной из основных задач этой статьи. Существуют несколько теорий, предусматривающих передвижение NCI [Brown, 1999; Bošković, 2008, 2009; Moscati, 2010; Szabolcsi, 2018; Kuhn, to appear]. Некоторые положения из них были подвергнуты критике при обсуждении отдельных примеров – к сожалению, по соображениям объема я не могу остановиться на разборе их недостатков подробно и предлагаю читателям самостоятельно убедиться в том, что проблемные примеры существуют для каждой из них. Теории [Abels, 2002, 2005; Giannakidou, 2000, 2006] в целом совпадают с теорией, представленной в этой статье, однако не используют проверку признаков, рассматривая *ни*-местоимения как PPI и NPI соответственно.

В действительности, при отказе от проверки признаков NCI пришлось бы считать одновременно и PPI, и NPI. С одной стороны, они должны передвигаться из сферы действия отрицания (PPI), с другой – они неграмматичны в клаузах без отрицания (NPI), см. анализ в таком духе в [Moscati, 2010, p. 107–130]. Рассуждение о недостатках подобных теорий я, опять же, оставляю на стороне читателя, впрочем, см. критический обзор некоторых несинтаксических теорий в [Zeijlstra, 2004, 2008].

Как было показано в предыдущем разделе, предположения о том, что NCI (i) лицензируются обычным Agree или в конфигурации Spec-head

и (ii) привносят универсальную квантификацию, в наибольшей степени отвечают данным. Такой подход, не требуя дополнительных допущений, делает все необходимые предсказания:

а) NCI лицензируются только отрицанием (точнее, признаком [iNEG])²⁸;

б) NCI должны передвигаться в позицию над отрицанием или порождаться над ним;

с) ограничения на область лицензирования NCI совпадают со сферой действия универсальных кванторов (и не совпадают с ограничениями на область лицензирования NPI, см. раздел 2.1);

д) отрицательную морфологию NCI можно рассматривать как фонологическое выражение согласования.

В оставшейся части данного раздела будут рассмотрены примеры, проблемные для представленной в этой статье теории.

6.2. Примеры, зависящие от варианта согласования

Существуют два множества грамматичных примеров А и В, для которых варианты согласования в (43) делают противоположные предсказания. Сначала я рассмотрю примеры А, грамматичность которых ожидается в теории [Bošković, 2007] и исключается в теории, допускающей только согласование Spec-head (SHA) [Koortman, 2006], после чего перейду к примерам В, для которых делаются противоположные предсказания. В конце раздела я постараюсь показать, что анализ с модификацией Agree [Bošković, 2007] все же более перспективен, рассмотрев вариант анализа, объясняющий примеры В.

Напомню, что в теории Ж. Бошковича принимается стандартное (нисходящее) Agree с уточнением, что при отсутствии в области поиска цели с признаком [iF] (72a) зонд передвигается вверх в ближайшую позицию, доминирующую над целью (72b). В данном случае будет иметь значение, что эта теория допускает стандартное, нисходящее дистантное Agree (72c).

(72) Agree [Bošković, 2007]

а. $*[{}_Y Y_{[iF]} [{}_{ZP} \dots XP_{[uF1]} \dots]]$

б. $OK[{}_{YP} XP_{[uF+]} [{}_Y Y_{[iF]} [{}_{ZP} \dots \cancel{XP}_{[uF1]} \dots]]$

с. $OK[{}_Y Y_{[uF+]} [{}_{ZP} \dots XP_{[iF]} \dots]]$

²⁸ В русском и других языках с NC допустимо (в разной степени) также лицензирование предлогом без. Это, однако, не вынуждает постулировать у без наличие признака [iNEG]. Возможность такого лицензирования непредсказуема, ср. *Петя пришел без ничего* vs *Петя пришел без никого*, что свидетельствует против всякого композиционного анализа. Не остается ничего лучше, чем рассматривать конструкцию *без ничего* как лексическую идиосинкразию.

Помимо образования NCI, частица *ни*- также используется в сочинительной конструкции *ни...*, *ни...*, см. недавнее обсуждение в [Paperno, 2015; Tiskin, 2017a, b]. Как и NCI, эта конструкция лицензируется только отрицанием, и общий анализ этих явлений представляется необходимым. Существуют примеры, в которых сочинительное *ни* не просто имеет сферу действия над отрицанием, но и, по всей видимости, порождается над ним (73)–(74).

(73) Сидит, на свет не глядит, ни уши не ест, ни вина не пьет.
[Tiskin, 2017b, p. 135]

(74) Ни Петя не пришел, ни Маша не появилась.
[Paperno, 2015, p. 424]

Грамматичность (73)–(74) следует из стандартного Agree без каких-либо дополнительных допущений – зонд [$\text{uNEG} \downarrow$] находит в с-командуемой области цель [iNEG] (75).

(75) Ни_[$\text{uNEG} \downarrow$] Петя не_[iNEG] пришел, ни_[$\text{uNEG} \downarrow$] Маша не_[iNEG] появилась.

Второй тип примеров из множества А уже обсуждался выше – это RNC. Опять же, грамматичность предложений типа (76) предсказывается Agree.

(76) Никто_[$\text{uNEG} \downarrow$] (??очень) старался не_[iNEG] обращать на это внимания.

Недопустимость модификации матричного предиката в предложении с RNC, впрочем, остается загадкой, см. обсуждение в [Kholodilova, 2015].

Здесь возникает вопрос: если допустимо лицензирование NCI в конфигурациях типа (76), то почему RNC грамматичен не со всеми глаголами? Например, почему неграмматичны примеры из множества В – (77)–(78)?

(77) *Никто будет не спать.

(78) *Никто хотел не приходить.

Предложение (77) моноклаузально при стандартном предположении о том, что *быть* – вспомогательный глагол, т.е. вершина Asp или Т. Предложение (78) биклаузально, однако матричный предикат *хотеть* подчиняет VP, т.е. объем функциональной структуры над инфинитивом *не приходить* минимален и не должен препятствовать Agree [Герасимова, 2015, p. 53–60]. Например, отрицание над *хотеть* допускает стандартное лицензирование NCI (79).

(79) Петя [_{VP} не хочет [_{VP/VP} ничего делать]].

Неграмматичность (77)–(78) предсказывается согласованием Spec-head, поскольку NCI либо порождается над отрицанием, что делает конфигурацию SHA (в частности, проверку [uNEG↑↓]) недостижимой (80a), либо порождается в сфере действия отрицания, но не может передвинуться в падежную позицию Spec,TP или Spec,Ag₅P вследствие «заморозки» в Spec,NegP [Rizzi, 2006] (80b). Два варианта анализа предложения (77) представлены в (80), в (78) субъект *никто* явно порождается в матричной клаузе над отрицанием.

- (80) а. *_{TP} Никто_[uNEG↑↓] будет _{VP} **никто**_[uNEG↑↓] _V _{Neg} не_[INEG] _v спать]]]]].
 б. *_{TP} Никто_[uNEG↑↑] будет _{NegP} **никто**_[uNEG↑↑] _{Neg} не_[INEG] _{VP} **никто**_[uNEG↑↓] спать]]]]].

Очевидно, что правильно предсказывая неграмматичность (77)–(78), SHA вместе с этим ошибочно предсказывает неграмматичность (75)–(76).

Можно подумать, что оба подхода, таким образом, заходят в тупик. Однако неграмматичность примеров из группы В (77)–(78) можно объяснить без дополнительных допущений и приняв теорию [Bošković, 2007], в связи с чем этот подход на данном этапе представляется более перспективным. Как было замечено Данияром Касеновым (личное сообщение), (77)–(78) исключаются следующим общим запретом: NCI лицензируются отрицанием составляющих, только если порождаются в его с-командуемой области. Иными словами, NCI не может лицензироваться, если порождается за пределами отрицаемой составляющей, даже если с-командует отрицанием (81).

- (81) а. Петя купил никакой не **никакой** мотоцикл, а велосипед
 б. *Никто купил не мотоцикл, а велосипед

Как уже было замечено выше в (79), глагол *хотеть* подчиняет инфинитив с минимальной функциональной структурой – VP по предположению [Герасимова, 2015]. Проекция стандартного/сентенциального отрицания обычно локализуется намного выше – в районе TP (см. сноску 23). Таким образом, отрицание над *хотеть* может быть только отрицанием составляющих (дистрибуция которого свободна), что обозначено как NotP в (82a). Из этого следует неграмматичность (82a). С другой стороны, глаголы, допускающие RNC (*стараться*, *решить*), предположительно подчиняют инфинитивы с большей структурой, куда входит проекция стандартного отрицания NegP (82b).

- (82) а. *Никто_[uNEG↓] хотел _{NotP} # не_[INEG] _{VP/VP} мешать ему]].
 б. Никто_[uNEG↑] старался _{NegP} не_[INEG] _{AspP} _{VP} мешать ему]].

На данный момент я не могу сказать, действительно ли все RNC-предикаты подчиняют инфинитивы с NegP, а не-RNC-предикаты – без NegP, как предполагает эта теория. По крайней мере, RNC не допускается ментальными предикатами типа *хотеть*, *думать*, *рассчитывать*, которые предположительно подчиняют небольшую структуру. Кроме того, по всей видимости, существуют и другие ограничения, которые дополнительно сужают круг конфигураций, допускающих RNC. Например, как уже было показано выше в (76), по какой-то причине грамматичность RNC существенно снижается при модификации матричного предиката.

6.3. Эллиптические контексты

Последний класс потенциально проблематичных примеров в действительности, напротив, поддерживает представленную теорию. Возможность употребления NCI в эллиптических контекстах без отрицания использовалась [Watanabe, 2004, p. 565–572; Zeijlstra, 2004, p. 222–223; Zeijlstra, 2008, p. 40–42] как один из решающих контраргументов против теории [Giannakidou, 2000, 2006]. Теория А. Яннакиду (как и моя) предполагает передвижение NCI в позицию над отрицанием с последующим эллипсисом глагола и отрицания. Это, однако, нарушает условие семантического соответствия эллидируемого материала антецеденту эллипсиса (83) [Merchant, 2001a]. А. Ватанабе характеризует эту проблему не иначе как ‘dead end’ для теорий, рассматривающих NCI как семантически неотрицательные элементы [Watanabe, 2004, p. 568].

(83) Кто [_{антецедент} пришел]? – Никто [_{эллипсис} ~~не пришел~~].

А. Ватанабе, таким образом, предлагает анализировать NCI как семантически отрицательные. По мнению [Zeijlstra, 2004, p. 270–271; Zeijlstra, 2008, p. 40–42; Fălăuș, Nicolae, 2016, p. 591–593], грамматичность фрагментарных ответов свидетельствует о скрытом отрицании, лицензирующем *никто*, поскольку только так можно обеспечить идентичность антецедента эллидируемому (84). Даже если в эллипсисе присутствует *не*_[UNEG+], оно не интерпретируется, и условие семантической идентичности соблюдается. В качестве альтернативного объяснения можно также предположить расположение интерпретируемого отрицания в высокой проекции PoIP над субъектом [Gribanova, 2017]. В действительности, однако, любая из этих альтернатив проблемнее, чем предположение о возможности несовпадения антецедента и эллидируемого материала по полярности.

(84) Кто [_{антецедент} пришел]? – *Ор*_[INEG] Никто [_{эллипсис} (~~не~~_[UNEG+]) пришел].

В разделе 3 были представлены аргументы против скрытого отрицания. Предположение об ингерентной отрицательности NCI порождает множество осложнений, поскольку:

а) отрицательной семантики лишается лицензирующий показатель *не*, по крайней мере, в предложениях с NCI;

б) отрицание почему-то интерпретируется однократно в предложениях с несколькими NCI (2);

с) необходимо по-новому объяснить причины неграмматичности и лицензирующий механизм NCI.

Подходы к решению этих проблем см. в [Watanabe, 2004; Bošković, 2009], критику – в [Zejlstra, 2008, p. 47–49]. Наконец, предположение о наличии высокой проекции PolP сомнительно в свете того, что

а) субъект, как правило, интерпретируется над отрицанием, а не под ним (раздел 5.1);

б) высокая позиция отрицания, наоборот, делает NCI неграмматичными (раздел 5.2), см. также [Abels, 2002, 2005; Rossyaykin, 2020].

Таким образом, принятие предположения [Giannakidou, 2000, 2006] о возможности эллипсиса отрицания, как кажется, обходится наименьшей ценой. Более того, эллипсис отрицания, в сущности, объединяет два общепризнанных явления. Во-первых, несовпадение антецедента эллипсиса и эллидируемой части возможно, если несовпадающие признаки – неинтерпретируемые/неозначенные (85), см. также [Wurmbrand, 2014, p. 135–136; Gribanova, 2017, p. 1090]. Во-вторых, интерпретируемые признаки могут быть фонологически не выражены – *pro-drop* (86).

(85) Петя [_{антецедент} пришел_[uMasc,u3sg]], и Ксюша тоже
[_{эллипсис} пришла_[uFem,u3sg]].

(86) *pro*_[iFem,i3sg] Пришла_[uFem,u3sg].

Требуется сделать лишь небольшой шаг, допустив эллипсис интерпретируемого отрицания (83). Существуют и независимые подтверждения того, что такой эллипсис возможен. В [Jacobson, 2020] приводятся английские примеры, в которых отрицание присутствует в антецеденте, но не в эллидированной VP (это не отражается в русских интерпретациях).

(87) ³Sally thinks that a Democratic Socialist couldn't possibly be elected president, but Denise does.

‘Сэлли думает, что демократический социалист не может быть избран президентом, но Дениз думает, что может.’

[Jacobson, 2020, footnote 4]

(88) John expects **not** to pass every exam that Mary does.

‘Джон ожидает, что он не сдаст каждый экзамен, который Мэри ожидает сдать.’ [Jacobson, 2020, footnote 4]

В таком случае возникает вопрос, почему недопустимо (89b)? На мой взгляд, подобные примеры, вопреки предположению [Watanabe, 2004, p. 568], не составляют большой проблемы для теории эллипсиса отрицания. Поскольку в (89b) нет ни контекста с противопоставлением, ни фонологически выраженных неинтерпретируемых отрицательных признаков, ничто не указывает на присутствие отрицания, и оно каким образом не может быть восстановлено в интерпретации.

(89) а. Кто пришел? – Петя не пришел.

б. *Кто пришел – Петя ~~не пришел~~.

На этом можно было бы завершить обсуждение фрагментарных ответов, приняв анализ с эллипсисом [Giannakidou, 2000, 2006]. Однако я предлагаю еще более минималистичный анализ эллиптических контекстов, в котором сохраняется семантическая идентичность антецедента эллипсису.

Можно предположить, что удаление фонологического материала во фрагментарных ответах происходит в два шага: сначала происходит эллипсис, не нарушающий условие идентичности с антецедентом, после чего *не* удаляется во избежание зависания (90).

(90) Кто [_{антецедент} пришел]? – Никто ~~не~~ [_{эллипсис} ~~пришел~~].

Запрет на зависание *не* действительно следует из известных мне данных, например, из-за него (предположительно) невозможен эллипсис глагола в (91). Я предполагаю, что это морфофонический запрет, связанный с тем, что *не* является клитикой. Как показано в (92), предлоги, в отличие от *не*, могут зависеть при эллипсисе, поскольку запрет на зависание предлогов (в других случаях) имеет синтаксическую природу [Abels, 2012].

(91) а. Кто пришел? – Петя (пришел).

б. Кто пришел? – Петя не *(пришел).

(92) Книга лежит на столе, а журнал – под (столом).

Существует пример из иврита (93), подтверждающий предлагаемую теорию. Как видно, в иврите нет запрета на зависание предглагольного отрицательного показателя *lo*. Что более важно, в разговорном языке допустимо его удаление из PF, что в [Haspelmath, 1997, p. 198] связывается с сужением дистрибуции *‘af ‘ehad*, которая в современном иврите

ограничивается отрицательными контекстами [Haspelmath, 1997, p. 74]. Таким образом, отрицание «восстанавливается из контекста». Пример (93) подкрепляет «двухшаговую» теорию фрагментарных ответов, т.к. в нем наблюдаемы оба шага, постулируемые в анализе (90).

(93) иврит

Mi ba? – Af ehad (lo).

кто пришел даже один NEG

‘Кто пришел? – Никто.’ [Glinert, 1982, p. 454]

[Цит. по: Haspelmath, 1997, p. 198]

Конечно, существование (93) не является решающим аргументом, поскольку можно допустить двусмысленность *‘af ‘ehad*, предположив, что в предложениях без выраженного *lo* его нет в структуре изначально, и *‘af ‘ehad* сам по себе является отрицательным квантором (типа английского *nobody*). Можно также предположить, что в отсутствии *lo* *‘af ‘ehad* лицензируется скрытым отрицанием. Наконец, можно предположить, что в (93) возможны два разных эллипсиса: [VP] и [*lo* VP], отказываясь от отдельной операции, удаляющей *lo*.

Как бы то ни было, примеры (87)–(88) и (93) делают запрет несовпадающего по полярности эллипсиса (или отдельного удаления отрицания из PF) [Watanabe, 2004, p. 565–572; Gribanova, 2017, p. 1089–1090] более чем сомнительным, подрывая тем самым основанные на нем аргументы против (83) или (90) и против представленной теории в целом²⁹.

Следует отметить, что анализ с эллипсисом или отдельным удалением отрицания из PF возможен только с учетом предположения о передвижении NCI в позицию над отрицанием. Теории, предполагающие лицензирование NCI в сфере действия отрицания, вынуждены объяснять грамматичность фрагментарных ответов с помощью скрытого отрицания, ингеретной отрицательности NCI или реконструкции в сферу действия эллидированного отрицания. Первые две опции критиковались выше. Возможность реконструкции в область эллипсиса также сомнительна; по крайней мере, она требует возвращения к вопросу

²⁹ Запрет на несовпадающий эллипсис можно сформулировать с точки зрения признаков: эллипсис запрещен, если в антецеденте и эллидируемой части есть несовпадающие по значению интерпретируемые признаки (например, [iPolarity: Positive] и [iPolarity: Negative]) [Gribanova, 2017, p. 1090]. Далее, можно предположить вслед за [Zeijlstra, 2008, p. 3–4], что в английском (языке без NC) отрицание – семантическое, но не синтаксическое, т.е. не имеет признака [iNEG] или [iPolarity: NEG]. В таком случае, примеры (87)–(88), а возможно и (93), не будут служить аргументом против запрета в такой формулировке, ведь в них нет несовпадающих синтаксических признаков. Обоснованность и правильность предсказаний такой теории, в которой эллипсис ориентируется исключительно на соответствие синтаксических признаков, игнорируя соответствие LF, ср. [Heim, Kratzer, 1998, p. 248–257], неочевидны.

о том, почему NPI, лицензируемые в сфере действия отрицания, неграмматичны во фрагментарных ответах. Таким образом, как и было заявлено в начале этого раздела, грамматичность NCI в эллиптических контекстах на самом деле представляет собой еще одно свидетельство в пользу теории лицензирования NCI над отрицанием.

7. Заключение

Всякая теория лицензирования NCI должна отвечать на три вопроса (6):

- а) являются ли NCI семантически отрицательными?
- б) если нет, то привносят ли они экзистенциальную квантификацию в сфере действия отрицания или универсальную квантификацию над отрицанием?
- с) каков механизм лицензирования NCI?

Основной задачей этой статьи было показать, что синтаксическое лицензирование посредством стандартного нисходящего Agree – необходимо и достаточно для предсказания дистрибуции NCI. Представленная теория не требует никаких немотивированных допущений в лице скрытого отрицания [Zeijlstra, 2004, 2008; Penka, 2011; Chierchia, 2013; Fălăuș, Nicolae, 2016], дополнительных синтаксических признаков [Watanabe, 2004; Bošković, 2008], лексической неоднозначности отрицательного показателя [Bošković, 2009], *ad hoc* предположений о реконструкции [Déprez, 2017] и т.д. Анализ лицензирующего показателя не также остается предельно простым – он интерпретируем, и его сфера действия совпадает с его позицией в структуре клаузы. При всей минималистичности представленная теория объясняет (не)грамматичность NCI в широком круге примеров, некоторые из которых вовсе не учитываются другими теориями NC.

Кроме того, было показано (разделы 2 и 5.2), что сходство NCI с NPI и псевдо-NCI в языках с так называемым нестрогим NC более иллюзорно, чем может показаться. В сущности, их дистрибуция совпадает лишь в одном базовом контексте – постглагольной позиции в простой клаузе с сентенциальным отрицанием. Поскольку NCI не сводятся ни к NPI, ни к псевдо-NCI, единая теория их семантики и лицензирования не имеет смысла.

Наконец, были приведены некоторые аргументы в пользу универсальной квантификации NCI (раздел 5.3). Само по себе предположение об универсальной квантификации не является *ad hoc*, поскольку это лишь один из двух возможных вариантов квантификации NCI ($\forall$ vs $\exists$), ничем не менее предпочтительный априори. Я предполагаю, что универсальная квантификация привносится аддитивным/сочинительным элементом *и*. Теории, рассматривающие NCI как экзистенциальные

кванторы или неопределенные местоимения, должны объяснять в том числе и систематическое появление в составе NCI такого элемента (см. табл. 1). Я оставляю исследование семантики NCI на будущее.

Библиографический список / References

Герасимова, 2015 – Герасимова А.А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «ТМП–2015». Вып. 2 / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М., 2015. С. 47–61. [Gerasimova A.A. Negative pronouns licensing across an infinitival clause boundary in Russian. *Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoj konferencii "TMP-2015"*. Vol. 2. E.A. Lyutikova, A.V. Zimmerling, M.B. Konoshenko (eds.). Moscow, 2015. Pp. 47–61. (In Rus.)]

Лютикова, 2009 – Лютикова Е.А. Относительные предложения с союзным словом *который*: общая характеристика и свойства передвижения // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К.Л. Киселевой, В.А. Плунгяна, Е.В. Рахилиной, С.Г. Татевосова. М., 2009. С. 436–511. [Lyutikova E.A. Relative clauses with the complementizing word *which*: General description and properties of movement. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. K.L. Kiseleva, V.A. Plungian, E.V. Rakhilina, S.G. Tatevosov (eds.). Moscow, 2009. Pp. 436–511. (In Rus.)]

Лютикова, Татевосов, 2018 – Лютикова Е.А., Татевосов С.Г. Сфера действия в русских инфинитивных конструкциях с контролем // Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете МКР-Барселона, 2018 / Ж. Кастельви, А. Зайнульдинов, И. Гарсия, М. Руис-Соррилья (ред.). Barcelona, 2018. С. 1290–1301. [Lyutikova E.A., Tatevosov S.G. Scope in Russian infinitival control constructions. *Aktualnye problemy i perspektivy rusistiki. Materialy po itogam Mezhdunarodnoj konferencii rusistov v Barselonskom universitete MKR-Barcelona 2018*. J. Castellví, A. Zainouldinov, I. Garcia, M. Ruiz-Zorrilla (eds.). Barcelona, 2018. Pp. 1290–1301. (In Rus.)]

Крижкова, 1968 – Крижкова Е. К вопросу о так называемой двойной негации в славянских языках // *Slavia*. 1964. Вып. 37. № 1. С. 21–39. [Křížková H. On the so-called double negation in Slavic languages. *Slavia*. 1968. Vol. 37. No. 1. Pp. 21–39. (In Rus.)]

Холодилова, 2015 – Холодилова М.А. Грамматикализация русских модальных глаголов // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2015. Вып. 11. № 1. С. 369–399. [Kholodilova M. Grammaticalization of Russian modal verbs. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2015. Vol. 11. No. 1. Pp. 369–399. (In Rus.)]

Abels, 2002 – Abels K. Expletive (?) negation. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 10: The Second Ann Arbor Meeting*. J. Toman (ed.). Michigan Slavic Publications, 2002. Pp. 1–20.

Abels, 2005 – Abels K. “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory. *Journal of Slavic Linguistics*. 2005. Vol. 13. No. 1. Pp. 5–74.

Abels, 2012 – Abels K. Phases: An essay on cyclicity in syntax. Berlin/Boston, 2012.

- Adger, 2003 – Adger D. Core syntax: A minimalist approach. Oxford, 2003.
- Beghelli, Stowell, 1997 – Beghelli F., Stowell T. Distributivity and negation: The syntax of *each* and *every*. *Ways of Scope Taking*. A. Szabolcsi (ed.). Dordrecht, 1997. Pp. 71–107.
- Béjar, Rezac, 2009 – Béjar S., Rezac M. Cyclic Agree. *Linguistic Inquiry*. 2009. Vol. 40. No. 1. Pp. 35–73.
- Bjorkman, Zeijlstra, 2014 – Bjorkman B., Zeijlstra H. Upward Agree is superior. Ms., University of Toronto & Georg-August-Universität Göttingen. 2014.
- Bjorkman, Zeijlstra, 2019 – Bjorkman B., Zeijlstra H. Checking Up on (φ-)Agree. *Linguistic Inquiry*. 2019. Vol. 50. No. 3. Pp. 527–569.
- Błaszczak, 2001 – Błaszczak J. Investigation into the interaction between the indefinites and negation. Vol. 51 of *Studia grammatica*. Berlin, 2001.
- Bondarenko, Davis, 2021 – Bondarenko T., Davis C. Long-distance scrambling in Balkar and the nature of edges. *Proceedings of the 38th West Coast Conference on Formal Linguistics*. R. Soo, U.Y. Chow, S. Nederveen (eds.). Somerville, MA, 2021. Pp. 54–64.
- Bosque, Gallego, 2014 – Bosque I., Gallego A. Reconsidering subextraction: Evidence from Spanish. *Borealis*. 2014. Vol. 3. No. 2. Pp. 223–258.
- Bošković, 2003 – Bošković Ž. Agree, phases, and intervention effects. *Linguistic Analysis*. 2003. Vol. 33. Pp. 54–96.
- Bošković, 2007 – Bošković Ž. On the locality and motivation of Move and Agree: An even more minimal theory. *Linguistic Inquiry*. 2007. Vol. 38. No. 4. Pp. 589–644.
- Bošković, 2008 – Bošković Ž. On two types of negative constituents and negative concord. *Proceedings of FDSL 6.5*. Frankfurt am Main, 2008. Pp. 9–35.
- Bošković, 2009 – Bošković Ž. Licensing negative constituents and negative concord. *NELS 38: Proceedings of the 38th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. A. Schardl, M. Walkow, M. Abdurrahman (eds.). Amherst, MA, 2009. Vol. 38. Pp. 125–139.
- Bošković, 2019 – Bošković Ž. On the coordinate structure constraint and labeling. *Proceedings of the 36th West Coast Conference on Formal Linguistics*. R. Stockwell, M. O'Leary, Z. Xu, Z.L. Zhou (eds.). Somerville, MA, 2019. Pp. 71–80.
- Brown, 1999 – Brown S. The syntax of negation in Russian: A minimalist approach. Stanford, 1999.
- Chierchia, 2013 – Chierchia G. Logic in grammar: Polarity, free choice, and intervention. Vol. 2 of *Oxford Studies in Semantics and Pragmatics*. Oxford, 2013.
- Chomsky, 1995 – Chomsky N. Categories and transformations. *The Minimalist Program*. Cambridge, Mass., 1995. Pp. 219–394.
- Chomsky, 2000 – Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by step: Essays on minimalism in honor of Howard Lasnik*. R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). Cambridge, Mass., 2000. Pp. 89–155.
- Chomsky, 2001 – Chomsky N. Derivation by phase. *Ken Hale: A life in language*. M. Kenstowicz (ed.). Cambridge, Mass., 2001. Pp. 1–52.
- Cinque, 1999 – Cinque G. Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective. New York, 1999.
- Colley, Privoznov, 2020 – Colley J., Privoznov D. On the topic of subjects: Composite probes in Khanty. *NELS 50: Proceedings of the Fiftieth Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. M. Asatryan, Y. Song, A. Whitmal (eds.). Amherst, MA, 2020. Pp. 111–124.

De Swart, Sag, 2002 – De Swart H., Sag I. Negative concord in Romance. *Linguistics and Philosophy*. 2002. Vol. 25. No. 4. Pp. 373–417.

Déprez, 2017 – Déprez V. What is strict negative concord?: Lessons from French based Creoles. *Negation and Contact. With special focus on Singapore English*. D. Ziegeler, Z. Bao (eds.). John Benjamins Publishing Company, 2017. Pp. 81–114.

Dočekal, 2020 – Dočekal M. N-words and NPIs: Between syntax, semantics, and experiments. *Advances in formal Slavic linguistics 2017*. F. Marušič, P. Mišmaš, R. Žaucer (eds.). Berlin, 2020. Pp. 15–49.

Fălăuş, Nicolae, 2016 – Fălăuş A., Nicolae A. Fragment answers and double negation in strict negative concord languages. *SALT 26: Proceedings from the 26th Conference on Semantics and Linguistic Theory*. M. Moroney, C.-R. Little, J. Collard, D. Burgdorf (eds.). Washington, DC, 2016. Pp. 584–600.

Fauconnier, 1975 – Fauconnier G. Polarity and the scale principle. *Papers from the Eleventh Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. R. Grossman, L.J. San, T. Vance (eds.). 1975. Pp. 188–199.

Garzonio, 2019 – Garzonio J. Negative concord in Russian: An overview. *Studi di linguistica slava: Nuove prospettive e metodologie di ricerca*. I. Krapova, S. Nistratova, L. Ruvoletto (eds.). Venezia, 2019. Pp. 175–190.

Gajewski, 2005 – Gajewski J. Neg-Raising: Polarity and presupposition. PhD dis. MIT. 2005.

Gajewski, 2011 – Gajewski J. Licensing strong NPIs. *Natural Language Semantics*. 2011. Vol. 19. No. 2. Pp. 109–148.

Giannakidou, 1997 – Giannakidou A. *The Landscape of Polarity Items*. PhD dis. Groningen University, 1997.

Giannakidou, 2000 – Giannakidou A. Negative... Concord? *Natural Language and Linguistic Theory*. 2000. Vol. 18. No. 3. Pp. 457–523.

Giannakidou, 2006 – Giannakidou A. N-words and negative concord. *The Blackwell Companion to Syntax*. M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). Vol. 3. Malden, MA, 2006. Pp. 327–391.

Giannakidou, 2018 – Giannakidou A. A critical assessment of exhaustivity for Negative Polarity Items: The view from Greek, Korean, Mandarin, and English. *Acta Linguistica Academica*. 2018. Vol. 65. No. 4. Pp. 503–545.

Giannakidou, Zeijlstra, 2017 – Giannakidou A., Zeijlstra H.F. The landscape of negative dependencies. *The Wiley Blackwell Companion to syntax*. 2nd ed. M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). John Wiley & Sons, Inc, 2017. Pp. 1–38.

Glinert, 1982 – Glinert L. Negative and non-assertive in contemporary Hebrew. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1982. Vol. 45. No. 3. Pp 434–470.

Greco, 2020 – Greco M. On the syntax of surprise negation sentences: A case study on expletive negation. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2020. Vol. 38. No. 3. Pp. 775–825.

Gribanova, 2017 – Gribanova V. Head movement and ellipsis in the expression of Russian polarity focus. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2017. Vol. 35. No. 4. Pp. 1079–1121.

Hacquard, 2006 – Hacquard V. Aspects of Modality. PhD dis. MIT. 2006.

Hacquard, 2010 – Hacquard V. On the event relativity of modal auxiliaries. *Natural Language Semantics*. 2010. Vol. 18. No. 1. Pp. 79–114.

Haegeman, Zanuttini, 1991 – Haegeman L., Zanuttini R. Negative heads and the Neg criterion. *The Linguistic Review*. 1991. Vol. 8. No. 2-4. Pp. 233–252.

- Haspelmath, 1997 – Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford, 1997.
- Heim, Kratzer, 1998 – Heim I., Kratzer A. Semantics in generative grammar. Oxford, 1998.
- Herburger, 2001 – Herburger E. The negative concord puzzle revisited. *Natural Language Semantics*. 2001. Vol. 9. No. 3. Pp. 289–333.
- Jacobson, 2020 – Jacobson P. Neg Raising and ellipsis (and related issues) revisited. *Natural Language Semantics*. 2020. Vol. 28. No. 2. Pp. 111–140.
- Kholodilova, 2015 – Kholodilova M. Inter-clausal negative concord in Russian. Poster presented at *The Pragmatics of Grammar: Negation and Polarity*. Caen, 19–20 May, 2015.
- Koopman, 2006 – Koopman H. Agreement configurations: In defense of “Spec head”. *Agreement Systems*. C. Boeckx (ed.). John Benjamins Publishing Company, 2006. Pp. 155–199.
- Kuhn, to appear – Kuhn J. The dynamics of negative concord. *Linguistics and Philosophy*. To appear.
- Ladusaw, 1979 – Ladusaw W. Polarity sensitivity as inherent scope relations. PhD dis. University of Texas at Austin. 1979.
- Laka, 1990 – Laka I. Negation in syntax: On the nature of functional categories and projections. PhD dis. MIT. 1990.
- Laka, 1994 – Laka I. On the syntax of negation. New York; London, 1994.
- Lakoff, 1969 – Lakoff R. Syntactic argument for negative transportation. *Papers from the 5th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. R.I. Binnick, A. Davison, G.M. Green, J.L. Morgan (eds.). Chicago, 1969. Pp. 140–147.
- Lasnik, 1999 – Lasnik H. Chains of arguments. *Working minimalism*. S.D. Epstein, N. Hornstein (eds.). Cambridge, Mass., 1999. Pp. 189–215.
- Letuchiy, 2017 – Letuchiy A. Non-standard negative concord in Russian. Talk presented at *Formal Approaches to Russian Linguistics*. Moscow, 29–31 March, 2017.
- Lucas, 2013 – Lucas C. Negation in the history of Arabic and Afro-Asiatic. *The History of Negation in the Languages of Europe and the Mediterranean*. Vol. 1: Case Studies. D. Willis, C. Lucas, A. Breitbarth (eds.). Oxford, 2013. Pp. 399–452.
- Merchant, 2001a – Merchant J. The syntax of silence: Sluicing, islands and the theory of ellipsis. Oxford, 2001.
- Merchant, 2001b – Merchant J. Why no(t). Ms. 2001.
- Miestamo, 2005 – Miestamo M. Standard negation: The negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. Vol. 31 of *Empirical Approaches to Language Typology*. Berlin, 2005.
- Minor, 2013 – Minor S. Controlling the hidden restrictor: A puzzle with control in Russian. *NELS 42: Proceedings of the 42nd Meeting of the North East Linguistic Society*. S. Keine, S. Sloggett (eds.). Oxford, 2013.
- Moscatti, 2006 – Moscatti V. The scope of negation. PhD dis. Università degli Studi di Siena. 2006.
- Moscatti, 2010 – Moscatti V. Negation raising: Logical form and linguistic variation. Newcastle upon Tyne, 2010.
- Nakajima, 2020 – Nakajima Y. Lexical ambiguity & n-words: A perspective from a set theory. *ConSOLE XXVIII: Proceedings of the 28th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe*. A. Van Alem, M. De Sisto, E.J. Kerr, J. Wall (eds.). Leiden, 2020. Pp. 175–185.
- Nathan, 1999 – Nathan L. Either: Negative polarity meets focus sensitivity. Ms. Brown University. 1999.

Neeleman, Vermeulen, 2012 – The syntax of topic, focus, and contrast: An interface-based approach. A. Neeleman, R. Vermeulen (eds.). Vol. 113 of *Studies in Generative Grammar*. Berlin/Boston, 2012.

Paperno, 2015 – Paperno D. An Alternative semantics for negative conjunction in Russian. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 23: The First Berkeley Meeting*. M. Szajbel-Keck, R. Burns, D. Kavitskaya (eds.). Ann Arbor, 2015. Pp. 418–435.

Partee, 2005 – Partee B. Quantification and Interactions with negation. Lecture 8 of *Current Issues in Formal Semantics*, MSU, Moscow, April 2005.

Penka, 2011 – Penka D. *Negative Indefinites*. New York, 2011.

Pesetsky, Torrego, 2007 – Pesetsky D., Torrego E. The syntax of valuation and the interpretability of features. *Phrasal and Clausal Architecture: Syntactic derivation and interpretation*. S. Karimi, V. Samiian, W.K. Wilkins (eds.). John Benjamins Publishing Company, 2007. Pp. 262–294.

Progovac, 1994 – Progovac L. Positive and negative polarity: A Binding approach. Vol. 68 of *Cambridge Studies in Linguistics*. Cambridge University Press, 1994.

Puskás, 2012 – Puskás G. Licensing double negation in NC and non-NC languages. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2012. Vol. 30. No. 2. Pp. 611–649.

Reeve, 2019 – Reeve M. An agreement-based analysis of extraction from nominals. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2019. Vol. 37. No. 1. Pp. 263–314.

Rezac, 2003 – Rezac M. The fine structure of cyclic agree. *Syntax*. 2003. Vol. 6. No. 2. Pp. 156–182.

Rizzi, 2006 – Rizzi L. On the form of chains: Criterial positions and ECP effects. *WH-Movement: Moving On*. L. Cheng, N. Corver (eds.). Cambridge, MA, 2006. Pp. 97–134.

Romoli, 2013 – Romoli J. A scalar implicature-based approach to Neg-raising. *Linguistics and Philosophy*. 2013. Vol. 36. No. 4. Pp. 291–353.

Rossyaykin, 2020 – Rossyaykin P. Existential modals and negation in Russian: Evidence for universal functional hierarchy. *ConSOLE XXVIII: Proceedings of the 28th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe*. A. Van Alem, M. De Sisto, E.J. Kerr, J. Wall (eds.). Leiden, 2020. Pp. 136–155.

Shimoyama, 2011 – Shimoyama J. Japanese indeterminate negative polarity items and their scope. *Journal of Semantics*. 2011. Vol. 28. No. 4. Pp. 413–450.

Svenonius, 2002 – Svenonius P. Strains of negation in Norwegian. *Working Papers in Scandinavian Syntax*. 2002. Vol. 69. Pp. 121–146.

Szabolcsi, 2018 – Szabolcsi A. Strict and non-strict negative concord in Hungarian: A unified analysis. *Boundaries Crossed, at the Interfaces of Morphosyntax, Phonology, Pragmatics and Semantics*. H. Bartos, M. den Dikken, Z. Bánréti, T. Váradí (eds.). Springer, 2018. Pp. 227–242.

Tiskin, 2017a – Tiskin D. Expletive-free, concord-free semantics for Russian *ni*-words. *Proceedings of the 21st Amsterdam Colloquium*. A. Cremers, T. van Gessel, F. Roelofsen (eds.). Amsterdam, 2017. Pp. 484–491.

Tiskin, 2017b – Tiskin D. *Ni*: Negative concord μ in Russian. *Rhema*. 2017. No. 4. Pp. 123–137.

Titov, 2012 – Titov E. Encoding focus and contrast in Russian. *The Syntax of Topic, Focus, and Contrast: An Interface-based Approach*. A. Neeleman, R. Vermeulen (eds.). Berlin; Boston, 2012. Pp. 119–156.

van der Auwera, Van Alsenoy, 2016 – van der Auwera J., Van Alsenoy L. On the typology of negative concord. *Studies in Language*. 2016. Vol. 40. No. 3. Pp. 473–512.

Vikner, 2001 – Vikner S. Verb movement variation in Germanic and optimality theory. PhD dis. University of Tübingen. 2001.

von Fintel, Iatridou, 2003 – von Fintel K., Iatridou S. Epistemic containment. *Linguistic Inquiry*. 2003. Vol. 34. No. 2. Pp. 173–198.

Watanabe, 2004 – Watanabe A. The genesis of negative concord: Syntax and morphology of negative doubling. *Linguistic Inquiry*. 2004. Vol. 35. No. 4. Pp. 559–612.

Wurmbrand, 2014 – Wurmbrand S. The merge condition: A syntactic approach to selection. *Minimalism and Beyond: Radicalizing the interfaces*. P. Kosta, L. Schürcks, S. Franks, T. Radev-Bork (eds.). Amsterdam, 2014. Pp. 130–166.

Wurmbrand, 2018 – Wurmbrand S. The cost of raising quantifiers. *Glossa: A Journal of General Linguistics*. 2018. Vol. 3. No. 1:19. Pp. 1–40.

Yanovich, 2020 – Yanovich I. Epistemic modality. *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier et al. (eds.). John Wiley & Sons, Inc, 2020. Pp. 1–30.

Yoon, 2011 – Yoon S. ‘Not’ in the mood: The syntax, semantics, and pragmatics of evaluative negation. PhD dis. University of Chicago. 2011.

Zanuttini, 1989 – Zanuttini R. Two strategies for negation: Evidence from Romance. *Proceedings of ESCOL V*. J. Powers, K. de Jong (eds.). Columbus, OH, 1989. Pp. 535–546.

Zanuttini, 1991 – Zanuttini R. Syntactic properties of sentential negation. A comparative study of Romance languages. PhD dis. University of Pennsylvania. 1991.

Zeijlstra, 2004 – Zeijlstra H. Sentential negation and negative concord. Utrecht, 2004.

Zeijlstra, 2008 – Zeijlstra H. Negative concord is syntactic agreement. Ms., Amsterdam. 2008.

Zeldes, 2013 – Zeldes A. Is modern hebrew standard average European? The view from European. *Linguistic Typology*. 2013. Vol. 17. No. 3. Pp. 439–470.

Zwarts, 1993 – Zwarts F. Three types of polarity. Ms., Rijksuniversiteit Groningen. 1993. (Also appeared in: Plurality and quantification. F. Hamm, E.W. Hinrichs (eds.). Dordrecht, 1998. Pp. 177–238.)

Zwarts, 1995 – Zwarts F. Nonveridical contexts. *Linguistic Analysis*. 1995. Vol. 25. Pp. 286–312.

Статья поступила в редакцию 03.04.2021

The article was received on 03.04.2021

Об авторе / About the author

Россяйкин Петр Олегович – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Petr O. Rosseyaykin – graduate student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7235-724X>

E-mail: petrossyaykin@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-119-140

Ю.А. Гущина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Лексический минимум для будущих преподавателей английского языка: опыт создания

Статья посвящена опыту создания лексического минимума профессионального общения для будущих учителей и преподавателей английского языка. На основе сравнительного анализа авторитетных зарубежных и отечественных глоссариев и справочников, посвященных терминам методики преподавания иностранных языков (Cambridge University Press, British Council, NILE и др.), а также учебников и учебных пособий, посвященных функциональной разновидности английского языка, используемой его преподавателями для проведения занятий, была выработана система принципов (статистических, лингвистических и методических), которая легла в основу отбора профессионально-ориентированной лексики. В результате многоступенчатой процедуры ее отбора автор создал двухчастный лексический минимум профессионального общения для студентов лингводидактических специальностей. Первая часть минимума содержит наиболее актуальные и частотные термины, аббревиатуры и понятия из сферы преподавания английского языка. Вторая часть минимума базируется на типичных коммуникативных задачах, стоящих перед преподавателями, и содержит ключевые фразы, присущие классному обиходу. Что касается организации полученного материала, помимо традиционного алфавитного способа представления данных, отобранные профессионально-ориентированные лексические единицы были сгруппированы по соответствующим

© Гущина Ю.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

тематическим блокам. Таким образом, разработанный лексический минимум позволяет решить вопрос, связанный с определением содержания обучения будущих преподавателей английского языка.

Ключевые слова: лексический минимум, отбор профессионально-ориентированной лексики, профессионально-ориентированная лексическая компетенция, профессионально-коммуникативная компетенция, профессиональная подготовка преподавателей иностранного языка, преподавание английского языка

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гущина Ю.А. Лексический минимум для будущих преподавателей английского языка: опыт создания // Рема. Rhema. 2021. № 4. С. 119–140. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-119-140

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-119-140

Yu. Gushchina

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Selecting professionally-oriented vocabulary for pre-service English language teachers: The essential ELT word list

This study examines the process of selection professionally-oriented vocabulary for pre-service English language teachers. Some methodological solutions concerning the word list compilation including such aspects as underlying principles, materials and methods are discussed. The article aims to provide a broader view on the professionally-oriented vocabulary list, encompassing its primary goal, namely, the communicative one. A detailed comparison of several authoritative ELT glossaries (Cambridge University Press, British Council, NILE etc.) and thorough analysis of course books devoted to the notion of classroom English made it possible to single out the most frequent and topical vocabulary units in the relevant field. Thus, a two-part vocabulary list for pre-service English language teachers was introduced. The first part contains key ELT terms, abbreviations and ELT-related notions, whereas the second part of the list focuses on typical phrases

that are used in situations that occur in the language classroom on a daily basis. Apart from the alphabetical order, vocabulary units are arranged thematically, according to their communicative purpose.

Key words: target vocabulary selection, EFL terms, professional lexical competence, professional communicative competence, pre-service language teachers' training

FOR CITATION: Gushchina Yu. Selecting professionally-oriented vocabulary for pre-service English language teachers: The essential ELT word list. *Rhema*. 2021. No. 4. Pp. 119–140. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-119-140

1. Введение

Внедрение новых профессиональных стандартов (особенно вузовских), модернизация основополагающих документов в сфере изучения иностранных языков (CEFR Companion Volume 2018¹, 2020²) и обновление самих терминов, относящихся к методике преподавания иностранного языка, выдвигают на передний план вопросы, связанные с обучением будущих языковых педагогов профессионально-ориентированной лексики. Так, если обратиться к ФГОС ВО по направлению подготовки «Лингвистика», квалификация «Бакалавр», то можно констатировать, что среди профессиональных компетенций присутствует и те, которые напрямую связаны с профессионально-ориентированной лексикой (например, ПК-23³) где выпускники среди прочего должны уметь использовать понятийный аппарат лингводидактики для решения профессиональных задач.

Кроме того, традиционно число лексических единиц, подлежащих усвоению, регламентировано в лексических минимумах и программах по иностранным языкам. При этом, если лексический минимум для студентов технических вузов содержит около 3000 единиц, аналогичный минимум для представителей языковых вузов насчитывает около 7000 лексических единиц [Фалькович, 1972]. Более того, существует примерная программа по иностранным языкам для неязыковых вузов, но до сих пор отсутствует такая же программа для языковых вузов и лингвистических факультетов [Соловова, 2013]. В этой связи создание лексического минимума для представителей лингводидактических специальностей становится весьма актуальным.

¹ URL: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989>

² URL: <https://rm.coe.int/common-european-framework-of-reference-for-languages-learning-teaching/16809ea0d4>

³ URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/450302_Lingvistika.pdf

2. Теоретическая база исследования

2.1. Лексический минимум профессионального общения.

Что касается термина «лексический минимум», на наш взгляд, наиболее оптимальное определение можно найти в «Словаре методических терминов», где под лексическим минимумом понимается следующее: «лексические единицы, которые должны быть усвоены учащимися за определенный промежуток учебного времени. Количественный и качественный состав ЛМ зависит от целей обучения, от этапа обучения и количества учебных часов, отводимых для изучения языка» [Словарь методических терминов, 2009, с. 133].

В то же время, в современной методике можно встретить разные виды лексических минимумов, например, лексический минимум для общения на повседневные темы, однако нас интересуют «лексический минимум профессионального общения» и «терминологический минимум». Несмотря на то, что оба минимума имеют непосредственное отношение к языку специальности, в данном случае мы согласны с О.А. Ильиной, которая говорит о том, что если терминологический минимум призван описать понятийный аппарат определенной науки, то лексический минимум профессионального общения следует понимать как каталог лексических единиц, наиболее востребованных в сфере профессиональной коммуникации, который должен охватывать не только терминологическое поле языка специальности, но и выявлять всю наиболее востребованную в данной сфере лексику; при этом подчеркивается, что в основном это лексика из сферы учебно-профессионального дискурса [Ильина, 2013, с. 3], что полностью соответствует целям и задачам нашего исследования. Несмотря на то, что ядро первой части нашего лексического минимума составляют термины, принимая во внимание его вторую часть, мы все же отнесем его к «лексическому минимуму профессионального общения», т.к. он содержит не только термины, но и наиболее актуальные лексические единицы, необходимые для овладения языком специальности.

Попутно отметим, что под лексической единицей отбора вслед за Р.К. Миньяр-Белоручевым мы будем понимать «устойчивый и воспроизводимый элемент любого уровня языка, подлежащий инвентаризации в учебных целях» [Миньяр-Белоручев, 1990, с. 106] и который может быть выражен в следующем виде: однозначные слова; лексико-семантические варианты; сочетания двух и более слов; словосочетания-наименования организаций; прагмони-мы-реалии; аббревиатуры; предложения.

Как мы видим, отбору подлежат устойчивые единицы, которые могут быть воспроизведены в речи, т.е. отбор не ограничивается только словом или словосочетанием, но также включает и целые предложения. Так, Т.Д. Фомина подчеркивает, что в данном случае «к уровню предложения относятся готовые фразы – разговорные реплики: реплики-реакции и реплики-побуждения, а также ситуационные клише. Они вводятся и заучиваются в готовом виде в конкретной ситуации общения» [Фомина, 2010, с. 66].

Подчеркнем, что в нашем случае это не любые предложения, а готовые фразы с легко идентифицируемым прагматическим значением: реплики-клише, ситуационные стандарты, т.е. структуры, которые чаще всего употребляются в готовом виде. Так, коллектив чешских ученых называет их узуальные готовые и полуготовые предложения [Пурм, Елинек, 2003, с. 79].

Таким образом, в наш лексический минимум войдут не только термины, относящиеся к методике преподавания английского языка, но и фразы, присущие классному обиходу, аббревиатуры, наименования организаций и объектов, непосредственно имеющих отношение к указанной сфере.

Мы ведем речь не просто о лексическом минимуме, а о лексическом минимуме профессионального общения, поэтому подчеркнем, что он должен включать наиболее профессионально-релевантные лексические единицы, которые при их минимальном количестве призваны обеспечить максимально эффективный процесс профессиональной коммуникации на иностранном языке, а также базироваться на основе требований, предъявляемых к содержанию, целям и этапу обучения иностранному языку в языковом вузе/факультете, наряду с учетом специфики специальности обучающихся – в нашем случае, будущих преподавателей английского языка.

Что касается адресатов нашего минимума, обучение лексическому аспекту в языковом вузе/факультете в качестве первостепенной цели постулирует владение обучающимися лексикой на уровне, близком к носителю языка. На основании этого А.Н. Щукин выделяет следующие задачи для ее достижения:

- 1) расширение активного продуктивного словаря учащихся при помощи:
 - усвоения новых слов при работе с текстами (в т.ч. аудио и видео) разного уровня сложности;
 - перемещения рецептивно усвоенных лексических единиц в продуктивный словарь;

- 2) овладение новой терминологией в зависимости от коммуникативных интересов студентов;
- 3) расширение рецептивного словаря за счет работы с разными типами лексики для понимания разных жанров речи;
- 4) улучшение навыков языковой догадки;
- 5) углубленный анализ лексико-семантических групп уже известной студентам лексики для ее исправления;
- 6) развитие умений, связанных с будущей профессиональной деятельностью (анализ лексического материала, нахождение, коррекция и объяснение ошибок), а также умений профессиональной речи [Щукин, 2014, с. 71–72].

Для нас наиболее важны второй и шестой пункты, т.к. они непосредственно связаны с профессионально-ориентированной лексикой и будущей профессиональной деятельностью нашей целевой аудитории.

2.2. Принципы отбора профессионально-ориентированной лексики

Для решения поставленной задачи необходимо определиться с тремя основополагающими моментами: 1) принципами отбора лексических единиц; 2) источниками лексических единиц; 3) процедурой отбора данных лексических единиц.

Под принципами отбора лексических единиц мы будем понимать «измерительные признаки и показатели, на основе которых производится оценка лексики» [Гальскова, Гез, 2015, с. 318].

Традиционно в методике преподавания иностранных языков выделяют три группы принципов отбора лексики: статистические, методические и лингвистические.

Первая группа – статистические принципы. Как понятно из самого названия, опираются на статистические признаки и показатели и включают в себя принципы частотности и распространенности, которые из-за некоторых недостатков иногда предлагают заменять комплексным показателем – употребительностью [Щукин, 2014, с. 73]. Мы полагаем, что принцип употребительности в значительной степени ограничил бы наполнение минимума по профессионально-ориентированной лексике в силу очевидных особенностей последней.

Применение статистических принципов применительно к нашему исследованию является трудновыполнимой задачей ввиду определенных ограничений. Во-первых, для реализации корпусно-ориентированного подхода к отбору лексики нам необходим референтный корпус по специальности, который одновременно будет иметь отношение к сфере преподавания английского языка в широком смысле

и охватывать педагогический дискурс в частности. В настоящий момент мы можем констатировать, что такого корпуса не существует. Предвосхищая возражения, что можно создать такой корпус самостоятельно, отметим, что в таком случае текстовый массив должен быть многосторонним и изобиловать профессионально-ориентированной лексикой по указанной тематике. Создание такого корпуса только на основе многочисленных статей по методике преподавания английского будет не совсем полным и правильным, т.к. нас интересуют не только термины методики, но и фразы, используемые преподавателями для проведения занятий. Кроме того, наполнение корпуса (например, при выборе тех или иных статей) будет априори субъективным процессом, что значительно снизит степень достоверности результатов.

Наконец, В.Г. Костомаров, рассуждая о критериях отбора лексики, а именно, относительно принципа частотности, отмечает, что данный принцип «не может быть использован в качестве единого критерия отбора лексики, подлежащей освоению, в первую очередь именно потому, что он часто вступает в противоречие с другими важными принципами, прежде всего, с принципом тематической важности, семантической ценности каждого данного слова в зависимости от конкретных условий и целей обучения» [Костомаров, 1963, с. 43]. Помимо этого, результаты корпусно-ориентированных исследований, проведенных за последнее десятилетие, демонстрируют, что рекомендуемая длина лексических минимумов сильно варьируется, а полученные на основе частотных данных списки не всегда полно отражают предметную область [Власова, Карпова, 2019]. Наконец, частотные списки слов не всегда являются единой системой, т.к. между отдельными словами или группами слов могут образовываться логические разрывы – не все слова в рамках одной лексической группы имеют одинаковую частотность [Фомина, 2010].

Обозначенная проблема не нова, поэтому иногда при составлении минимумов руководствуются принципом симптоматической статистики или, проще говоря, личными представлениями об употребительности слова. Такой принцип был использован при составлении «Системы лексических минимумов современного русского языка», ввиду «отсутствия всеобъемлющего статистического обследования современной лексики» [Богачева, 2003, с. 6].

Заслуживающим внимания нам представляется принцип наличности или необходимости, предложенный профессором М. Уэстом при составлении лексических минимумов, который сводится к отбору таких лексических единиц, которые не являются частотными, но их знание полезно для практического использования [West, 1953]. Учитывая, что мы ведем

речь о лексике, которую будущие преподаватели не просто должны знать, но и уметь ее использовать, т.е. продуктивной лексике, мы вполне принимаем данный принцип.

Тем не менее, несмотря на перечисленные сложности, мы не можем полностью исключить статистические принципы из нашего исследования. Несмотря на то, что у нас нет возможности прибегнуть к готовому корпусу по специальности, мы воспользовались альтернативным вариантом, о котором будет сказано подробно при описании процедуры отбора лексики.

Вторая группа – лингвистические принципы, сформулированные И.В. Рахмановым. Среди этих принципов он выделяет: 1) принцип сочетаемости; 2) стилистической неограниченности; 3) семантической ценности; 4) словообразовательной ценности; 5) многозначности слова; 6) строевой способности; 7) частотности (позднее был включен в число статистических принципов) [Рахманов, 1967].

Здесь еще раз отметим, что приведенные принципы направлены на создание лексических минимумов для общения на повседневные темы, в то время как нашей задачей является создание лексического минимума профессионального общения. Соответственно, большинство из перечисленных лингвистических принципов будет противоречить принципам, выбранным нами ранее. Так, например, с учетом того, что часть нашего минимума составляют термины, это автоматически исключает принципы многозначности и стилистической неограниченности слова. Мы также поступимся принципом сочетаемости слов с учетом специфики нашего минимума и откажемся от принципа словообразовательной ценности, т.к., по нашему мнению, студенты языковых вузов в силу своей лингвистической подготовки могут самостоятельно оценить способность слова образовывать производные единицы.

Тем не менее, из оставшихся лингвистических принципов мы остановимся на принципе семантической ценности, но с некоторой оговоркой (в обычных минимумах он отвечает за понятия и явления, представляющих наибольший интерес для изучающих язык), а в нашем случае, он, во-первых, может быть реализован с позиции минимизации числа лексических единиц (или отбора наиболее ценных, в т.ч. функционально), а во-вторых, реализовываться с позиции профессиональной направленности лексического материала. В этом случае, речь как раз будет идти о профессионально-ориентированных лексических единицах.

Наконец, третья группа – методические принципы. Они помогают отобрать лексику в зависимости от цели, этапа обучения, сферы и темы общения. В последнем обычно руководствуются двумя критериями:

а) соответствие слова теме общения;

б) включение в тематический список тех лексических единиц, которые отражают наиболее важные понятия в пределах изучаемой темы, при этом учитывается их продуктивный или рецептивный характер. При этом А.Н. Щукин подчеркивает, что основными критериями отбора лексики на данном этапе являются распространенность слова и его коммуникативная ценность [Щукин, 2014].

Что касается второй части нашего минимума, параллельной задачей исследования стала процедура отбора типичных фраз, присущих классному обиходу или, точнее говоря, функциональной разновидности английского языка, используемой его учителями и преподавателями для проведения занятий, которая также известна в зарубежном методическом терминологическом поле под названием *teacher talk*.

Важнейшей целью при обучении иностранному языку является развитие профессионально-коммуникативной компетенции, которую А.А. Корнев определяет как «часть коммуникативной компетенции, совокупность знаний, навыков и умений, позволяющую осуществлять общение на определенном языке или нескольких языках в рамках определенной профессии и обеспечивающую решение характерных для данной сферы деятельности профессиональных задач» [Корнев, 2017, с. 89]. Иными словами, изначально необходимо выявить ключевые коммуникативные потребности студентов применительно к их специальности. Для этого необходимо определить типичные ситуации профессионального общения и выделить соответствующие им коммуникативные задачи. В связи с этим вторая часть нашего минимума создавалась на базе основных коммуникативных задач и обусловленных ими микрозадач, продиктованных с позиций профессиональных интересов и потребностей обучающихся.

Данный опыт был успешно применен коллективом польских ученых при создании лексического минимума и его функциональной организации на основе коммуникативных задач. По их словам, «понятие коммуникативной задачи, обусловленное ситуационным контекстом, реализуется в языковом действии, цель которого – достижение уровня эффективной коммуникации в различных сферах общественной жизни. Другими словами, языковое действие (построение речевых текстов в устной и письменной форме) тесно связано с попыткой решить какую-либо проблему (задачу)» [Walczak, Drużyłowska, 2019], с чем мы полностью согласны, т.к. каждая реплика преподавателя несет в себе какую-либо функцию из целого перечня и служит для выполнения определенной коммуникативной задачи в рамках заданной ситуации.

В свете вышесказанного краеугольным стал вопрос о практической направленности данного лексического минимума, который должен быть функциональным и ориентированным на реальные потребности будущих преподавателей английского языка. Лексический минимум в предлагаемой нами форме призван обеспечить студентов лексикой, необходимой для того, чтобы решить наиболее типичные профессионально-педагогические задачи, т.е. коммуникативная ценность фраз выносится на первый план.

Подводя промежуточные итоги, скажем, что несмотря на обозначенные ограничения, мы все же сделали попытку максимально учесть и применить совокупность принципов из всех трех групп при составлении собственного минимума для представителей лингводидактических специальностей. Перечень выбранных нами принципов представлен в табл. 1.

Таблица 1

Принципы, использованные при создании лексического минимума профессионального общения для студентов лингводидактических специальностей
[Basic principles underlying the selection process of core ELT vocabulary for pre-service English language teachers]

Принципы [Principles]		
Статистические [Statistical]	Лингвистические [Linguistic]	Методические (обще- и частнометодические) [Pedagogical principles (general and specific principles)]
Частотности [Principle of frequency] Распространенности [Principle of prevalence] Симптоматической статистики [Principle of symptomatic statistics] Наличия (необходимости) [Principle of necessity]	Семантической ценности (с позиции профессиональной направленности материала) [Principle of semantic value (subject-specific material)]	Актуальности [Principle of relevance] Практической значимости [Principle of practical value] Коммуникативной ценности [Principle of communicative value] Ситуативности [Principle of situational context] Тематической важности [Principle of theme-based approach] Функциональности [Principle of functionality] Методической целесообразности [Principle of pedagogical expediency]

3. Материалы и методы исследования

Источниками для первой части нашего лексического минимума, который посвящен терминам методики преподавания иностранных языков, послужили следующие материалы.

1. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков (авторы И.Л. Колесникова, О.А. Долгина).

2. TKT Glossary (Cambridge University Press) – глоссарий для подготовки к специальному экзамену для преподавателей английского языка – TKT (Teaching Knowledge Test⁴), который разработан Кембриджским университетом и проверяет знание методики преподавания английского языка.

3. Глоссарий из учебника “The CELTA Course. Trainee book” для людей, проходящих одноименный курс⁵. После его успешного прохождения преподаватели получают сертификат, дающий право преподавать английский язык взрослым в любой точке мира.

4. Teaching knowledge database⁶ – глоссарий по методике преподавания английского языка с подробным описанием терминов, предлагаемый Британским Советом (British Council).

5. NILE ELT Glossary⁷ – глоссарий от Норвичского института языкового образования (Norwich Institute for Language Education), также посвященный терминам по методике преподавания английского языка.

6. Авторский глоссарий Сьюзан Свифт, которая является тренером DELTA и официальным кембриджским экзаменатором.

Все отобранные нами глоссарии содержат термины, непосредственно связанные с преподаванием английского языка. Соответственно, вне зависимости от частных моментов, можно выделить инвариантное ядро терминов, которые будут присутствовать во всех или практически во всех глоссариях.

Мы сознательно решили не прибегать к созданию списка ключевых слов на основе частотной выборки во избежание искажения результатов из-за попадания на первое место служебных слов, предлогов, артиклей и т.п. К тому же, как отмечают некоторые ученые, «при составлении расширенного списка ... перечень содержит большой объем общепотребительных и общенаучных слов и не выявляет узкоспециальной

⁴ URL: <https://www.cambridgeenglish.org/teaching-english/teaching-qualifications/tkt/>

⁵ URL: <https://www.cambridgeenglish.org/teaching-english/teaching-qualifications/celta/>

⁶ URL: <https://www.teachingenglish.org.uk/professional-development/teachers/knowning-subject/teaching-knowledge-database>

⁷ URL: <https://mycourses.nile-elt.com/mod/glossary/view.php?id=580&mode=date>

терминологии» [Власова и др., 2019, с. 66]. Чтобы исключить искажения данных, нами было принято решение проверять наличие терминов во всех глоссариях вручную.

Однако для того, чтобы осуществить данную процедуру, мы должны были взять один из упомянутых глоссариев за эталон, с содержанием которого мы и будем сравнивать остальные. В конечном счете, в качестве референтного глоссария мы выбрали «Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков» И.Л. Колесниковой и О.А. Долгиной 2008 г. Данное решение было продиктовано тем, что сами авторы отмечают, что отбор терминов осуществлялся ими с учетом частотности их употребления, актуальности и практической значимости; кроме того, они использовали функционально-содержательный подход, который предполагает выявление разделов методики преподавания иностранных языков, необходимых самому широкому кругу специалистов [Колесникова, Долгина, 2008, с. 14–15]. Таким образом, мы можем констатировать, что при отборе терминов данного пособия его авторами был применен один из статистических принципов, а также два важнейших методических, что, в целом, избавляет нас от необходимости проделывать эту работу еще раз.

Несмотря на это, для усовершенствования принципа частотности применительно к нашему исследованию мы провели следующую процедуру: была создана сводная таблица, где каждая колонка соответствовала отдельному источнику-глоссарию. Первая – референтная – колонка принадлежала терминам, взятым из терминологического справочника под редакцией И.Л. Колесниковой и О.А. Долгиной, с которой мы сверяли наличие терминов / терминологических словосочетаний и аббревиатур в перечисленных выше источниках. При наличии такого термина / терминологического сочетания или аббревиатуры ставился знак «плюс», при его отсутствии – «минус». Если знак наличия присутствовал в трех и более источниках, термин считался включенным в список.

Что касается организации полученных результатов, помимо алфавитного порядка, в качестве способа упорядочения отобранных нами профессионально-ориентированных лексических единиц, а также для удобства ориентации, мы решили использовать терминологические гнезда. Под «терминологическим гнездом» мы понимаем «сложное структурное образование, совокупность словообразовательных цепочек терминов, каждый последующий из которых мотивирован предыдущим и связан с предыдущим понятийными отношениями» [Половец, 2014, с. 57], где в качестве ядра для каждого терминологического гнезда выступает гнездообразующий термин, который принадлежит к определенной

предметной области, обозначает более общее понятие по сравнению с другими элементами терминологического гнезда, а также выполняет роль термина-спецификатора.

К примеру, изначально одним из самых продуктивных гнездообразующих терминов стал термин “activity”. Исходя из причин, обозначенных выше, и учитывая, что на начальном этапе его производные типа *ranking activity*, *brainstorming activity*, *prioritizing activity* и др. изначально проходили по принципу частотности, мы решили в подобных ситуациях группировать полученные терминологические единицы вокруг их терминов-спецификаторов.

Далее, руководствуясь принципом методической целесообразности, мы решили группировать термины на основании их тематической принадлежности. Иными словами, мы обратились к когнитивному моделированию профессиональной терминосистемы, которое предполагает разделение исходного массива терминов на тематические группы с выделением базового понятия, которое объединяет все составляющие группу понятия в одну категорию [Тихонова, 2010], что в итоге позволило нам добиться четкой организации и систематизации терминов исследуемой нами области, ввиду того, что «алфавитное представление, позволяя формально упорядочить материал, тем не менее, едва ли может содействовать адекватному пониманию и усвоению ключевых понятий методики преподавания» [Назарова, Кузнецова, 2012, с. 231].

На начальном этапе отбора из 738 терминологических единиц без учета терминологических гнезд нам удалось извлечь 77 терминов-спецификаторов, которые встречаются в трех и более глоссариях. Соответственно, как видно из цифр, доля отобранных терминов составила всего 10% от изначального количества. Так наш список едва ли приблизился к сотне. После добавления к ним производных терминов и с увеличением терминологических гнезд мы получили около 250 терминов. Тем не менее, полученный результат нас устроил, но лишь частично, ввиду того, что на наш взгляд, остались неохваченными довольно важные термины, которые изначально не вошли список из-за того, что у выбранного нами метода есть свои ограничения, т.к. де-факто мы брали референтные термины из одного источника и сравнивали их наличие с остальными, в то время как в других источниках, которые появились несколько позже «Англо-русского терминологического справочника...», могли присутствовать и другие важные термины из области методики, которые не вошли в него по данной причине, и, соответственно, остались вне фокуса, поэтому мы решили продолжить процедуру отбора.

На этот раз мы обратились к спискам терминов двух авторитетных пособий:

1) учебник “The TKT course. Modules 1,2 and 3” (M. Spratt, A. Pulverness, M. Williams), который посвящен подготовке к экзамену TKT; он отличается от ранее выбранного нами глоссария своим малым объемом и тем, что концентрируется только на терминах, необходимых для сдачи первых трех модулей экзамена;

2) пособие “Learning Teaching” (J. Scrivener), чей автор является специалистом в сфере профессиональных кембриджских экзаменов для преподавателей английского (TKT и DELTA).

При анализе терминов из данных пособий мы не брали в расчет те термины, которые нам уже встретились ранее, на первом этапе отбора, но не вошли в перечень по причине чрезвычайно низкой частотности (1 предъявление). Однако те термины, которые ранее встретились, как минимум, два раза, а с учетом их наличия в двух новых источниках, фактически, три раза и более, вошли в наш список.

Так, например, из пособия Дж. Скривенера мы добавили названия международных экзаменов и ассоциаций для преподавателей, а также ключевые аббревиатуры в области преподавания иностранного языка (TKT, CELTA, EIL, IATEFL, TESOL, TEFL и др.).

Из учебника по подготовке к TKT мы отобрали те термины, которые имели отношение к основным действиям, функциям, приемам и техникам, применяемым преподавателями в разных ситуациях (*convey meaning, monitor, recast* и др.). Кроме того, нам показалось целесообразным добавить названия реалий и предметов, которые окружают преподавателей и студентов ежедневно и которыми они постоянно пользуются (IWB, ОНР и т.п.); а также объектами и вспомогательными средствами, к которым преподаватели часто прибегают, тем более что сами слова *teaching aids, realia* и некоторые их примеры вошли в наш перечень еще на начальном этапе.

Наконец, на заключительном этапе мы обратились к авторитетным научным изданиям с высоким импакт-фактором, которые посвящены методике преподавания английского (ELT Journal, TESOL Quarterly, Applied Linguistics, Language Testing, Language Teaching Research), точнее, к тем ключевым терминам, которые фигурировали в статьях данных журналов за последние пять лет, что позволило решить вопрос с актуальностью полученных данных. Отбор проводился по ключевым словам, точнее, по количеству появлений того или иного термина в данных журналах за период 2017–2021 гг. Если термин встречался более трех раз в статьях и не был отобран ранее, мы включали его, что в итоге добавило более ста лексических единиц в наш минимум.

Так, например, добавились типы обратной связи (*oral/written, direct/indirect corrective feedback*), некоторые новейшие понятия из сферы ИКТ (*eye-tracking, chatbot*), а также социально детерминированные понятия (*adult migrant language education, native speakerism*). Помимо этого, в статьях также встречались названия экзаменов, проверяющих владение английским языком, что послужило основанием для выделения соответствующей категории. Кроме того, нам также встретились названия целевых групп обучающихся (*K-12, young learners* и т.п.).

Что касается второй части нашего минимума, посвященной функциональной разновидности английского языка, используемой его преподавателями для проведения занятий, за основу мы взяли теоретические и практические исследования, связанные с данным вопросом (Н. Brown, А. Doff, N. Flanders, J. Sinclair, D. Brazil, K. Nagy, S. Walsh и др.). Тем не менее, проанализировав различные виды и подробные типологии указанной разновидности, приходится констатировать, что до сих пор остается нерешенным вопрос, с какими типичными коммуникативными задачами и насколько часто сталкиваются преподаватели английского языка в своей практике.

Данную проблему затронул коллектив ученых из МГУ им. М.В. Ломоносова. Так, А.А. Коренев составил перечень внеклассных профессионально-коммуникативных задач, которые приходится решать языковым педагогам в рамках их профессиональной деятельности [Коренев, 2016]. Помимо этого, на основании анализа видеозаписей уроков английского языка ученым удалось составить частотный список внутриклассных коммуникативных задач, выполняемых преподавателями английского языка [Коренев, Михайлова, 2019]. Мы взяли за основу данную классификацию коммуникативных задач, но дополнили и расширили ее за счет других материалов.

Так, для анализа, сравнения и уточнения основных ситуаций и коммуникативных задач мы обратились к существующим учебникам и учебным пособиям, посвященным непосредственно функциональной разновидности английского языка, используемой его преподавателями в классе:

- 1) Practical Classroom English (G. Hughes J. Moate, T. Raatikainen);
- 2) Teaching English through English (J. Willis);
- 3) English for the teacher (M. Spratt);
- 4) Classroom English (B. Gardner, F. Gardner).

В качестве референтного мы выбрали учебник “Practical Classroom English”, т.к. он написан на основании тридцатилетнего опыта и анализа тридцати часов транскриптов уроков по английскому языку. Полученные материалы позволили его авторам выделить наиболее частотные фразы.

На основании сравнительного анализа содержания данных учебников и пособий нам удалось выделить 25 рекуррентных коммуникативных задач (*running the lesson, involving the learners* и др.) и около ста микрозадач.

Для удобства мы также создали таблицу, которая состоит из трех частей: первой колонке соответствует коммуникативная задача, которую преподаватель должен выполнить, далее следует вторая колонка с перечнем микрозадач, соответствующих данной ситуации общения, и, наконец, третья колонка содержит непосредственно фразы-примеры. Несмотря на превалирующую концепцию «минимума», для обеспечения лексической вариативности и для отсутствия некоторой шаблонности речи мы включали три фразы (среднее число фраз, предлагаемых в наших источниках – от пяти и более).

Так, например, коммуникативной задаче «Организация учебного процесса в классе (начало занятия) / *Beginning the lesson*» соответствовали шесть типичных микрозадач: вход в класс (*entering the classroom*), приветствие (*everyday greetings*), знакомство с новым классом/группой (*meeting a new class*), проверка присутствующих (*taking the register / checking attendance*), опоздавшие (*dealing with lateness*) и начало работы / вовлечение в урок (*getting down to work*).

Благодаря этому, мы получили свою расширенную версию категоризации функциональной разновидности английского языка, используемой его преподавателями на занятиях, с указанием конкретных коммуникативных задач, с которыми языковые педагоги сталкиваются практически ежедневно в своей профессиональной деятельности наряду с типичными фразами, которые используются для этих целей. Источниками для фраз послужили материалы из ранее перечисленных нами учебников и учебных пособий. Таким образом, мы получили вторую часть нашего лексического минимума.

4. Анализ и интерпретация результатов

Подводя итоги, в нашем двухчастном лексическом минимуме для будущих преподавателей по английскому языку оказалось около 430 лексических единиц. Как мы уже упомянули ранее, для простоты навигации по нашему списку, помимо расстановки по алфавиту, мы распределили список отобранных нами профессионально-ориентированных лексических единиц по тематическим блокам. Итак, нам удалось выделить следующие категории.

1. Language teaching: methods and approaches.
2. Lesson planning, syllabus design and curriculum development.
3. SLA, learning and the learner.

4. Teaching language skills vs modes of communication.
5. Task types and practice activities.
6. Teacher's actions.
7. Classroom management.
8. Errors & correction.
9. Testing, assessment and evaluation.
10. ICT technology in ELT.
11. Classroom objects, materials and aids.
12. Professional development.
13. International language exams.
14. Levels of language proficiency.

Далее, для того чтобы каким-то образом разделить получившийся список на активную и пассивную лексику, мы обратились к онлайн-сервису под названием "Sketch Engine"⁸, разработанному британским лексикографом А. Килгариффом и чешским программистом П. Рыхли. При помощи подкорпуса из отобранных нами терминов методики преподавания английского языка мы сравнили данный список с одним из самых объемных корпусов английского языка English Web 2015, который содержит более 15 млн слов. Полученные результаты позволили нам выяснить, какие лексические единицы можно отнести к активному словарю. Термины, полученные в рамках первой сотни слов, были взяты за основу активного словаря, а все оставшиеся – пассивного.

Что же касается второй части лексического минимума, она содержит 25 основных коммуникативных и около 100 микрозадач, с которыми преподаватели постоянно сталкиваются в своей практике.

1. Beginning the lesson.
2. Running the lesson.
3. Ending the lesson.
4. Getting students to join in.
5. Classroom etiquette.
6. Providing oral feedback giving encouragement, confirmation and praise.
7. Giving difficult messages and criticizing.
8. Providing written corrective feedback.
9. Error correction.
10. Explaining the content of the lesson.
11. Managing the physical environment.
12. Managing the learning environment.
13. Questions/interrogation.
14. Control and discipline.

⁸ URL: <https://www.sketchengine.eu/>

15. Using the classroom creatively.
16. Displaying information.
17. Using a computer.
18. Working in the language lab.
19. Using the textbook.
20. Using the basic text.
21. Managing exercises.
22. Working with the spoken language: listen in hand reading.
23. Working with the written language: speaking and writing.
24. Working with the aspects of the language.
25. Miscellaneous.

Таким образом, наш лексический минимум профессионального общения содержит около 700 лексических единиц.

5. Ограничения исследования

В тех случаях, когда лексические единицы были связаны с областью общего английского – General English, (например, *revise*, *motivation*), мы не включали их во избежание перегруженности лексического минимума. Когда нам попадались термины-синонимы (*washback effect* – *backwash* и др.), мы их объединяли. Также еще одним ограничением исследования выступило то, что мы изначально ориентировались на методические термины, поэтому термины, относящиеся к лингвистике, остались за скобками.

Что касается фраз, мы не стали дифференцировать их по уровням CEFR, т.к., во-первых, эта процедура не была применена ни в одном из наших источников, во-вторых, для этого необходимо выработать определенную методологию, в-третьих, на наш взгляд, это в большей степени субъективный процесс, зависящий от индивидуальных данных каждого конкретного студента и его идиолекта.

6. Заключение

Как мы выяснили, в настоящий момент не существует отдельно выделенного и описанного пласта профессионально-ориентированной лексики в учебно-педагогической сфере, ее границы четко не очерчены и не закреплены. В связи с этим создание лексического минимума для будущих преподавателей английского языка было обусловлено рядом объективных причин, среди которых главными является выделение особого пласта лексики, владение которой необходимо для осуществления эффективной профессиональной коммуникации, а также отсутствие лексического минимума для данной целевой аудитории как такового.

Таким образом, для решения обозначенной проблемы нами были проанализированы основные источники, содержащие профессионально-ориентированную лексику, адресованную преподавателям английского языка, проанализированы и применены ключевые принципы ее отбора, а также непосредственно описана сама процедура отбора лексического материала.

На основании произведенного отбора профессионально-релевантных лексических единиц нам удалось создать двухчастный лексический минимум профессионального общения для студентов лингводидактических специальностей. Первая часть данного минимума содержит наиболее актуальные и частотные термины, терминологические сочетания, аббревиатуры и понятия из сферы преподавания английского языка, в то время как вторая часть минимума создавалась на базе основных коммуникативных задач (с которыми педагоги сталкиваются ежедневно) и обусловленных ими микрозадач, которые сопровождаются типичными фразами, присущими классному обиходу. В результате, разработанный лексический минимум позволил решить вопрос, связанный с определением содержания обучения будущих преподавателей английского языка.

Направление дальнейшего исследования заключается в дифференциации полученных лексических единиц в соответствии с уровнем образования (бакалавриат или магистратура), этапом обучения и количеством учебных часов. Кроме того, представляется перспективным создание комплекса упражнений для обучения профессионально-ориентированной лексике студентов лингводидактических специальностей. Наконец, полученные результаты могут служить источником языкового материала для создания профессионально-ориентированного курса для будущих языковых педагогов.

Библиографический список / References

Азимов, Шукин, 2009 – Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М, 2009. [Azimov E.G., Shchukin A.N. Novyy slovar metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam) [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow, 2009.]

Дружиловска, Вальчак, 2019 – Дружиловска Д., Вальчак Я. К вопросу о функциональной организации лексического минимума на основе метода коммуникативных задач // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2019. № 2. С. 371–378. [Drużyłowska D., Walczak J. Some aspects of the functional organization of the lexical minimum in referenceto task-based language teaching. *Studia Rossica Posnaniensia*. 2019. No. 2. Pp. 371–378. (In Rus.)]

Власова и др., 2019 – Власова Е.А., Карпова Е.Л., Ольшевская М.Ю. Лексический минимум по языку специальности: сколько слов достаточно? Разработка принципов минимизации // Вестник Новосибирского государственного университета. 2019. № 4. С. 63–77. [Vlasova E.A., Karpova E.L., Olshevskaya M.Yu. Vocabulary: How many words are enough? Principles of minimizing learners' vocabulary. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. No. 4. Pp. 63–77. (In Rus.)]

Гальскова, Гез, 2015 – Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования. М., 2015. [Galskova N.D., Gez N.I. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam*. Lingvodidaktika i metodika [Theory of teaching foreign languages: Linguodidactics and methodology]. A textbook for students of higher educational institutions. Moscow, 2015.]

Ильина, 2012 – Ильина О.А. Лексический минимум по языку специальности «Робототехника» как основа формирования лингвокоммуникативной компетенции иностранных магистрантов // Гуманитарный вестник. 2013. № 2 (4). С. 1–15. [Ilyina O.A. Lexical minimum as a foundation of forming of linguo-communicative competence of foreign students studying robotics in Russian technical university. *Gumanitarnyi vestnik*. 2013. No. 2 (4). Pp. 1–15. (In Rus.)]

Колесникова, Долгина, 2008 – Колесникова И.Л., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков: Справочное пособие. М., 2008. [Kolesnikova I.L., Dolgina O.A. *Anglo-russkii terminologicheskii spravochnik po metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov* [A handbook of English-Russian terminology for language teaching]. Moscow, 2001.]

Корнев, 2016 – Корнев А.А. Профессионально-коммуникативная компетенция преподавателя иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2016. № 1. С. 56–60. [Korenev A.A. Language teacher's professional communicative competence: Language for specific purposes of teaching. *Inostrannye yazyki v shkole*. 2016. No. 1. Pp. 56–60. (In Rus.)]

Корнев, 2017 – Корнев А.А. Профессионально-коммуникативная компетенция учителя и преподавателя иностранного языка: умения аудирования // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2017. № 3. С. 88–97. [Korenev A.A. Language teacher's professional-communicative competence: Listening skills. *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*. 2017. No. 3. Pp. 88–97. (In Rus.)]

Корнев, Михайлова, 2019 – Корнев А.А., Михайлова А.М. Профессионально-коммуникативная компетенция учителя английского языка в классе: описание и развитие // Иностранные языки в школе. 2019. № 3. С. 16–28. [Korenev A.A., Mikhailova A.M. English teacher's professional communicative competence in the classroom: Description and development. *Inostrannye yazyki v shkole*. 2019. No. 3. Pp. 16–28. (In Rus.)]

Костомаров, 1963 – Костомаров В.Г. Принципы отбора лексического минимума // Русский язык в национальной школе. 1963. № 1. С. 41–59. [Kostomarov V.G. Principles of creating a minimal wordlist. *Russkii yazyk v natsionalnoi shkole*. 1963. No. 1. Pp. 41–59. (In Rus.)]

Миньяр-Белоручев, 1990 – Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения французскому языку. М., 1990. [Minyar-Beloruchev R.K. *Metodika obucheniya*

frantsuzskomu yazyku [Teaching methods to learn the French language]. Moscow, 1990.]

Морковкин и др., 2003 – Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лексических списков от 500 до 5000 самых важных русских слов / Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М., Попова З.П.; Под ред. В.В. Морковкина. М., 2003. [Morkovkin V.V., Bogacheva G.F., Lutskeya N.M., Popova Z.P. Sistema leksicheskikh minimumov sovremennogo russkogo yazyka: 10 leksicheskikh spiskov ot 500 do 5000 samykh vazhnykh russkikh slov [System of lexical minima of the modern Russian language: 10 lexical lists from 500 to 5000 of the most important Russian words]. V.V. Morkovkin (ed.). Moscow, 2003.]

Назарова, 2012 – Назарова Т.Б., Кузнецова И.А. Когнитивное картирование и систематизация терминов методики преподавания английского языка как иностранного // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 5. С. 227–232. [Nazarova T.B., Kuznetsova I.A. The method of cognitive mapping in systematizing the terminology of teaching English as a foreign language. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. No. 5. Pp. 227–232. (In Rus.)]

Половец, 2014 – Половец М.В. Терминологические гнезда как способ отражения системности терминологии (на примере англоязычных терминов компьютерной лингводидактики) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 170. С. 56–61. [Polovets M.V. Term families as a means of terminology system presentation (the terms of language learning and technology specialized units). *Izvestiya: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 2014. No. 170. Pp. 56–61. (In Rus.)]

Пурм и др., 2003 – Пурм Р., Елинек С., Веселый Й. Дидактика русского языка. М., 2003. [Purm R., Veselý J., Jelínek S. Didaktika russkogo yazyka [Russian Language didactics]. Moscow, 2003.]

Рахманов, 1967 – Рахманов И.В. Предисловие к словарю наиболее употребительных слов английского языка. М., 1967. [Rakhmanov I.V. Predislovie k slovaryu naibolee upotrebitelnykh slov angliiskogo yazyka [Preface. Dictionary of the most common English words]. Moscow, 1967.]

Соловова, 2013 – Соловова Е.Н. Перспективные направления развития вузовской методики преподавания иностранных языков // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 6 (33). С. 67–70. [Solovova E.N. New tendencies in teaching foreign languages at tertiary level. *MGIMO Review of International Relations*. 2013. No. 6 (33). Pp. 67–70. (In Rus.)]

Тихонова, 2010 – Тихонова И.Б. Когнитивное моделирование профессиональной терминосистемы (на материале английской терминологии нефтепереработки): Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. [Tikhonova I.B. Kognitivnoe modelirovanie professionalnoi terminosistemy (na materiale angliiskoi terminologii neftepererabotki) [Cognitive modeling of professional term system (Based on the material of English terminology of oil refining)]. PhD diss. Ufa, 2009.]

Фалькович, 1972 – Фалькович М.М. Лексический минимум по английскому языку для языковых вузов. М., 1972. [Falkovich M.M. Leksicheskii minimum po angliiskomu yazyku dlya yazykovykh vuzov [Lexical minimum of English]. Moscow, 1972.]

Фомина, 2010 – Фомина Т.Д. Учебный словарь-минимум – один из способов интенсификации процесса обучения иностранному языку // Российский

внешнеэкономический вестник. 2010. № 4. С. 63–68. [Fomina T.D. The learners' vocabulary-minimum as a means of intensification of the learning process. *Russian Foreign Economic Journal*. 2010. No. 4. Pp. 63–68. (In Rus.)]

Щукин, 2014 – Щукин А.Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке: Учеб. пособие для преподавателей и студентов языковых вузов. М., 2014. [Shchukin A.N. Metodika obucheniya rechevomu obshcheniyu na inostrannom yazyke [Methodology of teaching communication in a foreign language]. Moscow, 2014.]

West, 1953 – West M. A general service list of English words. London, 1953.

Статья поступила в редакцию 25.04.2021

The article was received on 25.04.2021

Об авторе/About the author

Юлия Александровна Гущина – преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Yuliya A. Gushchina – Lecturer at the Department of Theory of Teaching Foreign Languages of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6118-1971>

E-mail: gushchina.msu@gmail.com

М.С. Перевёрткина¹, М.Д. Золотарёва²

¹ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Академическая гимназия №56,
197136 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Стратегии профильной дифференциации содержания обучения английскому языку в старшей школе

Статья посвящена описанию стратегий профильной дифференциации содержания обучения иностранным языкам. Авторы обосновывают выбор интегративного подхода в качестве основополагающего при организации профильно-ориентированного обучения иностранным языкам в старшей школе. В статье описана классификация существующих профилей обучения, а также определены три уровня профильной дифференциации содержания обучения, соотнесенные со стратегиями. Приведены примеры реализации стратегий профильной дифференциации на уровне типа и вида упражнения, на уровне содержания упражнения и на уровне типа, вида и содержания упражнения. Доказательством эффективности описанных в статье стратегий являются результаты проведенной апробации комплекса дифференцированных упражнений. Кроме того, материалы данной статьи могут быть использованы для разработки альтернативных образовательных программ.

Ключевые слова: профиль, профильно-ориентированное обучение иностранным языкам, стратегии профильной дифференциации, содержание обучения, интегративный подход, старшая профильная школа

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Перевёрткина М.С., Золотарёва М.Д. Стратегии профильной дифференциации содержания обучения английскому языку в старшей школе // Рема. Rhema. 2021. № 4. С. 141–159. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-141-159

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-141-159

M. Perevertkina, M. Zolotareva¹ Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, 191186, Russian Federation² Academic Gymnasium No. 56,
St. Petersburg, 197136, Russian Federation

Strategies of content differentiation in teaching English for specific purposes in high school

The article is devoted to the description of strategies for learning content differentiation in teaching language for specific purposes. The authors of the article substantiate the choice of an integrative approach as fundamental in the organisation of teaching language for specific purposes in high school. The article describes the classification of existing majors in high school, as well as identifies three levels of career-oriented learning content differentiation, correlated with strategies. The authors provide examples of the implementation of strategies of learning content differentiation at the level of type of the exercise, at the level of content of the exercise and at the level of type and content of the exercise. The results of the testing of the set of differentiated exercises prove the effectiveness of the strategies described in the article. In addition, the content of this article can be used to design alternative educational courses.

Key words: high school majors, teaching language for specific purposes, strategies for career-oriented learning content differentiation, learning content, integrative approach, career-oriented high school

FOR CITATION: Perevertkina M., Zolotareva M. Strategies of content differentiation in teaching English for specific purposes in high school. *Rhema*. 2021. No. 4. Pp. 141–159. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-141-159

1. Введение

В настоящее время происходит модернизация государственной образовательной политики, и профильное обучение на старшей ступени школьного образования приобретает широкое распространение. Кроме того, неуклонно растет количество образовательных организаций, реализующих программы среднего общего образования, которые предоставляют учащимся 10–11 классов возможность на постоянной основе углубленно изучать отдельные предметы, т.е. реализуют профильное обучение. По данным Министерства просвещения Российской Федерации, по состоянию на 2019/20 учебный год 13,4% образовательных учреждений реализовывали профильное обучение. Для сравнения, в 2018/19 учебном году количество таких учебных заведений составляло 12,4%, а в 2017/18 учебном году – 11% от общего числа организаций, осуществляющих образовательную деятельность (edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu). На основании этих статистических данных можно сделать вывод об изменениях в политике государства в сфере образования и о наметившейся тенденции к распространению профильного обучения, что также находит подтверждение в нормативных документах, в частности в Федеральном государственном образовательном стандарте среднего общего образования (fgos.ru) и в Государственной программе «Развитие образования» (gov.garant.ru/document?id=71748426&byPara=1).

Признание на государственном уровне необходимости реализации основных и дополнительных образовательных программ различных профилей повышает актуальность изучения проблемы профилизации иноязычного образования, поскольку в настоящее время для качественной организации обучения иностранным языкам важно не только создавать условия для углубленного изучения иностранного языка в классах филологического профиля, где он является профильным предметом, но и стремиться к организации профильно-ориентированного обучения иностранному языку старшеклассников, обучающихся по другим профилям, где данный предмет не является основным и подлежит изучению на базовом уровне. Профильно-ориентированное обучение предусматривает реорганизацию образовательного процесса, структурные и содержательные изменения, в том числе и связанные с дифференциацией содержания обучения иностранным языкам. В связи с этим представляется актуальным определить и описать стратегии профильной дифференциации содержания обучения в старшей школе.

В отечественной научной литературе достаточно подробно описана концепция профильно-ориентированного обучения иностранным языкам [Поляков, 2004; Милованова, 2006; Бим, 2007 и др.], которое

может быть определено как система иноязычной подготовки старшеклассников, учитывающая особенности выбранного ими профиля и потребности в изучении иностранного языка, обусловленные будущей профессиональной деятельностью, однако следует признать отсутствие единой терминологической базы для обозначения вышеуказанного понятия. Наряду с термином «профильно-ориентированное обучение», широкое распространение также получили термины «профильное обучение», «профессионально-ориентированное обучение», «профессионально-направленное обучение», которые зачастую рассматриваются как синонимичные. В рамках данной статьи будем придерживаться терминов «профильное обучение» и «профильно-ориентированное обучение», а под профилем обучения как базовой категорией методики, вслед за Э.Г. Азимовым, будем понимать сложившийся в методике обучения иностранным языкам тип подготовки школьников по языковым дисциплинам или по другим предметам, который соответствует их профессиональным потребностям в языке [Азимов, 2009, с. 231].

2. Методология исследования

Исследования проблем организации обучения иностранному языку в условиях профилизации в отечественной методике проводили И.Л. Бим, А.А. Кузнецов, С.И. Константинова, Л.А. Милованова, П.В. Сысоев, Л.П. Халыпина, С.Н. Чистякова. Особенности профильно-ориентированного обучения иностранному языку в зарубежной методике изложены в работах D. Marsh, R.B. Jaisson, K. Bentley. Полученные в ходе вышеуказанных исследований данные составили методологическую основу статьи, а проведенный анализ теоретических концепций, отечественной и зарубежной психолого-педагогической и методической литературы, а также нормативных документов, регулирующих организацию профильного обучения иностранным языкам, позволил выявить относительную малоизученность проблемы отбора и организации содержания обучения в сравнении с остальными компонентами методической системы профильно-ориентированного обучения иностранным языкам на уровне старших классов школы.

Сравнительно-сопоставительный анализ нескольких отечественных и зарубежных научно-методических подходов к организации профильно-ориентированного обучения иностранным языкам позволил в качестве основополагающего подхода избрать интегративный [Комарова, 2009], который в рамках данного исследования представляет собой синтез положений системно-деятельностного подхода, компетентностного подхода, подхода, ориентированного на практические

действия (Action-oriented approach), и интегрированного предметно-языкового обучения (Content and Language Integrated Learning, CLIL), элементы которых одновременно используются для формирования и развития иноязычной коммуникативной компетентности старшеклассников в условиях профильного обучения. Комплексный характер интегративного подхода определяется наличием:

- особого содержания профильно-ориентированного обучения, направленного на освоение предметного содержания средствами иностранного языка и формирование межпредметных и метапредметных связей;
- особой технологии интеграции, которая предполагает создание учебных ситуаций, имитирующих решение профессиональных задач;
- интегрированных полимодальных средств обучения.

Изложенные в данной статье теоретические положения, а также эффективность предлагаемых стратегий профильной дифференциации содержания обучения требовали экспериментального подтверждения, в связи с чем было проведено анкетирование учащихся 10–11 классов «Академической гимназии № 56» города Санкт-Петербурга (физико-математический, биолого-географический и социально-экономический профили) и апробация разработанного комплекса дифференцированных упражнений для профильного обучения английскому языку. Полученные экспериментальные данные были математически обработаны, в статье приведена их графическая репрезентация.

3. Сущность профильной дифференциации содержания обучения иностранным языкам

В «Концепции профильного обучения на старшей ступени общеобразовательной школы» профильное обучение определено как инструмент индивидуализации и дифференциации обучения старшеклассников, позволяющий учитывать их интересы, склонности и способности при организации структуры и содержания образовательного процесса, ориентированного на удовлетворение их образовательных и профессиональных потребностей [РАО, 2003]. Таким образом, в основе профилизации обучения старшеклассников лежат два методических принципа – индивидуализации и дифференциации.

Индивидуализация процесса обучения в условиях профилизации предполагает ориентацию на ученика как на субъект образования и учет его индивидуальных потребностей при составлении образовательного маршрута. Примером реализации принципа индивидуализации в профильной школе является возможность выбора элективных и факультативных занятий, соответствующих личным предпочтениям школьника.

Дифференциация, в свою очередь, подразумевает учет индивидуальных особенностей учащихся посредством их группирования на основании значимых в процессе обучения принципов (уровень обученности или обучаемости, тип восприятия и др.) [Гриценко, 2008, с. 136]. В практике профильного обучения дифференциация проявляется в распределении учащихся на классы или группы в соответствии с их профессиональными предпочтениями и в выборе ими профиля, а реализацией профиля на практике является та или иная комбинация базовых (общеобразовательных), профильных и элективных курсов, а также факультативов, которая отвечает требованиям Базисного учебного плана к учебной нагрузке.

Проведенный ситуационный анализ реализуемых в Российской Федерации профилей обучения и статистический анализ частотности выбора их учащимися позволил нам выявить несколько групп профилей, которые организованы на основе принципа схожести дисциплин, изучаемых на углубленном уровне (рис. 1).

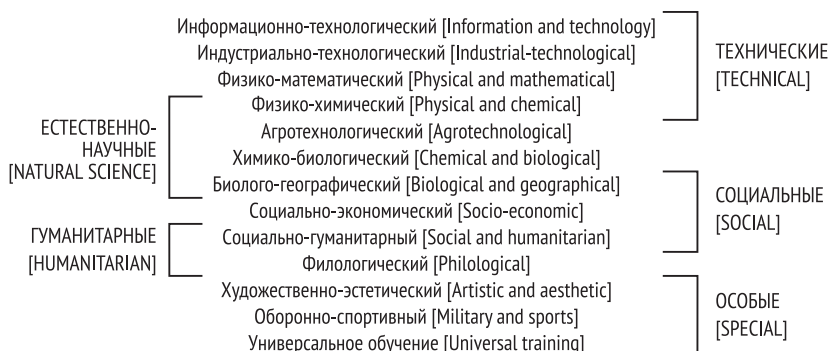

Рис. 1. Классификация профилей обучения

Fig. 1. Classification of learning profiles

Следует отметить, что в группу особых профилей было включено так называемое «универсальное обучение», которое не является профильно-ориентированным и предполагает изучение предметов на базовом уровне.

Предложенная классификация профилей позволила предположить, что для дифференциации содержания обучения иностранному языку, что является одной из целей перехода к профильному обучению [РАО, 2003], должны использоваться различные стратегии отбора и организации предметного и процессуального компонентов содержания обучения. Полностью разделяя научное мнение Н.Д. Гальсковой

о трудоемкости многоступенчатого процесса отбора содержания обучения, связанного с динамическим изменением целей и условий обучения иностранным языкам [Гальскова, 2007, с. 136], необходимо уточнить, что отбор содержания обучения, осуществляемый в условиях профильной дифференциации, или *профильная дифференциация содержания обучения*, осложняется наличием особых целей и необходимости адаптации содержания обучения в соответствии с будущими профессиональными потребностями обучающихся, т.е. содержание обучения должно быть профильно-ориентированным и обеспечивать преподавание определенного предмета школьного курса с ориентацией на будущую профессиональную деятельность учащихся.

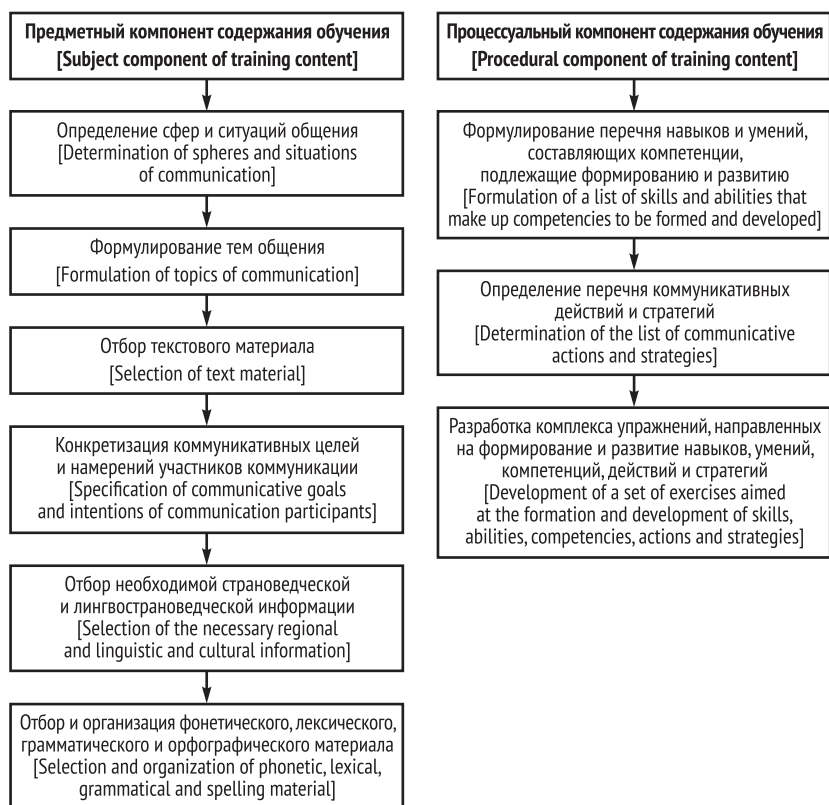

Рис. 2. Отбор предметного и процессуального компонентов содержания обучения иностранным языкам в условиях профилизации

Fig. 2. Selection of the subject and procedural components of the content of teaching foreign languages in the context of profiling

Особенность предметной области «Иностранные языки» заключается в том, что они могут выступать в качестве средства обучения другим (профильным) предметам и обеспечивать выпускникам возможность в перспективе осуществлять иноязычное общение в профессиональной сфере, а для профильной дифференциации содержания обучения в классах различных профилей целесообразно особым образом отбирать предметный и процессуальный компоненты содержания обучения непрофильных дисциплин, в частности иностранных языков, создавая межпредметные связи с профильными (рис. 2).

Рассмотрим возможности применения стратегий профильной дифференциации содержания обучения на этапе разработки комплекса дифференцированных упражнений для профильного обучения иностранному языку. При выборе стратегии профильной дифференциации содержания обучения представляется важным принимать во внимание особенности профилей обучающихся и их принадлежность к определенным группам профилей, описанным выше (см. рис. 1). В связи с этим нами было выделено три уровня профильной дифференциации содержания обучения иностранному языку (рис. 3).

1	Уровень типа и вида упражнения (вне зависимости от профиля) [Level of type and type of exercise (regardless of profile)]
2	Уровень содержания упражнения (внутри группы профилей, см. рис. 1) [Exercise content level (within a profile group, see Fig. 1)]
3	Уровень типа, вида и содержания упражнения (отдельно взятый профиль) [Level of type, type and content of exercise (separate profile)]

Рис. 3. Уровни профильной дифференциации содержания обучения иностранному языку

Fig. 3. Levels of profile differentiation of the content of teaching a foreign language

Далее в статье будут приведены примеры применения стратегий профильной дифференциации содержания обучения английскому языку в классах социально-экономического, биолого-географического и физико-математического профилей.

Стратегия 1. Дифференциация на уровне типа и вида упражнения

Первая базовая стратегия с низкой степенью дифференциации содержания обучения применяется на уровне типа и вида упражнений. Зачастую такая дифференциация может не быть связана с каким-либо конкретным профилем обучения, поскольку существующие типы и виды

упражнений универсальны и могут быть использованы для презентации, тренировки и закрепления любого предметного содержания в любом профиле. Однако в частных случаях тип упражнения может быть адаптирован в зависимости от профиля обучения.

Пример 1

Социально-экономический профиль

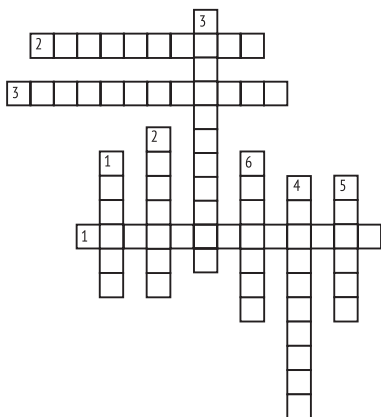
Решите кроссворд.

Across:

1. Concerning the air, land or water on Earth
2. Hard work and loyalty for an organisation
3. Protection of plants, animals, ecosystems, etc.

Down:

1. To start or to found a new organisation
2. A group of animals or plants of the same type
3. The act of ruining something
4. All people of about the same age
5. The process of something becoming different
6. To help something develop

Физико-математический профиль

Решите кроссворд. Составьте из выделенных букв 3 слова, обозначающих числа.

Решите пример

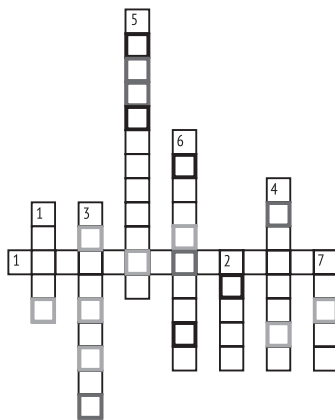
$$\square + \square - \square = ?$$

Across:

1. An example that contradicts an idea or theory

Down:

1. A list of reasons why a statement is true
2. A principle that is generally considered true
3. The same size and shape
4. A point that is half of the way through or along something
5. A triangle which has an angle of 90°
6. The longest side of a triangle which has an angle of 90°
7. To be exactly the same in length as something else

Например, в паре упражнений (пример 1) учащимся классов социально-экономического профиля предложено решить кроссворд для закрепления изученного лексического материала, а для учащихся физико-математических классов кроссворд адаптирован в соответствии с особенностями профиля. Для получения верного ответа учащимся необходимо проявить аналитические и комбинаторные способности, а также выполнить элементарные арифметические операции.

Приведенный пример профильной дифференциации типа упражнений является частным, большинство типов и видов упражнений практически не поддаются изменениям, направленным на их адаптацию к образовательным потребностям и когнитивным особенностям учащихся классов того или иного профиля. Таким образом, можно заключить, что данная стратегия не обладает достаточной эффективностью, а для профильной дифференциации содержания обучения необходимы более глубокие изменения и его адаптация к профессиональным и образовательным потребностям обучающихся.

Стратегия 2. Дифференциация на уровне содержания упражнения

Более глубокую степень дифференциации предполагает использование второй стратегии, реализуемой на уровне содержания упражнения. Результатом применения данной стратегии является то, что в упражнениях одного и того же типа и вида может быть представлено разное тематическое содержание, текстовое или языковое наполнение, т.е. дифференциация осуществляется в рамках предметного компонента содержания обучения, а виды и типы упражнений, которые являются частью процессуального компонента содержания обучения, остаются неизменными.

Логично предположить, что наибольшие расхождения в содержании обучения иностранному языку в различных профилях будут наблюдаться в предметном компоненте, в особенности в лексическом и текстовом материале, тематическом содержании речи и выражаемых коммуникативных намерениях. Именно предметный компонент содержания обучения подвергается изменению при применении данной стратегии (пример 2).

Ключевое различие представленных упражнений заключается в их текстовом наполнении и в коммуникативном намерении отрывков статей. Учащимся классов биолого-географического профиля предложен фрагмент статьи о загрязнении атмосферы в разных странах и о реакции местных жителей на происходящие изменения, т.е. текст реализует межпредметные связи с профильными предметами, изучаемыми на углубленном уровне – с географией и биологией. Школьникам из классов социально-экономического профиля предложен отрывок

публикации о способах организации и поддержания деятельности школьного клуба экологических активистов, таким образом статья позволяет обеспечить межпредметные связи с обществознанием и экономикой – предметами, которые подлежат изучению на углубленном уровне в классах данного профиля.

Пример 2

Биолого-географический профиль	Социально-экономический профиль
Тема по ПООП СОО: <i>Природа и экология.</i> <i>Прочитайте фрагмент текста. Подберите подходящий заголовок.</i>	
Delhi Residents on How to Cope with Pollution Causes and Effects of Bush Fires Australian Fires Explained	EarthTeam: Mission and Principles How to Start an Environmental Club at Your School Environmental Community Leaders
As air quality plummets on the Australian east coast as a result of devastating bush fires, residents of cities clogged with smog share their coping strategies. The east coast of Australia is in the grip of a bushfire and air pollution crisis. But plummeting air quality levels are a regular occurrence in cities in India, Latin America and China. Here, residents and experts from Delhi, Beijing and Mexico City explain how they survive the smog... <i>(from The Guardian)</i>	Starting an environmental club at school is a great way to get students energized about taking care of the Earth and helping their community. Earth Team, a non-profit environmental network for teens, teachers and youth leaders, offers many tips on how to start an environmental club. First is to make sure there are at least a half dozen students interested in forming a club, and then also finding a teacher or community leader who is willing to serve as an adult sponsor... <i>(from Scientific American)</i>

Следовательно, применение второй стратегии, дифференциации на уровне содержания упражнения, целесообразно осуществлять в классах различных профилей, принадлежащих к одной группе (технические, естественно-научные, социальные или гуманитарные), т.к. она является эффективным инструментом адаптации упражнений в соответствии с образовательными потребностями обучающихся.

Стратегия 3. Дифференциация на уровне типа, вида и содержания упражнения

В наибольшей степени дифференциация проявляется в случае, если реализуется третья стратегия и изменению одновременно подвергаются и тип упражнения, и его наполнение. Тип упражнения в таком случае напрямую отражает специфику профиля и позволяет наряду с иноязычной коммуникативной компетентностью развивать и базовую

профессиональную. Содержание упражнений обусловлено профессиональными интересами и образовательными потребностями старшеклассников, а потому оно кардинально отличается в классах различных профилей.

Пример 3

Социально-экономический профиль	Физико-математический профиль										
<i>Посмотрите видео. Расставьте идеи, озвученные в нем, в порядке их упоминания.</i> Ссылка на видеоролик канала <i>Guardian News</i>: www.youtube.com/watch?v=TMrtLsQbaok • There is a 50% chance of staying below 1.5 °C temperature rise by cutting the emissions in half in 10 years. • Science has been studying climate change for 30 years. • It is high time the humanity united to fight the climate change. • The world leaders pay more attention to the economic prosperity than to the environmental issues.	<i>Посмотрите видео. Заполните таблицу, чтобы доказать равенство треугольников.</i> Ссылка на видеоролик канала <i>Ted-Ed</i>: https://www.youtube.com/watch?v=S0DSM-EkQE8 <table border="1"> <thead> <tr> <th>Statements</th><th>?</th></tr> </thead> <tbody> <tr> <td></td><td>1. Given</td></tr> <tr> <td>2. $AM \cong MB$</td><td></td></tr> <tr> <td></td><td>3. Reflexive property</td></tr> <tr> <td>4. $\triangle ACM \cong \triangle BCM$</td><td></td></tr> </tbody> </table>	Statements	?		1. Given	2. $AM \cong MB$			3. Reflexive property	4. $\triangle ACM \cong \triangle BCM$	
Statements	?										
	1. Given										
2. $AM \cong MB$											
	3. Reflexive property										
4. $\triangle ACM \cong \triangle BCM$											

Оба представленных упражнения развивают умение аудирования с выборочным пониманием искомой информации. Это единственный аспект, который объединяет предложенные упражнения. Следовательно, данную стратегию можно охарактеризовать как наиболее продвинутую, а дифференциация на уровне формы и содержания упражнений является эффективным инструментом адаптации содержания обучения в соответствии с образовательными и профессиональными потребностями обучающихся, поскольку позволяет реализовывать межпредметные связи с профильными дисциплинами и учитывать когнитивные особенности старшеклассников, обучающихся в рамках разных профилей.

Сопоставительный анализ приведенных выше пар упражнений позволяет наглядно продемонстрировать особенности стратегий разноуровневой профильной дифференциации содержания обучения иностранному языку. Отметим, что данные упражнения являются лишь иллюстративными примерами и входят в значительно более обширный разработанный комплекс дифференцированных упражнений, который прошел экспериментальную апробацию.

4. Констатация и интерпретация результатов исследования

На завершающем этапе проведенного исследования представлялось необходимым проверить эффективность и универсальность предлагаемых стратегий при реализации профильно-ориентированного обучения английскому языку в классах различных профилей, в связи с чем было проведено анкетирование старшеклассников и последующая экспериментальная апробация разработанного комплекса дифференцированных упражнений.

В ходе анкетирования нами была выявлена степень осведомленности учащихся 10–11 классов об особенностях профильного обучения, порядке его организации, а также определены мотивы, влияющие на выбор старшеклассниками того или иного профиля обучения.

В анкетировании приняли участие 93 учащихся ГБОУ «Академическая гимназия № 56» г. Санкт-Петербурга.

Результаты показали, что старшеклассники при выборе профиля обучения преимущественно ориентируются на свои интересы (28%), карьерные планы (23%) или таланты и способности (23%) (рис. 4). Таким образом, эти данные свидетельствуют об автономности учащихся при выборе профиля обучения, а также о том, что респонденты наблюдают связь между выбранным профилем обучения и дальнейшими карьерными перспективами, т.е. рассчитывают на преемственность между системами среднего и высшего образования.

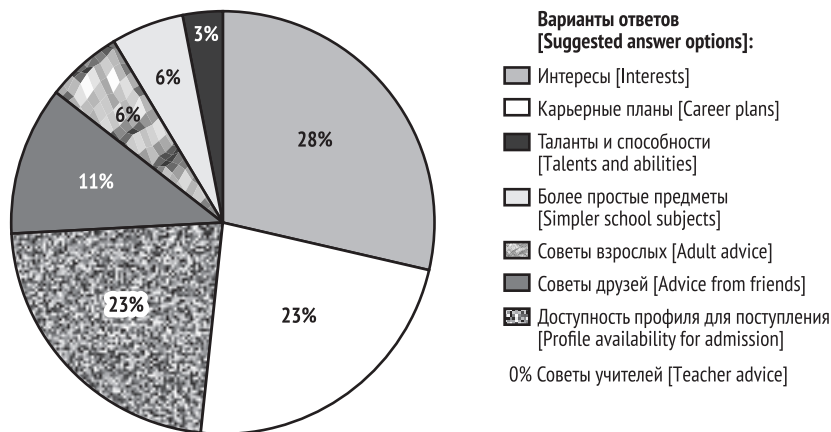

Рис. 4. Факторы, влияющие на выбор профиля обучения (результаты анкетирования учащихся)

Fig. 4. Factors influencing the choice of a training profile (results of a survey of senior students)

Участники анкетирования осознают роль овладения иностранным языком для дальнейшего профессионального общения и могут оценить степень его значимости по шкале от 1 до 5, где «1» означает, что иностранный язык абсолютно не актуален в профессиональной деятельности, а «5» предполагает первостепенную значимость изучения иностранного языка. Оценки респондентов, отражающие их субъективное восприятие степени актуальности изучения английского языка для использования его в перспективе как средства коммуникации в профессиональной среде, представлены на рис. 5. Следует отметить, что учащиеся классов социально-экономического профиля чаще остальных считают английский язык необходимым условием профессиональной самореализации.

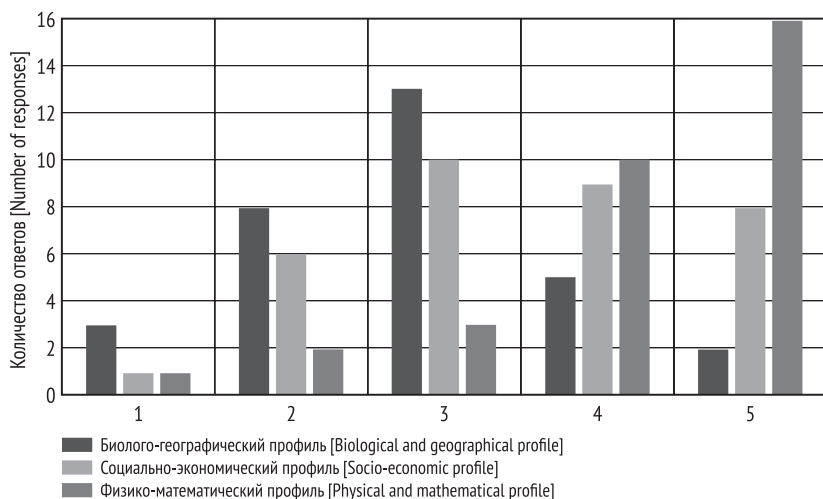

Рис. 5. Оценка значимости изучения иностранного языка для дальнейшего профессионального общения (результаты анкетирования учащихся):

- 1 – абсолютно не актуален в профессиональной деятельности; 2 – неактуален;
3 – возможно, актуален; 4 – актуален; 5 – имеет первостепенную значимость

Fig. 5. Assessment of the importance of learning a foreign language for further professional communication (results of a survey of students):

- 1 – absolutely not relevant in professional activities; 2 – irrelevant;
3 – possibly relevant; 4 – relevant; 5 – is of paramount importance

В обучающем эксперименте, проведенном на базе ГБОУ «Академическая гимназия № 56» г. Санкт-Петербурга с 9 января по 29 февраля 2020 г., приняли участие 20 учащихся 10 класса социально-экономического профиля и 20 учащихся 10 класса физико-математического профиля.

В первую очередь на констатирующем этапе эксперимента перед нами стояла задача провести диагностику исходного уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетентности обучающихся, в особенности ее компонентов, необходимых для решения профессиональных задач в рамках выбранного старшекласниками профиля.

Для оценки уровня сформированности вышеуказанных компонентов иноязычной коммуникативной компетентности на основании дескрипторов CEFR Companion Volume [Council of Europe, 2018] была разработана система параметров и критериев оценивания уровня сформированности умений учащихся и их способности к применению стратегий:

- восприятия общей и частной информации профессионального характера на материале текстов профессиональной направленности;
- продуцирования устных и письменных монологических высказываний, связанных со сферой будущей профессиональной деятельности;
- взаимодействия в ситуациях общения на знакомые профессиональные темы (интервью, дискуссия, клишированные деловые письма) с использованием компенсаторных стратегий и адекватных ситуации языковых средств;
- медиации, в частности интерпретации и описания графиков и диаграмм, поиска и обоснования связей между вновь поступающей профессиональной информацией и уже известной, организации обсуждения и осуществления совместного выполнения задания в паре/группе.

Помимо этого, определялся уровень сформированности языковой компетенции участников эксперимента: знание наиболее употребительных профессионализмов и владение элементами профессиональной терминологии, способность контекстуально адекватно применять лексические средства для решения базовых задач профессионального общения, грамотность фонетического, орфографического и пунктуационного, а также грамматического оформления высказывания.

Была проведена оценка способности учащихся выражать профессиональные коммуникативные намерения в соответствии с нормами вежливости и известными традициями разных культур (составляющая социолингвистической компетенции), а также способности выражать намерения в социально приемлемой форме и линейно и прямо развивать логику аргументации, в том числе с использованием слов-связок (составляющая прагматической компетенции).

Вышеописанная система включала 30 параметров и критериев, по каждому из которых учащиеся могли получить от 0 до 2 баллов, где «0» означал, что соответствующие способности и умения не были продемонстрированы, «1» – продемонстрированы частично и «2» – применяются в достаточной степени. Проведенная диагностика

продемонстрировала сопоставимый уровень обученности учащихся (средний балл – 28 из 60), что позволило разделить их на экспериментальную и контрольную группы и перейти к обучающему эксперименту с соблюдением необходимых требований по идентичности состава групп участников эксперимента.

В рамках обучающего эксперимента старшеклассники, входившие в экспериментальную группу, изучали материал по теме «Общественные движения в сфере экологии» (Environmental Movements) с использованием комплекса дифференцированных упражнений, разработанного на основе стратегий профильной дифференциации. Контрольная группа проходила обучение по УМК «Starlight (Звездный английский)», осваивая тему «Проблемы окружающей среды» (Environmental Issues).

На контрольном этапе обучающего эксперимента учащимся экспериментальной и контрольной групп были предложены задания, позволявшие осуществить оценивание с использованием вышеописанной системы параметров и критериев. Затем был произведен расчет среднего арифметического результатов участников экспериментальной и контрольной групп. Экспериментальная группа: средний балл – 34 из 60; контрольная группа: средний балл 30 из 60.

На основании сравнения результатов, полученных на констатирующем и контрольном этапах эксперимента (рис. 6), были сделаны выводы об эффективности применения предложенных стратегий профильной дифференциации содержания обучения английскому языку. Старшеклассники, обучавшиеся на основе материалов, в которых содержание обучения было отобрано с учетом специфики профиля и были применены стратегии его дифференциации, демонстрируют прирост уровня сформированности компонентов иноязычной коммуникативной компетентности, необходимых для решения профессиональных задач, на 17%, а участники контрольной группы – на 6%.

Таким образом, описанные стратегии профильной дифференциации содержания обучения могут быть эффективно имплементированы в систему школьного образования для реализации профильно-ориентированного обучения иностранным языкам, для чего нами была разработана альтернативная образовательная программа общего образования по предмету «Иностранный язык (английский)» для учащихся 10–11 классов физико-математического профиля, доступная по ссылке: <https://dl.orangedox.com/ud3Lr2>. Данная программа может быть использована при организации обучения английскому языку в классах соответствующих профилей или выступить в качестве макета при отборе и организации содержания обучения в классах иных профилей.

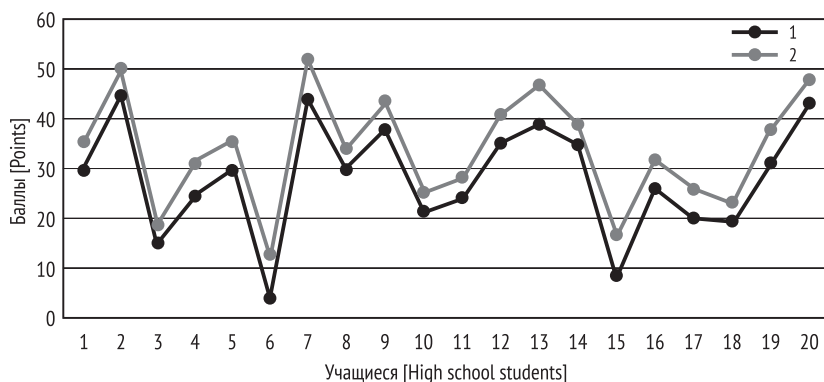

Рис. 6. Индивидуальная динамика участников экспериментальной группы:
1 – констатирующий этап эксперимента; 2 – контрольный этап эксперимента

Fig. 6. Individual dynamics of participants in the experimental group:
1 – ascertaining stage of the experiment; 2 – control stage of the experiment

5. Выводы

Предложенные стратегии профильной дифференциации содержания обучения иностранным языкам являются универсальным инструментом, позволяющим отбирать и адаптировать содержание обучения в соответствии с профессиональными и образовательными потребностями учащихся старших классов. При этом универсальность описанных стратегий означает не только то, что они могут быть применены при организации обучения в классах различных профилей, но и что сфера их использования может быть расширена за счет их учета при создании или обновлении учебно-методических комплексов для учащихся старших классов профильной школы.

С практической точки зрения перспективной представляется разработка на основании предложенной классификации профилей и с опорой на описанные уровни профильной дифференциации содержания обучения иностранному языку «монопрофильных» пособий, которые будут одновременно учитывать требования Примерной основной образовательной программы среднего общего образования и интересы, способности, образовательные и профессиональные потребности старшеклассников, осваивающих один профиль обучения, или «полипрофильных» пособий, организованных по тематическому принципу, которые будут предоставлять учащимся различных профилей возможность осваивать один тематический блок с учетом специфики их профиля и достигать

заявленных в Примерной основной образовательной программе планируемых личностных, метапредметных и предметных результатов обучения.

Направлением дальнейшего исследования также может выступать профильная дифференциация других предметных и процессуальных компонентов содержания обучения иностранным языкам. Вопрос эффективности стратегий отбора и реорганизации содержания обучения в условиях, отличных от старшей профильной школы, также требует дальнейшего изучения, поскольку обладает потенциалом для возможных качественных перемен в системе обучения иностранным языкам в российских школах.

Библиографический список / References

Азимов, Шукин, 2009 – Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009. [Azimov E.G., Shchukin A.N. Novyi slovar metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam) [Modern dictionary of the concepts and vocabulary of teaching methods (theory and practice of language teaching)]. Moscow, 2009.]

Бим, 2007 – Бим И.Л. Профильное обучение иностранным языкам на старшей ступени общеобразовательной школы: проблемы и перспективы. М., 2007. [Bim I.L. Profilnoe obuchenie inostrannym yazykam na starshei stupeni obshcheobrazovatelnoi shkoly: problemy i perspektivy [Teaching language for specific purposes in high school]. Moscow, 2007.]

Гальскова, Гез, 2007 – Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М., 2007. [Galskova N.D., Gez N.I. Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika [Theory of foreign language teaching. Linguodidactics and teaching methods]. Moscow, 2007.]

Гриценко, 2008 – Гриценко Л.И. Теория и практика обучения: интегративный подход. М., 2008. [Gritsenko L.I. Teoriya i praktika obucheniya: integrativnyi podkhod [Theory and practice of educating: Integrative approach]. Moscow, 2008.]

Комарова, Баграмова, 2009 – Комарова Ю.А., Баграмова Н.В. Методология интегративного подхода к обучению иностранным языкам в вузе // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 4. С. 115–123. [Komarova Yu.A., Bagramova N.V. Methodology of integrative approach to foreign language teaching in higher education. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*. 2009. No. 4. Pp. 115–123. (In Rus.)]

Милованова, 2006 – Милованова Л.А. Профильно-ориентированное обучение иностранным языкам (английский язык, старшая ступень средней школы): Дис. ... д-ра пед. наук. Волгоград, 2006. [Milovanova L.A. Profilno-orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam (angliiskii yazyk, starshaya stupen srednei shkoly) [Teaching foreign language for specific purposes (English, high school)]. Dr. Hab. diss. Volgograd, 2006.]

РАО, 2003 – Министерство образования Российской Федерации, Российская академия образования. Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования // Английский язык в школе. 2003. № 3. С. 8–18. [Ministry

of Education of the Russian Federation, Russian Academy of Education. The concept of specialized education at the upper stage of general education. *Angliiskii yazyk v shkole*. 2003. No. 3. Pp. 8–18. (In Rus.)]

Поляков, 2004 – Поляков О.Г. Концепция профильно-ориентированного обучения английскому языку в высшей школе: Дис. ... д-ра пед. наук. Тамбов, 2004. [Polyakov O.G. Kontseptsiya profilno-orientirovannogo obucheniya angliiskomu yazyku v vysshei shkole [Framework for teaching English for specific purposes in higher education]. Dr. Hab. diss. Tambov, 2004.]

Council of Europe, 2018 – Council of Europe Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors. Strasbourg, 2018.

Статья поступила в редакцию 18.07.2020

The article was received on 18.07.2020

Об авторах / About the authors

Перевёрткина Марина Сергеевна – кандидат педагогических наук; доцент кафедры методики обучения иностранным языкам, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Marina S. Perevertkina – PhD in Pedagogy; associate professor at the Department of Foreign Language Teaching Methodology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9676-7489>

E-mail: perevertkina.m@gmail.com

Золотарёва Мария Дмитриевна – учитель английского языка, Академическая гимназия № 56, г. Санкт-Петербург

Maria D. Zolotareva – Teacher of the English Language, Academic Gymnasium No. 56, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: maria.zolotareva15@gmail.com

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

All authors have read and approved the final manuscript

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2021.4

Сайт журнала: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 29.12.2021 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 10 п. л. Тираж 1000 экз.